

ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

Издается с 1963 г.
Журнал зарегистрирован в 2008 г.
в Управлении Россвязькомнадзора по Республике Калмыкия
Рег. номер ПИ № ТУ 08-00025

№ 3, 2008
Выходит 4 раза в год.

Редакционная коллегия:

Н.Г. Очирова (главный редактор), **Э.П. Бакаева** (заместитель главного редактора),
Е.В. Бембеев (ответственный секретарь), **Б.А. Бичеев, К.Н. Максимов,**
Э.У. Омакаева (заместитель главного редактора), **У.Б. Очиров**

Адрес редакции и издателя:

Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (847)22 3-55-06, (847)22 3-55-39; факс (847)22 2-37-84

E-mail: kigiran@elista.ru
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Кукеев Д.Г. Эсэн тайши и ойратско-китайская война 1449 г. (по данным китайских источников).....	2
Сарангэрэл. О «цэгдэг» и обычае почитания невесткой родственников мужа.....	10
Уласинов Ю.Ю. К вопросу об изучении ойратов Китая.....	14
Болдырева В.М. Об особенностях традиционного хозяйства и связанных с ними представлений и верований у эркетеневских калмыков.....	18
Бакаева Э.П. «Цараг» и «тооку» как этноспецифические элементы материальной культуры торгутов Монголии (к проблеме определения статуса ойратов в типологии этнических общностей).....	24

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Омакаева Э.У. Типология глагольной лексики монгольских языков в свете комплексного моделирования глагольного предложения.....	32
Лиджиев А.Б. Калмыцкие деминутивы в контексте современности.....	42
Очирова Н.Ч. Лексика, отражающая хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства, в произведениях К. Эрендженова.....	45
Зумаева Д.Ю. Национальное своеобразие поэзии Д. Насунова.....	49
Селеева Ц.Б. Мотив пира в структуре эпического сюжета (на примере синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»).....	52
Гармаева А.Э. Этимология числа «пять» в тюркских и монгольских языках.....	55
Батырева С.Г. Живопись как культурное наследие.....	57
Намруева Л.В. Характеристика типов этнической идентичности (на примере калмыков).....	61
Убушаев Н.Н. Некоторые сведения о системе нотной записи у калмыков.....	66

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шантаев Б.А. Полевые исследования в п. Яшалта Республики Калмыкия.....	68
Балинова Н.В. Сравнительный анализ генетико-демографической структуры сельских популяций Калмыкии (полевой материал 2004-2006 гг.).....	73
Очир-Горяева М.А., Малек К.Б. Об итогах археологического исследования Ергенинского могильника, проведенного в рамках совместного проекта КИГИ РАН и Евразийского Отделения Германского Археологического Института.....	78
Ташнинова Л.Н., Буваев Д.А., Богун Н.М., Санджиева А.Г. Комплексные исследования природно-антропогенных экосистем Кумо-Манычской впадины (по материалам полевых экспедиций).....	90
Ташнинова Л.Н. Проблемы восстановления пастбищных земель в условиях антропогенного опустынивания (на материалах Калмыкии).....	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	113
----------------------------	-----

ББК 63.3(5)

ЭСЭН ТАЙШИ И ОЙРАТСКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1449 г.
(по данным китайских источников)

Д.Г. Кукеев

В статье на основе китайских источников реконструируются события ойратско-китайской войны 1449 года, в ходе которой произошло пленение минского императора Чжу Ци-чжэня ойратским правителем Эсэнном. Автор рассматривает причины этой войны, вызванные не только воинственностью кочевников, но и противоречивой политикой императорского двора династии Мин. Данная статья может быть использована не только монголоведами, но и синологами для исследования военной истории Китая.

Ключевые слова: *Ойраты, династия Мин, Эсэн, Токто-бука, Дайсун, евнух Ван Чжэн, Туму, Хуайлай, Чжу Ци-чжэнь, Ин-цзун, Юй Цянь, Ян Шань.*

In this article basing on the Chinese sources restores the events of the Oirat-Chinese war of 1449, in which was captivated Ming emperor Zhu Qi-zhen by the ruler of the Oirats - Esen. The author considers causes of this war, which were provoked not only by the warlike of nomads, but contradiction policy of the Ming dynasty's Imperial Court. The article may be used not only by researches of Mongol studies, but even by Chinese researches for investigation of the military history of China.

Keywords: *Oirats, Ming dynasty, Esen, Tokto-buka, Daisun, Van Zhen, Tumu, Zhu Qi-zhen, In-Qzun, Yan Shan.*

Как известно, до выхода на политическую арену ойратский лидер Эсэн проявил себя как одаренный полководец, успешно отстаивая интересы ойратов на военном поприще. В 1420-х г. Эсэн возглавлял три военные кампании против восточного Моголистана и распространил ойратское влияние на запад вплоть до Бешбалыка. В 1430-х гг. он сопровождал и активно помогал своему отцу, Тогону тайши, при ликвидации давнего соперника – Аруктая [1, с. 416].

В 40-х гг. XV в. настает время Эсэна – он выходит на сцену политической истории и оказывает серьезное влияние на события в соседних государствах.

«На 4 год правления [1439-1440] умер Тогон и ему наследовал его сын – Е-сянь [Эсэн], который стал тайши и хуайваном» [2, с. 2321]. Ойратский правитель придерживался политики, завещанной ему отцом, и «выказал в осуществлении планов, начертанных последним, несравненно больше оригинальности и дальновидности» [3, с. 53]. Наконец, Эсэн воплотил в реальность замыслы своего отца и достиг неожиданных для него самого результатов и в итоге захватил в плен самого минского императора.

Источники свидетельствуют, что в начале его фактического правления «Эсэну подчинилась вся северная часть, Токто-бука обладал пустым титулом, и он не контролировал их. Они каждый раз присылали дань, хан и вассал вместе посылали послов, но император также отвечал

им разными указами каждому отдельно. И двор очень щедро одаривал их жен, детей и глав подчиненных племен» [2, с. 2321]. Таким образом, ко времени прихода к власти у Эсэна имелись весьма значительные силы. И в этой ситуации он, с одной стороны, продолжал обычные и мирные сношения с минским двором, а с другой стороны, активно готовился к вторжению и защите своего тыла. В его дипломатических посольствах ко двору минские чиновники отмечали большое количество участников: «По древним обычаям, число членов ойратских посольств не должно было превышать 50 человек. Им [ойратам] было выгодно, что двор давал награды, поэтому каждый год число членов посольств увеличивалось и достигало более 2000 человек. Несмотря на многократные указания, послы не соблюдали предписаний. Посольства на обратном пути занимались грабежами и убийствами, забирали себе чужое имущество, дорогие и редкие китайские предметы. Им этого было мало, что постоянно служило яблоком раздора. Пожалования ежегодно увеличивались» [2, с. 2321]. На наш взгляд, причиной таких действий были, с одной стороны, экономические потребности кочевого общества в бесперебойном обмене товаров и, с другой стороны, последствия политики минского двора «разделяй и властвуй», осуществлявшейся в отношении северных соседей. Отражением этой политики явился смешанный состав ойратских посольств, которые включали

ли в себя разные делегации от хана Токто-буки (Дайсуна) и тайши Эсэна: с китайской стороны к ним всегда отсылались отдельные делегации, и проводилась политика внесения раскола между этими двумя лидерами.

Эсэн руководствовался политикой, направленной на осуществление контроля над торговыми путями в Китай через Хами (Комул), а также над приграничными территориями Китая. Сначала он поставил задачу подчинить себе тех из монгольских князей, которые признавали китайский суверенитет. Самым влиятельным из них был хамийский ван, в управлении которого находились округа Аньдин, Ханьдун, Цюйсянь и Чицзинь, населенные исключительно монголами. Поэтому, как повествуют китайские источники: «Эсэн напал на Хами, захватил вана и мать вана и позже отпустил их обратно» [2, с. 2321].

Стоит отметить, что мать правителя Хами приходилась сестрой Эсэну, брак которой, по видимому, не оправдал надежды Тогона на сближение Хами с ойратами. Эсэн в сложившейся ситуации начал предпринимать военные методы давления на Хами.

Вероятно, с этой целью владыка ойратов в 1441 г. «женится в Шачжоу, у Чицзинь [Чигинских] монголов» [2, с. 2321], таким образом, породнившись с этими монголами. После заключения брака он начал склонять новых родственников на свою сторону и добился того, что те стали оказывать ему активную помощь при нападении на Хами. Поскольку подчинить полностью Хами Эсэну пока не удавалось, он продолжил оказывать давление на Хами через монголов Шачжоу, Чицзиня и Ханьдуна, которые совершали набеги на хамийский оазис. Таким образом, ойратами была создана коалиция, военные действия которой, а также отсутствие помощи извне ставили правителя Хами в безвыходное положение [4, с. 23]. С помощью поднятых против Хами ханьдунских и шачжоуских монголов Эсэн выступает в поход на Хами в 1445 г., в котором ему вновь удается захватить мать, жену и младшего брата правителя. Действия Эсэна привели к ухудшению отношений с Китаем, поскольку благодаря установлению контроля над этим оазисом Эсэн обретал и торговые пути, и стратегически важные подступы к империи.

После этого он «нанес удар У-лян-ха [Урянхайцам] и угрожал Северной Корее. Бяньцзяни узнали о великом нападении и многократно сообщали об этом, но император всего лишь предписывал им обороняться от ойратов» [2, с. 2321].

Внутри страны Эсэн успешно продолжил политику отца Тогона, которая также была направлена на преодоление политической раздробленности и создание объединенного монгольского государства с сильной централизованной властью. Завершив объединение страны, он присовокупил к своим владениям Хами. Эта мера позволила ему, с одной стороны, укрепить свой тыл, а с другой, взимать подати с земельных районов. Вслед за этим Эсэн сумел привлечь на свою сторону и установить союзные отношения с правителями других мелких княжеств Восточного Туркестана, находившимися до того времени в вассальной зависимости от Китая. Затем он привлек на свою сторону монголов-урянхайцев, составлявших большинство населения трех пограничных военных округов и охранявших границу Китая на северо-востоке.

В Китае в это время власть была сосредоточена в руках императора Чжу Ци-чжэня (27 ноября 1427 – 23 февраля 1464 гг.). Название годов первого периода его правления – Чжэн-тун (1436–1449 гг.), посмертное храмовое имя – Инцзун [1, с. 289]. Среди его советников огромным влиянием пользовался наставник, главный евнух Ведомства ритуалов Ван Чжэн, являвшимся посредником между императором и государственным аппаратом. В окружении императора процветала коррупция, компетентные военные чиновники были оттеснены, охранные войска вдоль границ находились в запущенном состоянии, а солдаты находились в положении, близком к рабству. Оборонная сила была довольно слабой, результатом чего являлись постоянные отступления минских пограничников вглубь страны при контакте с неприятелем.

Годы царствования Чжу Ци-чжэня ознаменовались дальнейшим разложением минской армии (хотя расходы на оборону границ поглощали значительную часть государственных доходов), всеобщей коррупцией и засильем евнухов при минском дворе. И это в то время, когда на границе империи возникла грозная опасность, страна находилась на пороге большой войны с кочевниками [5, с. 89].

Владения Эсэна простирались от полуострова Ляодун на востоке и до Средней Азии на западе. Власть в Монголии перешла из рук потомков Чингис-хана в руки ойратского тайши из дома Чорос.

Политика централизации, направленная на преодоление межплеменной раздробленности и создание объединенного монголо-ойратского государства под властью ойратских правителей из дома Чорос, привела к резкому ухудшению

отношений с минским Китаем. Причиной явились споры с минским правительством по поводу торговых отношений, в которых были крайне заинтересованы монгольские и ойратские правители. Торговый обмен с оседлыми странами позволял кочевникам – монголам и ойратам – приобретать нужные им продукты земледелия и развитого ремесленного производства и продавать продукты своего скотоводческого хозяйства. Однако минская династия в Китае, помня уроки прошлого, всегда руководствовалась в своей торговой практике с соседями соображениями не экономического, а военно-стратегического порядка и отнюдь не была заинтересована в укреплении мощи объединенного государства воинственных кочевников вблизи своих границ. Поэтому минское правительство в своих отношениях с монголами и ойратами всегда проводило политику «разделяй и властвуй», разжигая вражду и сталкивая ойратских и восточномонгольских правителей, с тем, чтобы обессилить обоих противников. Это выразилось в том, что Дайсун-хан (Токто-бука), номинальный правитель Монголии, был против открытой войны с Китаем. Как сообщает «Мин ши», он якобы пытался остановить Эсэна и говорил ему: «Всё – наши одежда и пища – даны нам великими минцами, как же можно выказать им такую черную неблагодарность?» [3, с. 65].

Дальнейшее развитие событий привело к ойратско-китайской войне в 1449 г. и пленению минского императора ойратским Эсэном. Интересно отметить, что такое великое событие как в истории Китая, так и Монголии нашло разное отражение в источниках. Монгольские источники ограничиваются двумя летописями – «Алтан тобчи» Лубсан Данзана и «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна. В нашей статье мы приводим данные «Алтан тобчи», поскольку сведения Саган-Сэцэна, автора «Эрдэнийн тобчи», не вносят нового в историю пленения Минского императора Эсэном по сравнению с летописью «Алтан тобчи». В «Эрдэнийн тобчи» с большой точностью воспроизводится рассказ о военных походах Эсэна.

Итак, «Алтан тобчи» сообщает: «Йонгшийэбуский Эсэн Сами отправился в поход на чжурчжитов и в пути увидел во сне, что он захватил хагана Даймин. Эсэн Сами поведал об этом Эсэну-тайши. Эсэн-тайши сказал: «Да будет хаган захвачен! Если ты захватишь его, я отдам его тебе!»

Когда шли, возвращаясь после захвата державы чжурчитов, то по пути повстречались с китайским Чжингтай-хаганом, который со своими воинами в это же время выступил походом

против монголов. Китайцы выкопали кругом рвы и не выходили из убежища. Эсэн-тайши повернул обратно, чтобы этим обратным движением заставить китайцев выйти. Китайцы вышли из рвов и пошли. Эсэн-тайши подошел и подавил китайское войско. Триста человек не двинулись. Их всех изрубили, но один человек был взят живым, и его спросили: «А ты почему же не двинулся?» Тот человек указал место, где спрятался хаган. Хагана вытащили из ямы, и когда стали рубить его, то тело его не поддалось, а меч разлетелся на мелкие куски, падавшие [вокруг]. Когда хагана бросили в воду, он не утонул, остался наверху. Не смогли его убить и отдали Чжингтай-хагана Эсэну Сами, как было предсказано в его сновидении. Когда Эсэн-тайши возвращался обратно, то приказал не говорить о захваченном Чжингтай-хагане Дайминов. «Если какой человек расскажет, то уьем!» – сказал он. После прибытия в свою юрту Эсэн-тайши сказал своей матери: «Добычи нет! Но мы-то здоровы!» – «Зачем же ты скрываешь? Слышала я, большую добычу добыли, говорят, захватили Дайминского Чжингтай-хагана» – сказала она. «Кто это говорил?» Мать его ответила: «Говорил монгол йонгшийэбу Сурсун!» Так она сказала сыну своему Эсэну. «Не рассказывать! – так ведь договорились. Зачем ты рассказал?» – спросил он, и Сурсуна убили, перегнув его пополам, повесили на кривое дерево и так оставили» [6, с. 269-270].

В монгольских источниках сведения о пленении китайского императора Цзинь-тая весьма скудны. Такое положение вещей вполне объяснимо объективными причинами.

Во-первых, в Монголии на протяжении длительного периода отсутствовали стационарные центры хранения книг, и возникли они практически одновременно с распространением буддизма и появлением буддийских храмов. Не способствовал хранению книг кочевой образ жизни монголов. Миграции, таким образом, являлись реальной угрозой утраты письменных памятников, которые также особенно сильно пострадали в период междоусобных распрей, жестоких боев и сражений [7, с. 3].

Во-вторых, Эсэн являлся ойратским объединителем всей Монголии. Известно, что восточные монголы, подчинившиеся ойратам, стремились возвращению к прежним временам и зачастую воспринимали ойратов как противников. Негативным отношением к лидеру ойратов, возможно, объясняется и недостаточное освещение монгольскими летописцами такого грандиозного действия, как пленение Эсэном императора Китая.

Напротив, китайские источники предоставляют немало сведений о походе Эсэна против Китая, который завершился пленением императора. В главах 327 «дадань» и 328 «ва-ла» данный факт описывается подробнее, чем в монгольских источниках: «На следующий год [1447] [Эсэн] снова послал письмо Сюаньфу-скому шоуцзяну Ян Хуну, Ян Хун докладывал [об этом] императору и получил приказ; в соответствии с ритуалом следовало принять послов Эсэна и затем известить императора. Через какое-то время некоторые из его племени пришли [ко двору] и подчинились, и они сказали, что Эсэн собирается вторгнуться с грабежами, Токто-бука сдерживает его, но Эсэн не слушает и планирует договориться со всеми варварами о том, чтобы вместе повернуться спиной к Китаю. Император спрашивал его, но не получил ответа. В это время двор отправил посла, который прибыл к ойратам спросить Эсэна и др., что они просят, и не было того, что не могло быть разрешено [ойратам]. Прибыли ойратские послы и снова в большом количестве, доходившем до 3000 человек, и они не указали свое число, поскольку они [ойраты] жадны на казенное добро. Департамент ритуалов предоставил им жалование на основе реального числа человек, и им выдали всего одну пятую часть. Эсэн был пристыжен и пришел в ярость» [2, с. 2321].

Как видно, китайские летописцы подробнее описывают предысторию возникновения конфликта с кочевниками. Естественно, эта летопись, являясь продуктом официальных воззрений двора, все причины будущей войны видит в отрицательном поведении кочевников и особенно в поведении их правителя Эсэна. Указанный прецедент и послужил Эсэну поводом для начала военных действий против минской империи. Войну ойратов против минского двора можно разделить на три этапа.

Первый этап (от 7 месяца до 8 месяца 14 года правления Чжэн-туна), который включает сражение при Туму, разгром Минской армии и пленение императора Чжу Ци-чжэня. «К 14 году 7 месяца правления [1449] Эсэн действовал соблазном и угрозой на всех варваров и энергично осуществлял вторжение по разным дорогам. Токто-бука заставил урянхайцев взять Ляодун; Ала чжиюань ограбил Сюаньфу, осадил Ичэн, и, кроме того, отправил отдельный кавалерийский отряд разграбить Ганьчжоу; Эсэн самолично напал на Датун. Срочный призыв о помощи [дошел до столицы], цаньцзян У Хао погиб в Маоэрчжуане. Евнух Ван Чжэн убедил императора лично идти в поход, министры пали ниц, чтобы по-

мешать [идти в поход], но успеха не имели» [2, с. 2321].

Ван Чжэн был уроженцем Вэйчжоу, который находился от Датуна на близком расстоянии, и опасался, что его малая родина подвергнется вторжению и разграблению ойратов. В то же время он хотел расположить войска на северных рубежах и продемонстрировать военную мощь и собственное могущество. 16 июля император Чжу Ци-чжэнь в сопровождении евнуха Ван Чжэна, возглавив 500-тысячную столичную армию, вышел из Пекина. Тем временем «Датунский шоуцзян Сун Ин, у-цзинь-бо У Мян, дуду Ши Хэн и др. сразились с Эсэном в Янхэ, все действия генералов были под контролем евнуха Го Цзина, но поскольку не было дисциплины, то армия потерпела неудачу. Все генералы были схвачены Эсэном, и был беспорядок. Ин и Мян погибли, Цзин спасся и затаился в траве, Хэн бежал и вернулся. Экипаж императора выехал в Датун, а в течение нескольких дней подряд шел сильный дождь, [и дул] ветер, армия находилась в [состоянии] боязни ночью, люди дрожали от страха. Го-цзин секретно предложил Чжэну повернуть войска назад» [2, с. 2322].

19 июля минский Чжу Ци-чжэнь прошел через проход Цзюйюань. 23 июля он дошел до Сюаньфу. В начале августа, когда он только добрался до Датуна, разыгралась большая буря. В это время ойратский чжиюань Ала вторгся в Ма-ин-бао (совр. Хэбэй, сев-зап. Ичэна), а шоубэй Ян Хун сбежал. Ойратские войска прошли через Ду-ши-коу (Хэбэй, северо-восток Бэй-ичэн), разгромили город Юн-нин-чэн (совр. Хэбэй), Го Дэн, услышав, что все армии терпят поражения, тайно снесся с Ван Чжэном, и все решили отступить.

3 августа минская армия распространилась на востоке. Датунский фу-цзун-бин Го Дэн через Цао Лина советовал императору отступить к столице через проход Цзыцзингуань (совр. Хэбэй), при этом следовало сохранять осторожность. От Датуна до Цзыцзингуаня они проходили через Вэйчжоу, и Ван Чжэну предложил императору посетить его малую родину, что еще более поспособствовало вхождению минской армии вглубь Вэйчжоу. После того как армия прошла 14 ли, Ван Чжэн понял, чем опасно проникновение вглубь: люди и лошади истощат его родную землю. Внезапно приближенный императора взял свое слово назад и подтянул армию к востоку [8, с. 3485].

10 августа «Император прибыл в Сюаньфу, вражеские войска атаковали армию с тыла. Хунь-шунь-хоу У Кэ-чжун с верностью давал отпор врагу, но потерпел поражение и умер.

Чэн-го-гун Чжу Юн, юн-шунь-бо Се Шоу с 40-тыс. войском продолжал движение и прибыл в Яоэрлин, они попали в засаду и были полностью разбиты. На следующий день [император] прибыл в Туму» [2, с. 2322].

13 числа император Чжу Ци-чжэнь отступил из Сюаньфу к Туму, который находился от г. Хуайлай всего в 20 ли. Ван Чжэн не осмелился войти в город из-за того, что военный обоз был велик. Минский император тогда оставался на горе Ланшань у тумуской крепости. Армейский лагерь был разбит около крепости Туму, которая являлась важной почтовой станцией, располагавшейся между проходом Цзюйюнгуань и Сюаньфу, Датун. Она лежала на западном склоне горы Ланшань и находилась к востоку от укрепления Хуайлай на 25 ли, к северо-востоку от Яньцинчжоу на 80 ли, и к западу от Баоаньчжоу на 40 ли. В это время с северо-запада, со стороны Яоэрлина, напали войска под руководством Эсэна, с северо-востока со стороны г. Ичэна и территории Юн-нина атаковали минскую армию войска чжиюаня Ала. Минские войска попали в очень тяжелое положение.

14 числа на рассвете ойратские войска достигли крепости Туму и окружили гору Ланшань. «Туму находится на возвышенности, колодцы были глубиной в 2 чжэна, но воды не находили. Все дороги, на которых имелась вода, были захвачены врагом. Люди испытывали жажду, и на следующий день враг обнаружил, что императорская армия стоит и не двигается, и притворно отступил. Чжэн приказал перевести лагерь к югу» [2, с. 2322]. 181-я цзюань «Мин Инцзун шилу» добавляет, что «к югу от крепости на 15 ли имелась река, на которой располагались ойратские войска. Минские войска находились без воды два дня; как люди, так и скот испытывали жажду, армия очень утомилась... Ойратская же армия увеличивалась. 15 числа ойратские войска начали притворяться, что отступают, и послали гонца с предложением о мире. Минский Чжу Ци-чжэнь приказал сюэши Цао Лину побыстрее ответить и послал двух людей вместе с послом Эсэна в лагерь ойратов с целью заключения мира. Ван Чжэн же приказал переместить военный лагерь поближе к воде. Положение в войсках было плачевным, все было беспорядочно, и все двинулись на юг и прошли 3-4 ли, как ойратские всадники внезапно атаковали со всех четырех сторон, с яростью рубя минскую армию и громко восклицали: «Не убьем тех, кто сдается!» [8, с. 3486]. «100 тысяч человек было убито и ранено. Ин-го-гун Чжан Фу, фума дувэй Цзин Юань, шаншу Куан Е, Ван Цзо, чиновники из личной охраны Лан Цзао-най, Дин Сюань и еще

более 50 человек погибли, также погиб и Чжэн» [2, с. 2322].

«Минский Инцзун, возглавив свою гвардию, собирался прорвать окружение, но успеха не имел. Ему даже пришлось слезать с лошади и сидеть на земле скрестив ноги, его сопровождал только евнух Си-нин» [8, с. 3486]. Император был пленен и «Эсэн, когда узнал о прибытии императорского экипажа, был очень изумлен и даже не поверил, но когда они свиделись, [Эсэн] очень вежливо обращался с ним» [2, с. 2322]. В истории это было названо «Битвой при Туму» или «Тумуская катастрофа».

Второй этап этой войны продолжался с 8-го месяца до 12-го месяца 14-го года девиза правления Чжэн-гуна (храмовое имя—Ин-цзун). Этот этап характеризуется так называемым «сопровождением императора», грабежом городов, осадой столицы и неудачным исходом на север. После пленения императора (это произошло 16 августа) Эсэн устроил совет со своими приближенными относительно судьбы пленного императора. Некоторые из его подчиненных утверждали, что следует немедленно убить минского императора, а другие считали, что надо оставить его в живых, так как он представляет собой ценность. После жарких споров «захваченного императора он оставил у младшего брата Боянь-тэ-му-эра [Баян-темур], а также прежде захваченного сяовэй Юань Лина, который прислуживал императору» [2, с. 2322]. Далее в «Мин ши» есть описание чудес, «Эсэн имел замысел [лишить жизни императора], но случилась гроза, молния, которая убила лошадь Эсэна, это было предзнаменованием, чтоб Эсэн прекратил задерживать императора. Эсэн принудил императора отправиться в г. Датун, требуя золото и шелк, и дуду Го Дэн дал 30 тысяч серебра. Дэн снова планировал взять карету императора и вместе въехать в город, но император отговорил его, и Эсэн вынудил императора направиться на север» [2, с. 2322].

Тем временем в Пекине произошли следующие события. Когда известие о катастрофическом поражении армии в Тумуском сражении и о пленении императора достигло китайской столицы. В правительственных кругах воцарились паника и смятение, ведь многие высшие должностные лица, включая и военного министра, находились в походе вместе с императором. Некоторые представители властей предлагали даже перенести столицу из Пекина на юг страны. Однако при дворе взяли верх патриотические силы. Крупные сановники и военачальники, находившиеся в Пекине, предпочли сплотиться вокруг младшего брата попавшего в плен

императора, регента Чжу Ци-юя. Ему шел в это время двадцать второй год, но он был робким, слабохарактерным и нерешительным человеком [1, с. 294-295]. Главную роль в последовавших событиях сыграл талантливый и энергичный полководец Юй Цянь. В 1449 г. он был заместителем военного министра и, по счастью, во время злополучной военной кампании оставался в столице, исполняя обязанности главы военного ведомства. На место пропавших во время этой кампании высокопоставленных придворных и военачальников при новом дворе к власти пришли новые люди. Юй Цянь 7 сентября 1449 г. был назначен военным министром и стал наиболее влиятельной фигурой в новом правительстве.

В критической ситуации Юй Цянь проявил твердость и решительность и категорически воспротивился предложению перенести столицу из Пекина на юг страны. Ему принадлежала идея возведения на престол младшего брата пленного императора принца-регента Чжу Ци-юя с тем, чтобы лишить ойратского правителя Эсэна главного средства для оказания политического давления на Китай [9, с. 49]. 22 сентября 1449 г. «на престол императора возшел Чэн-ван, который прежде был Цзяньго, и пожаловал предыдущему императору [титул] Тайшан-хуанди. Эсэн обманывал, что вернет императора, и пошел через Датунский Янхэ, добрался до прохода Цзыцзингуань и атаковал его» [2, с. 2322].

11 октября ойратские войска приблизились к Пекину и поместили минского Чжу Ци-чжэня снаружи Дэ-шэн-мэна. В этот раз Эсэн начал вторжение, планируя за несколько дней разграбить Пекин, но, увидев, что город укреплен (минская армия находилась в полной боевой готовности), понял, что это будет делом нелегким. Евнух Си-нин являлся восточным монголом, и после пленения был привлечен на сторону Эсэна, помогал ему различными советами. Так, он посоветовал Эсэну под предлогом заключения мира пригласить в ойратский лагерь минских высших чиновников – Юй Цяня и др. высших сановников империи для ведения переговоров. Однако они получили твердый отказ со стороны Юй Цяня.

13 числа ойратские войска вторглись в Дэ-шэн-мэн, а Юй Цянь приказал Ши Хэну сделать засаду, расквартировав солдат в доме жителей. Он также отдал приказ небольшому военному отряду дать знать врагу, что они якобы проигрывают и отступают. Когда ойратские всадники численностью более 10 тысяч человек вторглись в город, Юй Цянь распорядился встретить врага из огнестрельных орудий. Фу-цзун-бин Фань Гуань, вскочив на коня, вторгся в самый центр

ойратского войска. В этот момент из засады внезапно выступил Ши Хэн, в результате они взяли «щипцами» с двух сторон ойратское войско, которое и потерпело поражение у стен города. В этой схватке погибли младший брат Эсэна – Болот, Пин-чжан Маонахай и др. Ойратские войска повернули и напали на Си-чжен-мэн, но там также потерпели поражение и после этого отступили в окрестности за город».

Эта битва за Пекин длилась 5 дней. Ойратская армия встретила ожесточенный отпор, было множество погибших и раненых, пал боевой дух. Сначала Эсэна остановил город, затем он встретил наступление минской армии, отчего и оказался в крайне плачевном состоянии. Помимо этого, он слышал, что из Ляодуна и Сюаньфу движется дополнительное минское войско, которое может перекрыть ему дорогу.

Другой ойратский отряд, численностью 50 тысяч всадников, осадил проход Цзюйюнгунань, но шоуцзян Ло Тун приказал полить водой приступы к городу, и они превратились в лед. И здесь ойратская армия не продвинулась вперед, ведя боевые действия в течение 7 дней и ночей, после чего отступила. Эсэн, услышав эту новость, стал еще более осторожным. 15 числа он снял свой лагерь и тайно отступил. Юй Цянь отдал приказ Ши Хэну и др., чтобы они под покровом ночи настигли противника. В итоге было убито еще 10 тысяч человек [5, с. 89].

«Ночью Эсэн ушел и от Лянсяна до Цзыцзиня, сильно грабил и уходил. Дуду Ян Хун нанес большое поражение остаткам войск Эсэна в местности Цзюйюн. Эсэн с прежним императором ушли на север» [2, с. 2322]. Токто-бука, услышав о проигрыше, не стал вторгаться через ущелья, а направился на север. Эсэн отошел незаметно к Лянсяну и 17 числа вместе с пленным императором вышел из прохода Цзыцзингуань и вновь, разделив свое войско, занялся грабежом Хэбэя.

Зимой того же года ойратские военные отряды распространялись на севере. Юй Цянь также укреплял оборонную мощь столицы. В декабре Юй Цянь тайно послал более 200 смельчаков на юг Кайпина (совр. Долун сянь), север Сюаньфу. Они действовали по ночам, тревожа лагерь Токто-буки и чжюаня Ала, тем самым доставляли немало забот неприятелю.

В это время главные силы Эсэна занимали местность, в которую входили западная возвышенность горы Дациншань (неподалеку от совр. Хух-хото), восточная часть Янхэ (совр. Си-ян-гао-сянь), Сюаньфу (совр. Хэбэй, Сюаньхуа). Чжюань Ала располагался к востоку от него – на территории современного Долунсянь,

территория, занятая Токто-букой, находилась на землях совр. Хулун баяра [5, с. 94-95].

Третий этап (с весны года вступления под девизом правления Цзин-тай до лета) был охарактеризован новой попыткой похода на юг, проигрышем и отправкой послов с предложением о мире.

На этом последнем этапе войны с минцами ойраты вновь проводят тактику нападений на территории, подвластной минской династии. В это время вышеупомянутый евнух Си-нин дает советы Эсэн: предлагает выступить из Нинся, разграбить Шаньси и спешно направиться в Цзянань, затем разместить императора Чжу Ци-чжэня в Нанкине и начать политику противодействия новому императору Чжу Ци-юю. Он советовал также, чтобы далее ойратские войска из южной части прохода Цзыцзингуань направились в Шаньдун, затем, разграбив Ланцин, перерезали бы путь, по которому проходила доставка провианта Минской армии. Следовательно, Эсэн планировал еще одно вторжение в Китай.

В марте ойраты вновь несколькими дорогами вторглись на минскую территорию. Эсэн и Сайхан-ван напали на Датун и Янхэ; Датун-ван напал на Бянь-гуань; Тегэ-бука напал на Датун-ба-ли-дянь; Тегэ-пинчжан напал на Тяньчэн, Токто-бука напал на Е-гу-лин и Ван-цюань-вэй [5, с. 95].

Юй Цянь, перебросив войска, с боем встретил ойратскую армию. В мае многотысячная ойратская армия напала на Ин-мэнь-гуань, но была отброшена Ду-чжи-хуэем Ли Жуюем. Ойраты снова напали и разграбили Хэцю и Ицзинбао (совр. Шаньси, западная часть Шэнь-чи сяня), осадили Дайчжоу и стремительно продвинулись на юг, но были отброшены губернатором Шаньси Чжу Цзянем.

В июне ойратские войска вновь напали на Сюаньфу и вместе с плененным императором направились в Датун, неся поражения. Тем временем «Китай привлек к себе и убил шпиона Ян Си-нина. Эсэн потерял его, и Токто-бука, Ала чжиюань вновь послали своих послов ко двору для переговоров о мире. Они отозвали свои отряды, и Эсэн решил прекратить вражду» [2, с. 2322]. В итоге минский двор согласился и «осенью император послал шилана Ли Ши, и шоуцзина Ло И, и управляющего войсками Ма Чжэна, который передал письмо с императорской печатью, адресованное к Токто-буке и Эсэн. Затем Токто-бука и Эсэн послали Пи-эр-ма-хэй-ма [Пир-Махмуд] и других в столицу» [2, с. 2322].

Мирные переговоры между ойратским тай-

ши и новым минским правительством начались летом 1450 г. С китайской стороны их вести было поручено опытному китайскому дипломату Ян Шаню, минскому чиновнику, который имел самый длинный послужной список (он находился на государственной службе свыше пяти десятилетий). На его хитрость, пронырливость и редкостное умение держаться «на плаву» при любых жизненных обстоятельствах указывают большинство биографов Ян Шаня, но они же одновременно с похвалой отзываются о его искусстве дипломата [9, с. 49]. Таким образом, «император послал снова к ойратам душойши Ян Шаня, шилана Чжао Юн-лю и посольство, которое состояло из чжихуэев, Цянь Ху и др. Эсэн сказал истинно, что выгода для двух государств – побыстрее восстановить мир. Послы шли всю ночь и к утру прибыли к ставке экс-императора, а утром должны были выехать, но только 1-2 высших чиновника. Ши вернулся, а Шань прибыл для того, чтобы потребовать возвратить прежнего императора. Эсэн спрашивал: «Прежний император возвращается, но как же поставили другого сына неба?» Шань отвечал: «Место императора уже утверждено, и вновь замены не будет» [2, с. 2322]. Вняв уговорам китайского парламентаря, ойратский владыка согласился отпустить своего пленника без всяких условий и без всякого выкупа.

«Эсэн провел Шаня на аудиенцию к экс-императору, а затем устроил прощальный банкет в честь прежнего императора. Эсэн сидел на земле и играл на лютне, его жены и наложницы преподносили вино. Ян Шаню было сказано: «Душойши, садитесь». Но Шань не осмелился сесть и прежний император сказал: «Поскольку тайши сел, и вы садитесь». Шань получил приказ императора и сел. Затем вставал и снова садился, чередуя. Эсэн сказал Шаню, что тот вежлив. Баян и остальные завершили проводы императора. Эсэн возвел земляное возвышение и усадил на него прежнего императора, жены, наложницы и командиры обступали его полдня и подносили оружие и еду. Эсэн, Баян и остальные сошли с лошадей. Распростершись, плакал и говорили: «Император уезжает, когда мы сможем заново встретиться?» [2, с. 2322]. Однако основной темой на переговорах Эсэна с китайским послом являлись вопросы взаимной торговли. Китайская сторона заявляла: «Когда экс-император [то есть прежний император Чжу Ци-чжэнь] сидел еще на престоле, то тайши отсылал два раза в год посольства с данью; число ваших послов доходило до трех тысяч человек, и все они награждались огромным количеством золота и шелковых материй;

как могли [вы] оказать такую черную неблагодарность?» [2, с. 2313]. В ответ Эсэн выдвигал свои претензии к китайской стороне: «Зачем вы уменьшили цены на лошадей и часто давали негодный шелк?». На эти упреки китайский посол указал: «Не мы виноваты в том, что пришлось давать вам менее, чем следовало за лошадей, а вы же сами, так как с каждым годом вы приводили их все больше и больше. Мы не желали отклонять ваших приношений, но не имели возможности уплачивать за все полностью, а потому поневоле должны были уменьшить цену. Что же касается того, что вам часто отпускали порченный шелк, то в этом виноваты казенные поставщики, и когда злоупотребление это было обнаружено, то их казнили» [3, с. 76]. Эта беседа между Эсэном и китайским послом показывает характер экономических связей Монголии и Китая в описываемое время и на истинную подоплеку войн между ними. «Пришло время, и он уехал, и вместе с ним послали 70 своих людей до столицы» [2, с. 2322]. После возвращения в Китай из ойратского плена бывший император Чжу Ци-чжэнь был заточен и строго изолирован от внешнего мира в одном из дворцов Запретного города, где провел свыше шести с половиной лет, пока его младший брат находился на императорском престоле. Затем в 1457 г. во время болезни императора Чжу Ци-юя в результате дворцового переворота он вновь занял императорский трон и правил страной до 1464 г.

Нельзя не видеть в самом факте пленения минского императора ойратским правителем Эсэном «величайшее военное фиаско минского периода. Ведь такое поражение, отягощенное попаданием в плен к противнику самого императора, случилось в истории Китая лишь однажды – при Сунах в 1127 г., когда чжурчженям еще удалось взять их столицу в Бяньляне (Кайпин)» [10, с. 326].

Эсэн не добился своей цели в войне: он хотел не только занять Пекин, но и по совету перебежчика Си-нина свергнуть династию Мин. Как видно из источников, в самом ойратско-монгольском лагере начались разногласия: Токто-бука и чжиюань Ала выражали недовольство по поводу последствий этой войны и долгого задержания минского Чжу Ци-чжэня. Они сами отсылали послов и устанавливали контакты с минским двором, вынуждая Эсэна вместе со своей отрезанной армией вести войну. Эсэн был вынужден прекратить военные действия и удалиться на север, а впоследствии вернуть пленника без видимых для себя выгод. Причина его поражения в этой войне кроется в особен-

ностях проведения первого этапа войны, когда Эсэн полагал, что пленный император может быть козырной картой в будущих мирных переговорах. Поэтому он не сумел до конца использовать благоприятную для себя ситуацию, чтобы приобрести у китайской стороны выгодные для ойратов условия мирного договора. Ведь он мог после победы при Туму не только занять столицу китайской империи Мин, но и установить свою власть над Китаем. Вместо этого, как видно, он напрасно ждал прибытия китайского посольства для заключения мира.

Тем не менее, указанные успехи ойратов не могли не способствовать дальнейшему углублению процесса объединения ойратов. Факт взятия в плен императора имел большое значение для ойратов, что, в частности, отражено в легенде о появлении традиции ношения «улан-зала» (небольшой кисти из красных нитей на головных уборах), перешедшей от ойратов к калмыкам и бытовавшей вплоть до первой трети XX в. Согласно легенде, ойраты сорвали с шапки плененного императора красную нить и, разобрав по ниточкам, нацепили на свои шапки, чтобы хан Эсэн видел и знал, что именно они пленили императора [11, с. 180].

ЛИТЕРАТУРА

1. L. Carrington Goodrich and Chaoying Fang. Dictionary of Ming Biography, 1368-1644. Vol. 1. A-Z. Columbia University Press, New York and London, 1976.
2. Мин ши (История династии Мин). Сер. Сыбу бэй-яо. Шанхай, 1936. Цз. 328.
3. Покотилев Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин (1368-1644). СПб., 1893.
4. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII веке. М., 1990.
5. Ду Жункунь, Бай Цуйцин. Си мэньгу ши яньцзю. (Исследования по истории западных монголов). Урумчи, 1986.
6. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. / Пер. с монг. Н. П. Шастиной. М., 1973.
7. Герасимович Л.К. Монгольская литература XIII – начала XX вв. Элиста, 2006.
8. Мин Инцзун шилу. (Записки о свершившемся под девизом правления минского Чжэн-туна). Факсим. изд. Сянган, 1964-1966. Цз. 181.
9. Санчилов В.П. Гегемония ойратов в Монголии и Эсэн-хан (1407-1455 гг.) // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2002. Вып. 17.
10. The Cambridge history of China. Vol. 7. The Ming Dynasty. 1368-1644. Part 1. Cambridge, 1988.
11. Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве (XIII – 60-е гг. XVII века). Элиста, 2007.

ББК 63.5 (5 Мон)

О «ЦЭГДЭГ» И ОБЫЧАЕ ПОЧИТАНИЯ НЕВЕСТКОЙ РОДСТВЕННИКОВ МУЖА

Сарангэрэл

Статья посвящена изучению одного из типов женской одежды – цэгдэг - и его символики на основе письменных и устных источников. Показана взаимосвязь традиции ношения цэгдэг с семейными обычаями монгольских народов.

Ключевые слова: монгольские народы, культура, традиции, цэгдэг, символика

The article is devoted to the study of one of lady's wear types – the tsegdeg and its symbolics on the basis of written and oral sources. The interrelation of tradition of carrying tsegdeg with family customs of the Mongolian people is shown.

Keywords: the Mongolian people, culture, traditions, tsegdeg, symbolics.

Цэгдэг – один из типов одежды замужней женщины у ойратских народов. О широком распространении и значении цэгдэг в культуре свидетельствуют письменные источники, символика данного типа одежды может быть исследована также на основе полевых материалов.

В «Великом уложении» - своде законов, принятых в 1640 году на съезде монгольских и ойратских князей и духовенства, указано: «... дөчний дэмчийн хүүхний малын тоо таван тэмээ хорин таван бод дөчин хонь авах, өгөх эд арван захтай хорин задгай эмээл хазаар дээл цэгдэг хоёр морь инж өг хүн инжтэй болохлоор тэмээ харамнаж өг» (§ 30); «Адаг хүний мал хоёр тэмээ, арван бод арван таван хонь буй морь тэмээ дээл цэгдэг эмээл хазаар өгтөгэй» (§ 37) [1, с. 70]. В 23-м параграфе того же источника читаем: «... хол явах элчин... хэн хүн хоног эс өгвөл гунж ав, үргүй эм хоног эс өгвөл цэгдэгийг нь ав шилтаг хэлвэл шиг» [1, с. 54-55], в 8-м параграфе: «... дайснаас... дутаавал цэгдэг өмсөгөх болов» [1, с. 29—30]. В другом источнике указано «... баруун гарын тохойгоор нь огтолж, эхнэр хүний цэгдэгийг өмсөн...» [2, с. 38].

В данной статье сделана попытка определения особенностей типа одежды, к которой относится цэгдэг и его семантики. Кроме того, нашей задачей является выяснение взаимосвязи между этим элементом одежды и правовыми предписаниями.

Цэгдэг, как одному из знаковых элементов женской одежды, а также вопросам происхождения его названия, особенностям кроя и правилам ношения посвящен ряд работ¹. Ис-

следователь Доронтив отмечает, что под цэгдэг понимается «одежда, одеваемая внутрь, или укороченная одежда» [1, с. 71]. Встречаются следующие определения цэгдэг: «өвөр задгай товчгүй, ханцуйгүй, тэрлигийн дээр өмсөдэг охор хувцас» («безрукавная короткая одежда с открытой грудью, не имеющая застёжек, надеваемая поверх тэрлика»); «охор хувцас» (короткая, укороченная одежда). Однако, по нашему мнению, это определение не вполне верное. Человеку, впервые увидевшему цэгдэг, он представляется как безрукавка. С.Д. Дылыков при переводе свода законов 1640 г. цэгдэг определяет словом «цээжмэг» [3, с. 18]. Ряд исследователей - Лю Жи Пин, Бай Цу Чин, Ду Рун Кун, Пан Ши Сюан и Г.Ф. Голстунский - переводят это слово как «ханцуйгүй охор хувцас» (укороченная одежда без рукавов) [1, с. 89]. В словаре «Хорин нэгт тайлбар толь» цэгдэг определяется как «укороченная из хлопка одежда, одеваемая внутрь» [4, с. 755]. Исследователь из Внутренней Монголии Шагза в «Монгол үгийн тайлбар толь» цэгдэг называет «цэгтэн» [5, с. 758].

Для определения семантики слова цэгдэг, его символики, а также степени современного использования нами был проведен опрос в г. Дэлэхэй. По словам нашего информанта Санжикава, цэгдэг – это «короткая одежда без воротника, без рукавов, без пуговиц, с открытыми бортами, с четырьмя подолами, которая одевается поверх, закрывая тэрлик». Информант Дахима отметила: «По длине цэгдэг короче, чем тэрлик. Подол тэрлика должен доходить до подошвы обуви и касаться земли, он обязательно должен закрывать лодыжку; считается некрасивым, если длина тэрлика

¹ Кроме указываемых автором данной статьи работ о символике цэгдэг, представляют также интерес работы отечественных этнологов, например: Дугаров Д.С. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмы-

ков. Элиста, 12983. С. 36-52; Дугаров Д.С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. 1983. № 5. С. 104-113 и др. (Ред.)

меньшая. Подолы же цэгдэг должны достигать лишь до лодыжки».

В процессе опроса нами ставилась задача выявления видов цэгдэг. Выяснилось, что хотя обычно понятие «охор хувцас» больше относится к тэрлику, на самом деле цэгдэг должен быть намного короче. Цвет цэгдэг не одинаков, они могут быть разнообразными. Некоторые пожилые информанты отмечали, что цвет цэгдэг должен совпадать с одеваемым внутрь тэрликом. Другие же отмечали, что цэгдэг обязательно должен быть сшит из шелка голубого цвета. В свадебных благопожеланиях встречается словосочетание «хөх цэнхэр өнгөтэй цэгдэг» («цэгдэг сине-голубого цвета»). К примеру, в благопожелании «Хүүхэн мордуулах ерөөл», записанном у монголов Китая, говорится:

«Чин цагаан эсгий дээр
Чиндмаань балмын тэвжид эрэлээд
Цэнхэр хөх цэгдэг өмсөж
Цэлгэр хөх тэнгэрт мөргүүлөв чууд».

В рамках полевых исследований были отмечены некоторые особенности свадебной церемонии, связанные с одеванием цэгдэг. Так, одни информанты отмечают, что «невестка одевает цэгдэг, когда из дома отправляется в дорогу» [инф. Дахима, г. Дэлэхэй]. Другие утверждают, что «невестка одевает новый цэгдэг поверх тэрлика, доехав до дома мужа, в знак почитания родственников мужа. Если его нет, то цэгдэг берут в долг. Не может быть такого, чтобы невестка не одевала цэгдэг» [инф. Санжижав, Западный сомон]. Таким образом, в традициях ойратов цэгдэг является обязательным элементом костюма невестки. Поэтому цэгдэг как элемент одежды невестки играет важную роль в свадебном обряде. По данным опрошенных информантов, традиция обязательного наличия данного типа одежды у невесты определила появление следующего обычая: если семья невестки бедная, то цэгдэг для нее готовят родственники мужа.

Одной из причин обязательной подготовки цэгдэг при отправке невесты в дом ее будущего мужа является его роль как знака социальной стратификации в обществе.

Замужество означает переход невесты в статус замужней женщины, определяющий ее новые функции - приготовление пищи, шитье одежды, воспитание детей, прием и приветствие гостей, и др. Цэгдэг, как знаковый элемент, показывает, что женщина стала женой, хозяйкой дома; она обрела мужа. В этом отношении символика цэгдэг имеет глубокий культурный смысл.

Ряд внешних атрибутов одежды является символами, отражающими характеристику частной жизни монгольской женщины. Например, по одежде можно определить, есть ли у нее дети, сможет ли успеть женщина, которая ухаживает за детьми и ведет домашнее хозяйство, встретить находящегося в дороге путника. В этом плане культурные традиции в одежде играют важную символическую роль.

Существует несколько преданий о происхождении цэгдэг. В одном из них говорится, что в старые времена у женщин не было такой одежды, как цэгдэг. Жена одного богатого хана влюбилась в другого человека и собиралась с ним сбежать. Хан, узнав об этом, приказал отрубить ханше обе ноги, обе руки и голову. Однако ханские начальники хорошо относились к своей госпоже и, узнав об этом жестоком распоряжении, сказали хану, что они не согласны исполнять столь суровый приказ. Они посоветовали хану применить другой способ, который бы походил на его распоряжение. На ханшу одели сшитый цэгдэг. Такой тип одежды символизировал суровое наказание: отсутствие рукавов означало отрубленные руки ханши, короткий подол - отрубленные ноги, отсутствие воротника обозначало отрубленную голову. Таким образом, ханша была избавлена от жестокого наказания. Но с тех пор женщина, ставшая невесткой, перед поездкой в дом будущего мужа одевала цэгдэг, что символизировало собой клятву и поклонение. Клятва же была такого содержания: «с момента отправки в дом мужа не влюбляться в других мужчин, быть верной, не сбежать из дома. Если такое произойдет, то буду я, как этот цэгдэг без рук, ног и головы» [инф. Палжи, Восточный сомон].

В хошуне Хүрлэг в беседе с одним из информантов было сформулировано одно из традиционных представлений о причинах появления традиции ношения цэгдэг. «Согласно клятве, замужняя женщина не должна изменять своему мужу. Измена женщины, носящей цэгдэг, т.е. замужней, подобна смерти» [инф. Дахима, г. Дэлэхэй].

На мужчину, сбежавшего с войны, также одевали цэгдэг, что символизировало суровое наказание и выражало всеобщее презрение к нему.

В «Сокровенном сказании монголов» указано «бушуга=а=йин цину боул боитугай. бушуга=а=аса цину болjabасу бурби ину оутул» [6, с. 437-440]. Выражение «бушуга=а=аса болjabасу» отражает способ наказания, а выражение «цину бурби ину оутул» означает «отрубить четыре ко-

нечности».

Из сказанного выше можно заключить, что цэгдэг, являющийся одним из элементов женской одежды, несущим функциональную и декоративную нагрузку, имеет глубокое значение. Он символизирует обретение женщиной нового статуса – статуса хозяйки семьи, замужней женщины. Он также означает суровое наказание, символизирует позор для дезертировавшего мужчины, что подобно смерти, лишению головы. Как отметил наш респондент, «мужчина, сбежавший с войны, похож на трусливую женщину. В наказание он, одев цэгдэг, обходит с позором все поселение» [инф. Дорж, г. Дэлэхэй].

Таким образом, символика данного атрибута одежды многозначна. Порядок использования цэгдэг регулировался законом и обычным правом среди простого народа.

Женский цэгдэг – это элемент одежды, ношение которого строго регламентируется. Главное его предназначение – свадебная нарядная одежда, символ изменения социального статуса женщины. С ним связано много разнообразных обычаев и традиций: к примеру, правила поведения невестки по отношению к родственникам мужа; поклонения невестки им; обряд, связанный со снятием цэгдэг [«цэгдэгийн нанга гуйх», нанга – тибетское слово, означает «свобода»].

В благопожелании, которое произносится при отправлении невестки в дом мужа, говорится:

ханцуйгүй бараан / хувцас өмсөж
харь элигтэй / хүнд мордуулна
энгэр задгай /эрээн цохор хувцас өмсөж
элиг буруу /хүнд мордуулна... гэх буюу
хорин салаа гэжгийг нь / хоёр салаа бол-
гож

хойт хормойд нь / унаа гаргаж
арван салаа гэжгийг нь / ангилаж
ар хормойд нь / унаа гаргаж
чин цагаан эсгий дээр / чиндамань бал-
мын тэвжид эрээлээд

цэнхэр хөх цэгдэг өмсөж / цэлгэр хөх
тэнгэрт мөргүүлэв чууд [инф. Санжижав,
Восточный сомон].

Обычаи почитания родственников по линии мужа, ношения цэгдэг, символика кроя цэгдэг, клятва, даваемая невесткой при вхождении в новую семью – традиции, являющиеся наследием давних времен. Но до настоящего времени в некоторых местах проживания монгольских народов продолжают использовать цэгдэг в качестве национальной одежды и соблюдать перечисленные обычаи.

По словам опрошенной нами пожилой респондентки Санжижав, помимо того, что цэгдэг одевается при поклонении родственникам мужа, после замужества обязательно ношение цэгдэг в течение трех лет. Особенно тщательно соблюдается обычай, связанный с цэгдэг, при встрече родственников по линии мужа. Через три года проводится обряд «освобождения от цэгдэг» («цэгдэгийн нанга гуйх»): сын с невесткой, обращаясь к родственникам, преподносят хадак, поклоняются им и просят «цэгдэгийн нанга» (свободу от цэгдэг). В некоторых местностях этот обряд называется «бүсийн нанга». Созываются ближайшие родственники для проведения обряда «бэрт цэгдэгийн нанга өгөх», во время которого невестке дарят корову с телянком, кобылу с жеребенком. После этого обряда невестке уже разрешается при приветствии родственников мужа не одевать цэгдэг, и она может не носить его дома.

Обряд ношения и снятия цэгдэг через три года имеет особый смысл в кочевой культуре. Это своего рода порядок, которому следовали наши предки, который регулировал социальные роли в обществе. Отношения между невесткой, мужем и родственниками не были хорошо проверенными, невестка считалась человеком другого племени, «харь элэгтэй». Эта же традиция определяла переходное время для проверки отношений в семье между невесткой и родителями ее мужа, ведь, во-первых, невестка была еще слишком молода, во-вторых, в семью мужа она приходила издалека, из отдаленного рода, порой – малознакомого племени. Потому трехлетняя традиция ношения цэгдэг давала возможность регулирования семейных отношений.

Анализируя этимологию слова цэгдэг, можно предположить его связь со словами «цэвэр», «цэгээн». Опрошенные пожилые информанты называли цэгдэг запрещающей одеждой, своего рода табу, сохраняющим чистоту; слова «цээр» и «цэвэр» одного корня. «Цээр» означает «неотклонение, следование закону, порядку». В тюркских языках «цэгэ» или «цэг» означает «преодолевать, побеждать; переступать, превышать, превосходить» или «граница, край». Из корня этого слова со значением «нельзя нарушить, переступить какую-либо норму, правило», возможно, возникло монгольское слово «цээр».

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронтив. Ойрад цааз // Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Хөххот, 1986.

2. Буян Өлзий, Боо Гээ и др. Монгол ойрадын цаазын бичиг // Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Хөххот, 2002.

3. Их цааз (“Великое уложение”). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Наука, 1981

4. Өвөр монголын монгол хэл утга зохиол түүх судлах газраас эмхэтгэсэн «Хорин нэгт тайлбар толь» // Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Хөххот, 1979.

5. Шагза. Монгол үгийн тайлбар толь. Үндэстэний хэвлэлийн хороо. Бээжин, 1998.

6. Монголын нууц товчоо / Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. Хөххот, 1981. С. 437—440.

7. Хэл ба орчуулга. 1990. № 3.

8. Ду Рун Кун, Бай Цу Чин. Монголоведение западной части Китая. Народное издательство Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. Урумчи, 1986. 杜 坤, 白翠琴:《西蒙古研究》新疆人民出版社, 1986年, 第

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Алтанцэцэг, ойратка, пров. Цинхай КНР, опрос 26.01.2008

2. Дахима, ойратка, город Дэлэхэй, пров. Цинхай, опрос 05.08.2002

3. Дахима, ойратка, г. Дэлэхэй, пров. Цинхай, опрос 23.10.2004

4. Дорж, ойрат, город Дэлэхэй, пров. Цинхай, опрос 05.08.2005

5. Мама ээж, ойратка, город Дэлэхэй, пров. Цинхай, опрос 28.07.2003

6. Палжи, ойратка, селение Давхи, Восточный сомон Дулаан шиан, пров. Цинхай, опрос 05.08.2007

7. Санжигжав, ойрат, Восточный сомон Дулаан шиан, пров. Цинхай, опрос 09.08.2007

8. Санжигжав, ойрат, Западный сомон, пров. Цинхай, опрос 09.08.2007

9. Юм ээж, ойратка, пров. Цинхай, опрос 25.01.2008

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОЙРАТОВ КИТАЯ

Ю.Ю. Уласинов

Статья посвящена проблемам ойратского населения Китая, основана на китайских литературных источниках и устном опросе представителей торгутов КНР.

The article is devoted to the oyrat population in China and based on information gathered from Chinese scientists and available torghuds' materials.

Исследование актуальных проблем этнической истории калмыков невозможно без изучения ойратского населения Китая. Данная статья посвящена общей характеристике основных групп торгутов Китая на основе работ китайских исследователей и полевых материалов.

В настоящее время большая часть торгутов проживает в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, меньшая – во Внутренней Монголии и провинции Цинхай. Небольшие этнические группы торгутов живут в Нинся-Хуэйском и Тибетском автономных районах, в провинциях Ганьсу и Юньнань, на Тайване, а также в особом административном районе Сянган и др. [1]. Большая часть их – скотоводы, но ойраты, которые живут вблизи земельных угодий, занимаются земледелием.

Среди ойратских народов Китая можно выделить представителей следующих групп:

1) Торгуты, проживающие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, – потомки откочевавших из Российской империи подданных калмыцкого хана Убаши (1771 г.). После переселения они, главным образом, были расселены в Баянгольской автономной области, а также в Бортала-Монгольской и Или-Казахской автономных областях, особых районах Алтай и Тарвгта [1].

Потомки населения, составлявшего улус Убаши-хана, поселились в Баянгольской автономной области, в основном, в уезде Хэцзин, в автономных уездах Боху и Яньхуэйцзу, и в центре Баянгольской автономной области – г. Корл [1]. Другие группы прибывшего населения расселились в остальных уездах области. Торгутов в Баянгольской автономной области насчитывается более 40 тыс. человек: из них около 30 тыс. живут в уезде Хэцзин, более 3 тыс. человек – в уезде Яньхуэйцзу. В г. Корл, как и в уезде Боху, их насчитывается более 2 тыс. человек. Около 80% торгутов из уезда Хэцзин занимаются скотоводством, остальные – земледелием, некоторые работают в сфере обслуживания [2,

с. 255]. Торгуты уезда Боху также занимаются сельским хозяйством. Проживающие в г. Корл, согласно данным китайских авторов, в основном, являются представителями социального слоя служащих.

Торгуты, занятые в традиционных отраслях хозяйства (скотоводстве и земледелии), как и в прежние времена, исповедуют тибетский буддизм. Как отмечает Чжан Тисен, торгуты Баянгольской автономной области, как правило, уделяют «должное внимание» системе воспитания и образования своих детей. Несмотря на принадлежность к различным социальным слоям, дети должны получить государственное обязательное девятилетнее образование. Если ребенок поступил в среднюю школу второй ступени, то родители должны стремиться к тому, чтобы предоставить ему возможность обучаться и в университете. Китайский исследователь обращает внимание на то, что бедным семьям, у которых нет средств на обучение детей, оказывают помощь сородичи. Невнимание родителей к проблеме обучения детей порицается в обществе: в отдельных случаях, когда дети не посещают школу, окружающие обращаются к ламам или главам администраций, в административном порядке решающим подобные проблемы. [2, с. 256].

Торгуты, проживающие в районе Тарвгта и в Или-Казахской автономной области, являются потомками населения улуса Цебек Дорджи, которые были расселены севернее группировки Убаши-хана. В настоящее время они, в основном, проживают в автономном уезде Хэбук Сайр Монгольский, а также в уездах Эмин, Юмин и в городе Инин (Кульджа). Население этой группы торгутов составляет более 20 тыс. человек. Большая часть занимается скотоводством, меньшая – торговлей продукцией перерабатывающей промышленности и изготовлением ковров [2, с. 257].

Как считают китаеведы, расселение некоторых групп торгутов в пограничных районах и соседство с другими этносами предполагает

обмен традиционными знаниями и передового опыта в области животноводства, что способствует дальнейшему развитию скотоводства и освоению выявленных преимуществ новых способов гибридизации. Все это способствует обмену опытом с другими территориальными группами торгутов, которые продолжают активно контактировать между собой, несмотря на достаточно отдаленное расселение друг от друга. Так, от г. Урумчи до г. Бортала расстояние составляет 530 км., от г. Урумчи до г. Алта – 740 км., от г. Бортал до обл. Или – 220 км., от г. Бортал до г. Карамай – 420 км., от г. Урумчи до г. Корл (столица Байнгольского авт.округа) – 500 км., а от г. Урумчи до района Хар Усн – 270 км. [1].

Торгуты, проживающие в уездах и городах района Хар-Усн – потомки населения, являвшегося подвластными князя Бамбаром [1]. Они расселились восточнее группы торгутов Убаши-хана. Численность данной группы составляет более 12 тысяч человек [3, с. 218]. Основными их занятиями являются скотоводство и растениеводство; большое внимание уделяется изучению опыта передовых научных знаний в области сельского хозяйства, в частности, активному внедрению механизации. Производство продукции отличается высоким уровнем, к тому же продукция растениеводства используется и для обеспечения кормом скота в зимний период, что в конечном итоге приводит к широкому развитию земледелия и скотоводства.

К этой же группе относятся торгуты, живущие в Бортала-Монгольской автономной области, которых также называют «западными» торгутами. Население составляет 6 тыс. человек. Большая часть проживает в уезде Цзинхэ. Основное занятие – скотоводство. Среди торгутов этой области, как отмечают китайские исследователи, широко сохраняются традиции народных видов спорта: каждый год весной, летом и осенью обязательно проводятся спортивные соревнования, например, скачки, борьба, стрельба из лука, танцы с холодным оружием [3, с. 218]. Среди торгутов данной группы немало потомков калмыков-ремесленников, занимавшихся еще в XVIII в. изготовлением оружия и посуды. Уже на территории Китая представители последующих поколений продолжили дело предков, поэтому в настоящее время среди «западных» торгутов имеется большое количество мастеров-умельцев. Изготовленные торгутскими мастерами ювелирные украшения и ножи пользуются популярностью, считаются наиболее красивыми и прочными.

В первую группу входят и торгуты, проживающие в китайской части Алтая и в районе Тарвгта, которых называют также «новым поколением» торгутов. Общая численность населения – около 10 тыс. человек. Основным занятием является скотоводство, однако часть населения занимается и рыболовством. В работе китайского историка Чжан Тисена подчеркиваются развитые традиции рыболовства у данной группы торгутов [2, с. 259]. Однако, по сообщению местных жителей, во время первоначального расселения торгутов в данном районе в водах местной реки Сайрм рыбы не было, а только относительно недавно стала завозиться для искусственного разведения [1].

Необходимо отметить, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают представители семи монгольских народов: торгууд, өөлөд, дөрвөд, сахар, хошууд, алтайн урианхай (в составе которых имеются хөх мончог), захчин [4, с. 8-9].

2). Вторая группа состоит из торгутов, в настоящее время проживающих в автономном районе Внутренняя Монголия. В 1698 г. они пришли в район Алаша, а позже определились с местом кочевки и поселились по двум берегам р. Эзнахэ, в то время как торгуты, вернувшиеся в провинцию Шэньси, подчинились местному генерал-губернатору и осели там.

После того как был образован автономный район Внутренняя Монголия торгуты вернулись во Внутреннюю Монголию. Сомон Эзна, находящийся на северо-востоке хошуна Алаша, сейчас является одной из административно-территориальных единиц этого хошуна. Здесь проживает более 2 тыс. торгутов. Основной вид хозяйства – скотоводство, небольшая часть населения занимается земледелием и ремеслами. Религией является традиционный тибетский буддизм.

3) Третья группа – торгуты, проживающие в Цинхае (численность – около 4 тысяч человек) [2, с. 266]. Большая часть занимается скотоводством, а меньшая – земледелием. Основная часть представителей данной группы владеет китайским, монгольским и тибетским языками. Вероисповедание – буддизм тибетского толка.

Когда цинским правительством по отношению ко всем монгольским народам был провозглашен новый политический курс, местная власть была разделена и сведена к минимуму. Цинский император Юн Чжэн ввел изменения в административно-территориальное деление ойратов Цинхая. Они были поделены на 29 хошунов, из которых 4 были торгутскими.

1. Хошун Нанькоу находился в современ-

ном уезде Чилен, состоял из 500 семей, т.е. более 2800 человек;

2. Западный хошун находился в современном уезде Гунхэ, состоял из 300 семей, т.е. более 2400 человек;

3. Хошун Наньчен находился в современном Хуаннань в Тибетском автономном районе, насчитывал 300 семей, т.е. 2400 человек;

4. Хошун Наньчжун находился в современном уезде Чилен, насчитывал 600 семей, т.е. 3200 человек [2, с. 265].

Хотя местные торгуты и пережили репрессии, но благодаря тому, что торгутский Герельту намного раньше подчинился Цинскому правительству, их потери были относительно небольшими. Из населения численностью более 150 тысяч человек ко времени деления на хошуны их оказалось более 120 тысяч человек [2, с. 265].

Ойраты Цинхая были расселены в Синьцзян, во Внутреннюю Монголию, в Нинся. Оставшиеся в Цинхэе были разрознены и не смогли создать своего союза, другие части подчинялись местным чиновникам. Политика по управлению ойратами Цинхая использовалась по отношению к другим провинциям. Население постепенно численно уменьшалось, пастбища сокращались, общество приходило в упадок. В течение ста лет, с 1725 по 1824 гг., ойратский и тибетский народы Цинхая постоянно противопоставлялись. Численность тибетцев росла, пастбища увеличивались, а жизнь ойратов усложнялась: постоянно сокращались площади пастбищ. В период правления императора Дао Гуан в Ганьсу, Нинся, Сычуань и Шэньси, было примерно 10 тысяч ойратов, находившихся в нищете, из них 2 тысячи человек составляли торгуты [2, с. 266]. Причины этого, по мнению историка Чжан Тисена, были следующими:

1. Цинское правительство оказывало поддержку тибетскому правительству, в результате большая часть пастбищ перешла к тибетцам. Монголоязычное население, оставшись без пастбищ, лишались скота и средств существования. К примеру, в начале правления императора Дао Гуана десять групп тибетцев из Хуан Нань переправились через реку к северным пастбищам, а обитавшие там монгольские народы вынуждены были покинуть эту местность.

2. После смерти Лобзан Дайцинга монголоязычное население потерпело поражение. После пережитого мятежа их жизнь осложнилась, экономика пришла в упадок. Цинское правительство во время правления Цинь Луна

поддерживало монголов и оказывало помощь, использовало военную силу для охраны монгольских хошунов. Но ситуация изменилась ненадолго.

3. Противоречия в монгольском обществе нарастали, о чем свидетельствуют такие общеизвестные изречения: «Если в семье есть человек, который предаст...», «Стена обрушилась, многих людей отодвинула» [2, с. 267]. В «Исторических записках Цин» отмечается: «Документов о том, что тибетцы обворовывали монголов, достаточно много» [2]. Во многих хошунах начались междоусобицы.

Таким образом, монгольское население на территории Тибета оказалось в сложном положении. Чжан Тисен приводит пример, когда тибетцы отобрали имущество у 6 тысяч семей, ранили более 2 тысяч мужчин и женщин, в то время как цинское правительство не могло контролировать все эти процессы.

Из-за потерь в период войн к началу Синьхайской революции ойратов насчитывалось более 20 тысяч человек, а 4 торгутских хошуна не насчитывали и 4 тысяч человек [2, с. 268].

Таким образом, китайские историки отмечают, что цинское правительство своей политикой дискриминации и давления причинило значительный ущерб ойратскому и тибетскому народам. В ее результате большая часть ойратов, сохраняя образ жизни скотоводов, подвергалась культурной ассимиляции, они перешли на тибетский язык, использовали тибетскую литературу, одежду (монгольский тип одежды практически вышел из обихода). Национальный язык сохранялся в среде незначительной части ойратов, но в таких условиях он подвергся трансформациям, заимствованиям из тибетского языка. Таким являлся язык торгутов, проживающих в провинции Цинхай, Хэнань-Монгольском автономном уезде, в степях у гор Сяцзуншань [2].

Ойраты, проживающие в Цинхэе, являлись приверженцами тибетского буддизма школы Гелугпа. Согласно буддийской традиции обучение монахов проводилось в тибетских монастырях. Так, в 1715 г. во время расширения монастыря Тарсы, Цаган Дайцинг выбрал 300 молодых людей, которые затем были отправлены на учебу. «Только от торгутов было 100 человек», - отмечает китайский историк Ма Рухан [3, с. 228]. Поступившие в монастырь обязаны были постигать буддийское учение, для чего обязательным являлось овладение тибетским языком и литературой.

Миграция ойратов в Кукунор (совр. Цинхай) сопровождалась активными контактами

аристократии с тибетскими высшими слоями и культурным влиянием, что не могло не привести к аккультурационным процессам. Еще в период правления Цинь Луна многие ойратские князья приглашали из Тибета по нескольку сотен ученых, которые посвящали себя либо работе в правительстве князя («вана»), либо преподаванию тибетской литературы, либо переводческой деятельности. В то же время ойратские князья посылали большое количество молодых людей изучать тибетскую литературу и медицину. Одним из ассимиляционных путей являлись также межнациональные браки: между ойратами и тибетянками браки были обычным делом. До начала XX в. в Цинхэе отсутствовали образовательные учреждения, в которых преподавание велось на монгольском языке. В монастырях также преподавание не велось на монгольском языке. Поэтому ойраты для изучения монгольского языка и литературы вынуждены были отправляться в другие регионы.

Таким образом, монголоязычное население на территории Тибета постоянно испытывало влияние тибетской культуры, что явилось одной из причин тибетизации монголов. И в настоящее время в автономном уезде Хэнань в административных документах используется тибетский язык. Многие представители ойратов, занимающие высокие должности, не владеют родным языком.

После образования Китайской Народной Республики в автономном районе Цинхай были созданы начальные и средние школы с обучением на ойратском языке. Цинхайский народный университет организовал прием нескольких групп, в которых обучалось торгутское население. С 1984 г. в Цинхэе неоднократно проводились конференции по ойратскому языку.

Сведения об общем количестве торговцев, проживающих на территории Китая, расходятся. Китайские источники говорят о численности около 100 тыс. человек [2, с. 267]. По сведениям представителей торгутского

населения, численность приближается к 170 тыс., соответственно по районам: г. Урумчи – 7 тыс. чел.; г. Харамай (Карамай) – 2 тыс. чел.; г. Баркёл (Хаск авт.р-н) – 1.5 тыс. чел.; р-н Джимсар – 2 тыс. чел.; г. Бортал – 12 тыс. чел.; р-н Джин – 5 тыс. чел.; р-н Аршан – 11 тыс. чел. (включая неторгутский народ Внутренней Монголии «чахр»); г. Корл – 4 тыс. чел.; р-н Янджи – 3 тыс. чел.; р-н Хэцин – 30 тыс. чел.; р-н Хошут – 5.5 тыс. чел.; р-н Бост Нур – 4 тыс. чел.; р-н Монгол Кура (область Или) – 12.5 тыс. чел.; р-н Текес – 6 тыс. чел.; р-н Милх – 8 тыс. чел.; р-н Дёрвджин – 6 тыс. чел.; р-н Хар Усн – 9 тыс. чел.; р-н Ховг Саар (Джангр) – 16.5 тыс. чел.; Алтайский край: г. Алта – 2.5 тыс. чел.; р-н Бурджин – 2 тыс. чел.; р-н Хабай – 0.5 тыс. чел.; р-н Чингл – 0.8 тыс. чел. [1].

Как отмечает С.К. Хойт, «по данным «The Network for Strategic Missions» (<http://www.strategicnetwork.org>) на 2000 г. в Китае, в провинциях Синьцзян, Ганьсу, Внутренняя Монголия и Цинхай насчитывается свыше 250 000 ойратов» [5]. Среди ойратов КНР насчитывается, по разным сведениям, от 100 до 170 тыс. торгутов, часть которых является потомками калмыков, откочевавших в XVIII в. из Калмыцкого ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информатор Осорин Утнаш, 44 года, синьцзянская торгутка.
2. Чжан Тисен. Туэргутэ було ши («История торгутского народа». На кит.яз.). Пекин: Изд-во «Дандай», 1999.
3. Ма Рухан, Ма Даджен. Пьяоло июдэ миндзу («Народ, оставшийся на чужбине». На кит. яз.). Пекин: Изд-во «Чжунго лишишу». 1997.
4. Тод номын гэрэл. Туух Соёл, хэл бичиг судлалын Тод номын гэрэл товийн Сонин. 2007. 04 сар. № 3-4
5. Хойт С.К. Последние данные о локализации и численности ойратов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста, 2008

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ВЕРОВАНИЙ У ЭРКЕТЕНЕВСКИХ КАЛМЫКОВ

В.М. Болдырева

В статье анализируется специфика хозяйства у представителей одной из этнотерриториальных групп, а также определенные ею традиционные представления и верования. Отмечается, что особенностью хозяйственных занятий этой группы было активное занятие рыболовством.

Ключевые слова: *хозяйство, этнотерриториальная группа, скотоводство, рыболовство, верования.*

The article is devoted to the specificity of an economy of the one of ethnoterritorial groups, and also the traditional representations defined by it and the beliefs. It is noticed, that active employment by fishery was feature of economic employment of this group.

Keywords: *an economy, ethnoterritorial group, cattle breeding, fishery, beliefs.*

Эркетеневские калмыки – коренное население Эркетеневского улуса Калмыцкого ханства, впоследствии Калмыцкой степи Астраханской губернии, представлявшее собой составную часть субэтнуса торгутов – одного из основных этнических компонентов калмыцкого народа.

Цель данной статьи – выявление специфики традиционных видов хозяйственной деятельности, а также связанных с ними представлений и верований у эркетеневских калмыков.

Кочевое скотоводство, по утверждению У.Д. Душана, хотя и не являлось ведущей отраслью, но играло важную роль в хозяйственной деятельности эркетеневских калмыков. Для содержания большого количества скота необходимым являлось наличие пригодных для пастбы участков. Зимой в Эркетеневском улусе выпадало небольшое количество снега, что обеспечивало травостой практически круглый год. По этой причине данные места получили название «Черные земли» («Хар назр») [1, с.42]. В эти места скотоводы других улусов пригоняли свой скот на зимовку. По мнению У.Э. Эрдниева, перегон скота с соседних улусов на Черные земли и обратно проходил по строго установленному маршруту, в места, где имелись сочные травы и хорошие водопой [2, с.108].

На протяжении XVIII – XIX вв. Черные земли служили зимним пастбищем для скотоводов других улусов. На территорию Черных земель со всех концов степи пригоняли огромное количество скота [3, с.15]. Скотоводы Эркетеневского улуса зимовали в районе Состинских озер или в Мочагах, вблизи ставки улуса, а в летнее время располагались на северо-западе вблизи урочищ Меклета, Адык, Санзыр и Яшкуль [2, с.109]. Из четырех видов калмыцкого скота в Эркетеневском улусе наи-

более распространены были овцы курдючной породы, отличавшиеся хорошими вкусовыми качествами мяса и обилием густой шерсти. Не менее важным являлось разведение крупного рогатого скота, в первую очередь, мясной породы. В меньшей степени разводили лошадей и верблюдов. Животных держали, в основном, для хозяйственных целей. Малочисленность коз объяснялась плохим качеством мяса, а также узким употреблением козьей шерсти и шкур в хозяйственных целях [2, с. 112-120].

В конце XVIII в. суровые зимы, гололеда, а вследствие нее бескормица привели к массовому падежу скота. Данные экологические факторы сыграли заметную роль в выборе и переориентации хозяйственной деятельности калмыков Эркетеневского улуса в пользу рыболовства.

Ведущей отраслью хозяйственной деятельности эркетеневских калмыков стало рыболовство.

Как отмечает У.Э. Эрдниева, занятиям рыболовством у эркетеневских калмыков способствовали особые географические условия. Расположение калмыцких кочевий в непосредственной близости к Волге и Каспийскому морю, контакты с местным рыболовецким населением приводили к постепенному приобщению определенной части эркетеневских калмыков к этому виду хозяйственной деятельности. Особенно активно этот процесс происходил после большого падежа скота, вызванного необычайно суровой зимой или болезнями, после усобиц, в которых, в основном, страдало простое население Калмыцкого ханства. В прикаспийской части жители Эркетеневского улуса занимались исключительно рыболовством, поскольку для многих данный вид деятельности являлся единственным источником существования. Увеличение числа калмыцких рыболо-

вещких угодий вызывало недовольство со стороны царской администрации, а жесткие меры, направленные против калмыков-рыболовов, вызывали недовольство у всех слоев калмыков [4, с.300].

Еще в 1705 г. хан Аюка доводил до сведения правительства, что издавна его подвластные ловили рыбу в Яике и Волге, а в последнее время ввели местные жители и власти ограничения и прямые запрещения: «то де по всему знатно, что около Яику и около Волги и кочевать нам отказывают», - заключал хан свое послание [4, с.301].

С началом XVIII в. увеличение числа рыболовных угодий привело к возникновению следующих их видов: казенные, принадлежавшие государству, откупные, сдаваемые в аренду, а также частное рыболовство.

Рыболовством калмыки занимались на реках и в море. Жители Багацохуровского и Александровского улусов, расположенных по берегу Волги, занимались речным рыболовством. Жители прикаспийской части Эркетеневского и Яндыко-Мочажного улусов - в море, их называли «морскими ловцами» [5, с.56-57].

Среди рыбаков выделялись две группы: первые сдавали добытую рыбу на промыслы по наиболее выгодной цене; вторые были обязаны сдавать свой улов рыбопромышленникам, поскольку приобретали право ловить рыбу в арендованных ими водах [2, с.132].

Таким образом, развитие калмыцкого рыболовства происходило по двум направлениям: шло становление собственно калмыцкого рыболовства, и в то же время развивалось привлечение калмыков к рыболовству в качестве наемных работников. Калмыки, имевшие собственные лодки, снасти и другие орудия лова, занимались выловом самостоятельно или шли в наем к владельцам ватаг и учугов, не имея возможности для приобретения орудий для лова. При этом местная губернская администрация была в большей степени заинтересована в развитии рыболовства именно по найму. В частности, вводя ограничения на орудия лова, власти оговаривали, что калмыкам, занимающимся рыболовством по найму, разрешалось использовать любые снасти. Предпринимались попытки к отводу калмыкам определенных территорий для занятия рыболовством. К тому же контроль над калмыками, занимающимися рыболовством, был затруднен, поскольку они не платили налоги и пошлины, продавая рыбу. Наличие «свободных» ловцов среди калмыков создавало определенную конкуренцию владельцам так называемых «откупных» вод. Из-

лишки рыбы калмыкам разрешалось продавать лишь собственно калмыцкому населению, в города привозить для продажи не разрешалось. Эта мера вызвала недовольство со стороны калмыцких рыболовов. Все эти действия были призваны упорядочить взаимоотношения в сфере добычи и сбыта рыбы, решить проблему нехватки людских ресурсов в регионе, с другой стороны, правительство пыталось снизить темпы развития рыболовства в калмыцкой среде, сохранив его в рамках подсобного хозяйства [2, с.132-134].

Подобные ограничения вызывали большое недовольство калмыцких властей, считавших, что при таких запретах ущемляются интересы калмыцких рыболовов, и калмыки лишаются возможности дополнительного заработка, в том числе для поддержания и восстановления традиционного хозяйства.

Кроме того, развитие калмыцкого рыболовства в качестве самостоятельного направления экономики часто приводило к столкновению интересов с местным оседлым населением [6, с.60].

Изменения в хозяйственной деятельности эркетеневских калмыков, переориентация большей части общества в улусе на рыболовство были связаны, прежде всего, с социально-политическими процессами внутри улуса и всего Калмыцкого ханства в целом, которые негативным образом отражали на благосостоянии калмыцкого народа, испытывавшего тяготы, лишения и был вынужденного искать другие источники существования. Рыболовство оставалось единственным способом существования, а торговля рыбой – лучшим средством для поправки положения кочевого хозяйства. Решающее влияние на расширение калмыцкого рыболовства оказало и ухудшение природно-климатических условий в этот период, негативно отразившееся на состоянии традиционного кочевого скотоводства.

Обострение сложившейся ситуации ставило администрацию перед необходимостью принятия мер. Астраханский губернатор В.Н. Татищев разработал подробные правила о пользовании калмыками рыболовными угодьями. Кроме того, было принято решение с октября по март, до вскрытия льда, разрешить лов в малых протоках и озерах. Вводились ограничения и на орудия лова, разрешалось использовать только удочки, а также сети и неводы не более 100 сажень в длину [6, с.61].

Со второй четверти XVIII в., после смерти хана Аюки, размеры калмыцкого рыболовства еще более возросли. В 20-х гг. XVIII в.

хан Церен-Дондук обратился к руководителю калмыцких дел М.М. Голицыну с официальным письмом с просьбой разрешить калмыкам заниматься рыболовством по берегам Волги от Самары до Астрахани [7, д.28, л.8]

Калмыки не ограничивались ловом рыбы для питания, а занимались солением и сушкой ее впрок, а также продажей излишков. В 40-х гг. XVIII в. последовал ряд новых указов по поводу ловли и продажи рыбы. В марте 1741 года к хану Дондук-Омбо поступила грамота, в которой указывалось о запрете для калмыков ловить рыбу у принадлежащих казне протоков и морских горловин [7, д. 107, л.18].

При наместнике Дондук-Даши последовали новые распоряжения, ущемлявшие интересы калмыков. Их рыболовство ограничивалось малыми сетями и неводами до 40-60 саженей длины. Запрету подвергался лов рыб осетровых пород. Излишки рыб разрешалось продавать только среди калмыков, в города для продажи привозить не разрешалось. У калмыков разрешалось скупать только частичковую рыбу, выловленную разрешенными снастями. Недовольство указанными ограничениями усилилось в связи с запретом продавать соленую рыбу, рыбий клей. Указы, призванные регулировать вопросы, связанные с рыболовством калмыков, появлялись и позже, причем носили противоречивый характер. Если же говорить об их общей направленности, то они, в конечном счете, ограждали интересы владельцев откупных вод, рыбных промыслов и казны. Вместе с тем характерно, что усилия правительства и местной администрации были направлены на расширение калмыцкого рыболовства по найму. По их мнению, это могло решить две задачи: обеспечить казенные и частновладельческие рыбные промыслы рабочей силой и доставить обедневшим калмыкам средства существования [7, д.140, л.35-37].

В конце XVIII – начале XIX вв. суровые зимы в Эркетеневском улусе привели к еще большему разорению скотоводов, вынужденных обратиться к рыболовству. Рыба и рыбная продукция были основными вывозимыми товарами. Это было связано, прежде всего, с относительной доступностью рыболовства по сравнению с другими отраслями хозяйственной деятельности в этом регионе. П.И. Небольсин указывал, что появление «вольных ловцов»-калмыков прослеживалось с 50-х годов XIX в. Помимо категории вольных ловцов, существовали подрядные ловцы, которые были обязаны по договору сдавать рыбопромышленнику рыбу и получать задаток. Зависимость вольных

рыбаков выражалась и в том, что они не находя сбыта своей рыбы, не имея складов для ее хранения и обработки, были вынуждены сдавать ее рыбопромышленникам по назначенной ими низкой цене. Рыбу ловили, в основном, малыми сетями на полупалубных и беспалубных лодках. Зачастую в отдельных сельских и хотонных обществах обирали народ. Этот печальный результат, к которому приходили многие вольные рыбаки, объяснялся также нехваткой средств на закупку оборудования. Интенсификация производства могла быть доступна только зажиточным рыбакам, имевшим большие морские лодки. Из всего этого количества только 70% рыбацких хозяйств занимались ловом рыбы в глубоководье. Естественно, что многие попадали в зависимость к крупным рыбопромышленникам [5, с.57-58].

Все берега Волги и Каспийского моря составляли собственность немногих частных лиц или состояли в пользовании откупщиков рыболовных вод у казны. Поэтому калмыки, не претендуя на право ловли красной рыбы, ловили сазанов, карасей, лещей, окуней [8, с.169]. Основной территорией рыболовного промысла являлся Багацатановский аймак, располагавшийся в 15-20 км от села Лагани до Даргинской мели. На этом пространстве существовало несколько мелких рыбных промыслов. В южной части аймака находились рыбные промыслы купцов Блинова, Шапошникова, Иванова, Белова [1, с.41]. Жители аймака являлись умелыми морскими ловцами, имеющими усовершенствованные и приспособленные орудия лова. Для сокращения расходов, связанных с данным видом хозяйственной деятельности, многие семьи объединялись в небольшие компании, что с материальной точки зрения являлось весьма выгодным. Приобретая совместными усилиями судна рыболовные снасти, сети, крючки и т.п. они увеличивали объем улова. Рыболовство являлось весьма трудоемким видом деятельности, сопровождавшееся не всегда безопасными выходами в открытое море. Крайняя нужда толкала их на лов рыбы в запрещенных местах и в запретное время, для того, чтобы обеспечить себе минимум продовольствия, несмотря на то, что действовали утвержденные 3 июня 1902 г. «Правила о Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслах». Зачастую моряков уносило в открытое море. Спасать людей удавалось крайне редко, в основном все они погибали [7, д.140, л.35-36; д.210, л.161-166].

В представлении местных властей идеальным становилось увеличение количества наемных калмыков-рыболовов.

С наступлением XX века происходило увеличение количества рыболовных угодий, а воды, в которых велась добыча рыбы, делились на две категории: казенные, то есть находящиеся в ведении астраханской рыбной конторы, и откупные, то есть сдаваемые в аренду. Вылавливаемое количество рыбы, не могло быть реализовано на местных рынках. Поэтому рыба поставлялась во многие города России: такие как Астрахань, Царицын и Камышин, также за границу как водным и железнодорожным путем [5, с.57].

Особым было и отношение калмыцких помещиков ханства к занятию бедных калмыков рыболовством, которые, в отличие от местной власти приветствовали самостоятельный вылов рыбы, нежели наем к владельцам откупных вод. Это было связано с тем, что калмыцкие владельцы теряли контроль над своими подвластными, ушедшими от традиционного хозяйства. Кроме того, в близком контакте с оседлым населением часто происходил и отход от традиционной религии калмыков – буддизма, что еще больше отдаляло рыбаков от занятия скотоводством и от своих владельцев. Обнищание калмыков вынуждало калмыцких правителей мириться с занятием рыболовством и поощрять подвластных именно за самостоятельный вылов рыбы. Однако это вызывало массу столкновений с оседлым населением Астраханской губернии [6, с.61].

Таким образом, калмыцкое рыболовство на протяжении XVIII – начала XX вв. получило значительное развитие, что было связано как с особенностями географии расселения эркетеневских калмыков и ухудшением природно-климатических условий в улусе в этот период, так и с тяжелым экономическим положением основной массы калмыков, не прекращавшимися усобицами. Калмыцкие рыболовы встречали негативное отношение со стороны местной администрации, что приводило к столкновению интересов с местным оседлым населением. Однако, несмотря на вышеуказанные причины, значительные масштабы рыболовства и отход от традиционного кочевого скотоводства привели к установлению экономических отношений части калмыцкого общества с оседлым населением соседних городов.

Верования, связанные с рыболовством. Занятия традиционными видами хозяйственной деятельности привели к возникновению у эркетеневских калмыков своеобразных традиций и верований. Согласно традиционным верованиям, самым удачным способом ловли рыбы считался лов посредством сетей. К неводу и

удочке калмыки относились отрицательно. Посредством невода, по мнению эркетеневских калмыков, они отнимают всю рыбу у «хозяина воды», а ловля рыбы удочкой приравнивалась к вымалыванию подаяния.

Среди рыбаков существовало поверье, если в лодку прыгнет рыба хищных пород, например, окунь, щука, судак, – эта примета, предвещающая несчастье. Попавшую в лодку рыбу разрезали на четыре части и бросали на четыре стороны света. Принеся улов домой, рыбаки не помещали рыбу головой к двери, считая, что в таком случае количество лова резко сократится. При плохом лове пойманную рыбу калмыки выпускали в воду, а также бросали в воду серебряную монету полагая, что следующий улов будет более удачным [9, с.62].

Кроме того, эркетеневские калмыки считали, что некоторые породы рыб обладают целебными свойствами, как, например, минога и судак. Отварным бульоном этих пород рыб лечили больных, прибывших из рыбных промыслов.

Трудная и опасная работа, постоянная настороженность, камышовые заросли, которые окружали его со всех сторон, воздействовали на рыбаков, что это давало обильную пищу для возникновения различных суеверий. Калмыки были убеждены, что в камышах обитают не только всевозможные нечистые силы, но и человекоподобные гиганты, покрытые шерстью (ку-мус), которые с наступлением темноты выходят из камышей и могут не только натворить много бед, но и похитить людей. Поэтому население старалось после захода солнца долго не находиться вне кибиток. По ночам никого не пускали в кибитку [10, с.16].

Верования, связанные с кочевым скотоводством. Скотоводство в жизни калмыков Эркетеневского улуса, хотя и не являлось ведущей отраслью хозяйства, но играло важную роль. Разводили лошадей, овец, коров, верблюдов, коз, обеспечивавших население мясом, молоком, шерстью и сырьем для домашнего производства. Скот для калмыков имел жизненно важное значение, а способы ухода за ним породили целый комплекс систем верований.

Согласно верованиям, лошадь являлась не просто средством передвижения, но особым существом. Животное не разрешалось бить, садиться на лошадь можно было только с левой стороны. Калмыки полагали, если умрет любимая лошадь хозяина, это означает принятие им смерти вместо своего хозяина. Большим несчастьем считалось, когда кобыла ожеребилась двумя жеребятами. Таковую кобылицу немедлен-

но отдавали в хурул, а жеребят убивали и бросали на съедение собакам [9, с.64].

В калмыцких сказках и легендах коню приписывается образ животного, обладающего сверхъестественной силой. Он был способен преодолевать далекие расстояния за короткий промежуток времени. Зачастую сказочное животное владело человеческой речью и являлось помощником и советником хозяина. Качества человека были присущи и его коню, чем сильнее и могущественнее владелец тем сильнее и быстрее являлся его скакун [11, с.259-271].

Двугорбые верблюды в хозяйстве калмыков играли весьма значительную роль. В отличие от лошадей, рождение двойни у верблюдицы являлось хорошим предзнаменованием, что предвещало хозяину богатство и счастье. Это связано с тем, что приплод у верблюдов происходил раз в 2-3 года, а рождение двойни – весьма редкое явление. Увеличение поголовья этого редкого животного встречало бурное одобрение.

Поверья, связанные с коровами, незначительны. Калмыки старались не держать коров черной масти, считая, что с животным связаны «нечистые силы». Плохим знаком считалось, если корова мычит больше, чем другие. Животное считалось негодным и вредным для хозяина, особенно, если мычит ночью. Тогда корову отдавали в хурул или же продавали.

Особым почетом среди домашнего скота пользовались овцы калмыцкой породы. Считалось, что мясо барана отличается не только превосходным вкусом, оно является наилучшим лекарством. Особенно высоким целебным свойством, по мнению эркетеневских калмыков, обладал бульон из баранины, которым поили больных, независимо от заболевания [ПМА].

В отличие от овец, коз эркетеневские калмыки держали в весьма малом количестве. Такое отношение калмыки объясняли низким вкусовыми качествами мяса и молока коз, считая мясо горьким, а молоко жидким. Кроме того, с разведением коз была связана масса суеверий, в том числе, что животное имеет внешнее сходство с нечистой силой («шулмусом»). В особенности эркетеневские калмыки не допускали появления коз черной масти, которые якобы сулили беды и несчастья хозяину. Таких животных убивали, полагая, что данными действиями они убивают «нечистую силу» [ПМА].

Доброе отношение к собаке калмыки объясняли тем, что считали ее воплощением душ близких родственников. Часто к собаке относились как члену семьи, убийство

ее приравнивалось к убийству человека. Хорошим знаком считалось, если в дом приблудится чужая собака, это означало процветание хозяйства. Если собака ложилась на спину животом кверху, это сулило успех в предпринимаемых делах. Калмыки были уверены в способностях собаки передавать силу и здоровье хозяину или членам его семьи. Так, например, если у кого-либо выпал зуб, его заворачивали в тесто или хлеб и бросали собаке, говоря: «Возьми мой зуб, а взамен дай свой хороший». Такая примета существует и в настоящее время. Так же считается, что внезапная смерть собаки является магической заменой смерти хозяина или кого-то из членов семьи. Полагалось, что кто-то пожелал семье плохое, и оно ушло со смертью животного. Однако иногда к собаке относились очень сурово и безжалостно. Собаку, которая выла, убивали, поскольку считали, что она чувствует приближение смерти кого-либо из хозяев. Плохим предзнаменованием, означавшим смерть, являлось, когда уезжающего человека сопровождала собака. Считалось, что она следует за хозяином, чтобы съесть его труп, когда он умрет. Исключением составлял выезд на охоту с охотничьей собакой.

Кошка считалась «собакой бога». Не разрешалось бить кошек и особенно убивать их, такие поступки считались большим грехом. Существовала примета, если кошка умывается, то в этот день обязательно придут гости. В то же время не разрешалось держать кошек в доме, где ожидалось появление младенца. Считалось, что с будущим ребенком может случиться несчастье, поскольку кошка желает, чтобы внимание и ласка доставались только ей.

В случае заболевания большого количества скота эркетеневские калмыки пригоняли его в урочище Чиндирта. По свидетельству У.Д. Душана, на территории Эркетеневского улуса это место представляет собой небольшой бугор и считается святым, обладающим сверхъестественной силой. Калмыки пригоняли скот и оставались на несколько дней, после чего заболевания скота прекращались. Эркетеневские калмыки были уверены, что на этом месте было сожжено тело Бальватин-хана (Дондук-Даши), отца Убаши-хана. Пепел после кремации зарыт на этом бугре. Это место называется Бальватин-хана Кюри. Слово «чиндирта» происходит от слова «чиндирлх» (произвести кремацию). Так, перед Первой мировой войной прибыл из Монголии монах, чтобы умиловить душу

Бальватин-хана и вместе с тем известить, что прекращается род Убаши-хана, поскольку у него не было наследников мужского пола. После окончания богослужения монах взял с собой горсть земли и уехал. Урочище ЧиндERTA находится к северо-востоку от Белого озера в 15 км и относится к мочажной части улуса [10, с.16-20]

Таким образом, основными видами хозяйственной деятельности у эркетеневских калмыков являлись рыболовство и кочевое скотоводство, причем рыболовство занимало ведущее место, чему способствовал ряд внутренних причин не только в Эркетеневском улусе, но и во всем Калмыцком ханстве. Занятие традиционными видами деятельности приводило к возникновению различного рода верований и суеверий, часть из которых существуют и в настоящее время. Выбор данных типов хозяйства и связанные с ними предписания и верования подчеркивают специфику и своеобразие эркетеневских калмыков, что определяет их как целостную и специфичную этническую группу субэтнуса торгутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. № 3. Элиста, 1973.
2. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985.
3. Житецкий И.А. Очерки быта Астраханских

калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. М., 1893

4. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII – XVIII вв. Элиста, 2002.
5. Команджаев А.Н. Калмыкия в начале XX века. Элиста, 2000.
6. Крепская И.С. Основные направления экономической политики России в Калмыкии в первой половине XVIII в. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста, 2007. Вып. 3.
7. Научный Архив Республики Калмыкия (НАРК), ф. 36.
8. Небольсин П.И. Очерки быта Хошеутского улуса. СПб., 1852
9. Душан У.Д. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста, 1976.
10. Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе // Церенов В.Н. Эркетени. Земля и люди. Из истории Черноземья. Элиста, 1997.
11. Басаев Д.Э. Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания. Элиста, 2007.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Информант Болдырев Андрей Болдыревич, 1936 г.р., торгут, ики-багут.
2. Информант Манджиев Нямин Сангаджиевич, 1936 г.р., хо-меркит, эркетен.
3. Информант Баркаева Бадма Молашевна, 1916 г.р., торгутка, ах-цаатан.

**«ЦАРАГ» И «ТООКУ» КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТОРГУТОВ МОНГОЛИИ**

**(к проблеме определения статуса ойратов
в типологии этнических общностей)**

Э.П. Бакаева

Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект №08-04-923-72 e/G

Статья посвящена анализу специфического элемента одежды торгутов Западной Монголии во взаимосвязи с проблемой определения понятия «ойраты».

Ключевые слова: *этнос, этническая группа, материальная культура, обувь, торгуты Монголии.*

The article is devoted to the analysis of a specific element of clothes of the torguts of the Western Mongolia in interrelation with a problem of definition of concept «oyrats».

Keywords: *ethnos, an ethnic group, material culture, footwear, the torguts the Western Mongolia.*

Ойраты, ойратские народы, ойратские по происхождению этнические группы – понятия, в литературе обычно прилагаемые для обозначения западномонгольских народов (торгутов, дербетов, захчинов, олетов, урянхайцев, байтов и мянгатов). Этноты или этнические группы единого этноса? Решение данного вопроса связано с проблемой определения содержания понятия «ойраты».

В отечественной историографии проблема определения статуса данных этнонимов и обществ, ими обозначаемых, решается неоднозначно. Ученые-историки считают понятие «ойраты» конкретно-историческим, отмечая наличие в настоящее время «ойратских по происхождению» торгутов, дербетов, захчинов, олетов, калмыков, и др. Однако при этом в понятие «ойраты» исследователи вкладывают различное содержание. Г.О. Авляев, датировавший возникновение Ойратского союза IX веком, данное объединение рассматривал в двух аспектах: как этнический и политический союз [1]. По мнению В.П. Санчинова, ойраты - феодальная народность, сформировавшаяся на основе близких по происхождению племен, западных монголов: «В послеюаньский период на территории Монголии в XV-XVII вв. сформировались две родственные монголоязычные народности: собственно монголы, или восточные монголы, и ойраты. Несмотря на языковую близость, общность традиционной культуры и религии каждая из этих народностей осознавала себя отдельным этносом» [2, с. 3]. В XVII-XVIII в. после распада государственных объединений и миграции части ойратов произошла дивер-

генция этого этноса. Его части в настоящее время представляют собой малочисленные этнические группы, а из других групп, мигрировавших на территорию России, консолидировался новый этнос – калмыки. По мнению М.М. Батмаева, ойраты – этнополитическое объединение родственных этносов - дербетов, торгутов, хошутов и др. [3].

Другие исследователи считают их единым народом, при этом определяющим признаком является наличие единого письменного языка и письменных памятников, также родство культуры. С.К. Хойт в своих публикациях, в том числе в сети Интернет (что способствует распространению данного мнения среди пользователей сети), последовательно проводит мысль о наличии некой этнической общности «ойраты», частью которой являются калмыки – «волжские ойраты», а также тюркоязычные алтайцы [4]. Подобное игнорирование ряда признаков этноса (язык, территория и некоторые другие) приводит к призыву искусственного признания частями одной этнической общности разных народов, в культуре которых имеются, несомненно, сходные черты. В результате понятия «этногенетическое родство» и «близость культуры» подменяются понятием «этнос».

Авторы энциклопедии «Народы и религии», подготовленной Институтом этнологии и антропологии РАН, дают захчином, дербетам, торгутам, олетам определение «народы». Так, в статье о дербетах дается следующая информация: «Дэрбэты, народ в составе монголов Монголии... Язык монгольский... Сохраняют некоторую

специфику в культуре (одежда, обувь, свадебные обряды). Консолидируются с халха-монголами». О захчинах Н.Л. Жуковская, автор разделов об ойратских народах, сообщает следующее: «народ группы ойратов в составе монголов Монголии. Близки к дэрбэтам и торгутам. Говорят на монгольском языке... Современные захчины сохраняют некоторые традиционные обычаи и черты материальной культуры. Консолидируются с халха-монголами». Торгутов выделяет в данной энциклопедии наличие говора: «Торгуты, народ в составе монголов Монголии ... и Китая... Говорят на торгутском говоре ойратского языка. Входили в состав ойратов». В данной статье ее автор, Н.Л. Жуковская, дает объяснение термину «Дурбэн ойрат»: «В конце 14 века торгуты вместе с зюнгарами, хошутами и дэрбэтами образовали политический союз» [5].

В совместной статье Н.Л. Жуковской и А.М. Решетова о монголах отражена позиция двух крупных ученых, специалистов в области монголоведения, по проблеме статуса ойратов: «Монголы, монголоязычные народы, группа народов, говорящих на монгольских языках алтайской семьи: халха, ойраты и др. (собирательно монголы) в Республике Монголия, баоань, дунсян, дауры, барга, монгоры и собственно монголы в КНР, моголы в Афганистане, буряты и калмыки в России ... Говорят на монгольских языках, которые делятся на группы, диалекты и говоры. В 15 веке монголоязычные народы разделились на западную и восточную группы; в 16 веке восточная группа распалась на северную и южную. Северные монголы, населявшие территорию Республики Монголия с 16 века, стали называться халха (ныне их потомки составляют более 80% населения). Южные монголы, населявшие районы Внутренней Монголии, влились в состав монголов КНР. Западные монголы (ойраты) образовали в 17 - середине 18 века Джунгарское ханство; их потомки частично вошли в состав монголов Республики Монголия, КНР и калмыков России... Монголы Республики Монголия сложились в нацию, ядро которой составляют халха. Практически слились с халха дариганга, хотогойты, сартулы, узумчины, хорчины, чахары и другие субэтнические группы. Консолидируются с халха проживающие в западных районах Республики Монголия и ещё сохраняющие отличия в языке и культуре дэрбэты, баяты, захчины, олэты, торгуты, мингаты, а также немонгольские по происхождению хамни-

ганы, тюркоязычные в прошлом хотоны и др. Язык халха лёг в основу современного монгольского литературного языка... Монголы в Китае ...сохраняют свою племенную принадлежность. Говорят на трёх диалектах монгольского языка: центральный (чахары, тумэты, джаруны, сунниты, оннюты, ордосцы, хэшиктэны, хучиты, удзумчины, халха и др.), западный, или ойратский (торгуты, олэты, дэрбэты, хошуты, хойты и др.), северо-восточный (барга, буряты, хорчины, харчины и др.)» [6].

Таким образом, даже в энциклопедическом труде отразилось состояние исследовательской проблемы, связанной с понятием «ойраты». В статье Н.Л. Жуковской указывается, что торгуты говорят «на торгутском говоре ойратского языка», а дербеты, захчины – на монгольском. В разделе о монголах Китая, подготовленном А.М. Решетовым и Н.Л. Жуковской, ойратским назван уже не язык, а диалект монгольского языка. Таким образом, для авторов данного коллективного труда понятие «ойраты» является собирательным понятием, обозначающим группу близких по происхождению западномонгольских народов. Тем не менее, постановка в один ряд народов «халха, ойраты и др. Монголии» может быть понята и как отнесение монголов и ойратов к одному типу этнических общностей. Состояние консолидации с монголами-халха отражено в различной идентификации языка ойратов как говора ойратского языка (существующего как единый язык, при этом только как литературный письменный), диалекта монгольского языка или даже монгольского.

Установка на консолидацию всех монгольских народов страны обусловила особенности понятийного аппарата, используемого монгольскими исследователями. Еще в доперестроечное время ойратские народы в монгольской историографии представлялись в статусе этнических групп монголов, принадлежащих к западному региону страны, где расселяются родственные народы. Так, в работе Г. Мэнэс о традиционной обрядности захчинов читаем: «Захчины являются одной из этнических групп ойратского населения западного региона МНР» [7]. Статус этнических групп присваивает исследуемым народам западных районов Монголии и Д. Тангад (статья опубликована в переводе бурятского исследователя Г.Н. Очировой). Необходимо отметить также, что в монгольской историографии все монголоязычные народы обозначаются собирательным тер-

мином «монголы». В данном аспекте этнические группы «населения западных районов Монголии» причисляются к группам монголов: Д. Тангад рассматривает локальные различия элютов (олетов), урянхайцев, халхасцев, захчинов, торгутов, узумчинов [8]. В «Монгольско-русском словаре под редакцией А. Лувсандэндэва указанным понятиям дается определение «племя»: «торгууд – одно из монгольских племен» [9, с. 411] «захчин – монгольское племя» [9, с. 195]. Использование термина «племя», видимо, обусловлено невозможностью употребления в русском эквиваленте монгольского понятия «ястан» («кость»), указывающего на общее происхождение.

Определение статуса языка западно-монгольских народов в качестве говора, диалекта или самостоятельного языка взаимосвязано с исследованием содержания понятия «ойраты» как единого этноса либо этнических групп, составляющих его часть. В этом аспекте статус калмыцкого языка, обладающего как старой, так и новой письменностью, несомненно, является признаком, не позволяющим современных калмыков причислять «трансконтинентальному» этносу ойратов, вслед за С.К. Хойгом.

Исследование проблем понятийного аппарата, связанного с определением сущности термина «ойраты», должно основываться на комплексном изучении их истории, культуры, самоидентификации, а также этимологии этнонима. В связи с постановкой данной проблемы актуальным представляется анализ особенностей культуры разных народов, принадлежащих к ойратскому кругу. В данной статье ставится задача изучения одной из особенностей материальной культуры торгутов Монголии.

М. Амгалан в работе, посвященной культуре народов Западной Монголии, приводит основные сведения о локальной специфике населения данного региона: жилище, предметах быта, музыкальных инструментах, и др. Значительную часть работы представляет публикация материалов о знаках собственности тамгах (клеймах), одежде, головных уборах, украшениях, обуви западномонгольских народов, предпринятая по разделам, посвященным западным халха, захчинам, торгутам, урянхайцам, мянгатам, олётам, дербетам, баятам, хотонам и казахам.

Характеризуя комплекс костюма торгутов, М. Амгалан отмечает, что в нем сходство с подобными элементами других запад-

номонгольских народов имеют головной убор тоорцог, женское платье тэрлэг с большим белым воротником, надеваемая поверх этого платья распашная безрукавка цэгдэг, чехлы для кос шигэрмэг (калм. название шиверлик), и др. [10]

По данным наших полевых исследований, представители разных ойратских народов Западной Монголии отмечают, что в их костюме, несмотря на общее сходство, имеются специфические отличительные элементы. Для дербетов Монголии таким отличительным элементом является особый головной убор, называемый уул махла. Для торгутов Монголии специфическим элементом в целом типичного для ойратов костюма является обувь, называемая цараг (калм. царг) и тооку.

Н.Л. Жуковская, А.М. Решетов в энциклопедической статье о монгольских народах отмечают, что их материальная культура в основном схожа. Об обуви всех монголов сообщается следующее: «Обувь - сапоги (гутулы) с загнутыми вверх носами из прочной кожи на толстой подошве, в них вкладывался войлочный чулок» [6]. Это положение верно для всех ойратских народов Монголии, за исключением торгутов, у которых характерным видом обуви является войлочный чулок (оймс) с натянутой на него внизу кожаной подошвой, затянутой шнурком (цараг). Такая обувь называется тооку.

В западномонгольской традиции обувь тооку именуется «сапогами» (госон, калм. госн). Так называется специфическая торгутская обувь и в весьма популярной народной песне: «Тооку нег госн», бытующей в Западной Монголии:

«Тооку нэгэн госон
Тов хийгээд байна
Торгууд нэгэн сэвгэр
Толхаа дохиод байна
Мянган харлагтай хойго
Мянгадын давд хариулна
Миний залугийн тоокуг
Мяндсан гүлдрүүтэй гэлцэнэ
Хар манхан тэмээ нь
Хамраа сунгаад байна
Халхаар оёсон госон
Хөлөм холгоод байна
Өлөн манхан тэмээ нь
Өвдөг сунгаад байна
Өөлдөөр оёсон госон
Өсгөөгөм холгоод байна» [11, с.75]

Популярность тооку как этноспецифического компонента культуры торгутов обусловила обращение к данному предмету как

символу идентичности: они фигурируют и в народных песнях, и в нразличных сочинениях торгутов. Так, известный среди торгутов сомона Булган (Кобдоский край, Монголия) писатель Ж. Буяндалай посвятил этому символу ряд стиховорений:

«Торгууд оймс.

Тооку гэдэгт өмсдөг

Торгууд оймс мэдэх үү та...» [12, с. 42].

(«Торгутские войлочные носки.

Так называемые тооку, которые носят,

Вы знаете, каковы торгутские войлочные носки...»)

М. Амгалан дает основные сведения о тооку. Торгуты делают войлочные носки (длинные, подобно чулкам), на которые снизу надевают вкруговую царга - овальные по форме куски кожи, имеющие ближе к краю надрезы для вдевания в них тонких ремешков. После надевания этих кусков кожи на нижнюю часть войлочных сапог (чулков/носок) ремешки затягивают, обматывают их вокруг тооку и завязывают на уровне щиколотки. Таким образом, войлочная часть защищается от влаги, утолщается подошва. Тооку делают из белой и черной шерсти, причем белые предназначаются для повседневного ношения, а черные – для праздников и церемоний [10, с. 46]. В связи с этим интересно отметить, что синьцзянские торгуты не придерживаются подобного правила [13]. Очевидно, что значение праздничной обуви определено меньшей распространенностью в отарах овец с шерстью черного цвета. Носят тооку и зимой, и летом, особенно популярна данная обувь в качестве элемента современного фольклорного торгутского костюма. В холодное зимнее время одевают двойные войлочные носки.

Специфику материальной культуры торгутов по сравнению с другими ойратскими по происхождению этническими группами отмечает также [Тайджиуд] Аюдайн Очир. Монгольский ученый в качестве отличительной черты материальной культуры торгутов называет особые «сапоги» тооку, которые изготавливаются в домашних условиях из короткой овечьей шерсти. Таким образом, торгуты, в отличие от монголов, для национальной обуви не используют шкуры крупного рогатого скота, а также не применяют дерево. У сапог тооку отсутствует подошва, подобная этому элементу в монгольских гуталах, а для защиты нижней части тооку служит царга [14, с. 51].

В процессе изготовления выделяется два этапа. Первый - изготовление «чулков»

(или «носок», оймс). Второй – заготовка кожи для «внешней подошвы» и изготовление царга. Как отмечает Ж.Буяндалай, для приготовления войлочного чулка (носки) используется короткая шерсть ягнят, длинную шерсть овец для этой цели нельзя использовать. Шерсть очищают, выбивая палками, раскладывают по форме и, для начала оставив сухой, заворачивают и придавливают. Затем, расстелив, сбрызгивают горячей водой и вновь придавливают на определенное время. После этого войлочный чулок разминают, вновь мочат горячей водой и придают по образцу необходимую форму. В самом конце выворачивают изделие наизнанку и хорошо промывают в горячей воде. Изготовленные таким образом войлочные чулки «оймс» (которые называют сапогами, т.е. «гутал») получаются очень удобными. Мягкие и тонкие войлочные носки одевают внутрь современных ботинок [15, с. 35-36].

Из просоленной кожи (используется конская или коровья шкура) вырезают по форме ступни войлочного чулка овальный кусок, в нем прорезают отверстия для того, чтобы продеть кожаный ремешок. На войлочный чулок снизу натягивают кожаную подошву царга, затягивают ее ремешками и завязывают последние в области щиколотки. Таким образом войлочные чулки «оймс» получают вид тооку [15, с. 35].

Специфическая обувь торгутов Монголии отличается от обуви других ойратских народов (захчинов, баятов, дербетов и олетов), традиционный костюм которых включает орнаментированные кожаные сапоги гутал с загнутым верх носком и толстой кожаной подошвой.

Известно, что торгуты Монголии были переселены во времена Цинской империи на территорию современного обитания. Все они являются потомками торгутов, откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы разгромленной к тому времени Джунгарии. По рассказам наших информантов из сомона Булган Кобдоского аймака, тооку сослужили службу во время откочевки из России в 1771 году. Легенда, имеющая хождение в Западной Монголии, повествует, что мягкие войлочные сапоги с кожаной привязной подошвой позволили им продвигаться бесшумно.

Внешнее сходство тооку с русскими валенками, а также отдаленное сходство царг с лаптями обусловило наличие предположения о возможном происхождении специфической торгутской обуви через заимствование

ние в русской культуре. Об этом, к примеру, пишет М. Амгалан, причем только в английском тексте книги и без указания на источник возможного заимствования: «This boot produces during the migration» «Эта обувь появилась во время миграции» [10, с. 46].

Являются ли рассказы об уходе калмыков в 1771 году свидетельством того, что торгуты уже в XVIII в. пользовались заимствованием из русской культуры, или дань удобной обуви отдается в легенде без привязки к проблеме источника ее происхождения?

Для решения данной проблемы следует обратиться к материалам по истории валенок в России. Как отмечает Д. Осипов, «валенки еще недавно слыли неофициальным символом нашей страны, одним из колоритных атрибутов образа русского человека» [16, с. 157]. «Валенки так прочно вошли в наше сознание, что кажется: они существуют испокон веков... Однако широко распространенное мнение о древности валяной обуви ошибочно. В действительности ни при Петре I, ни тем более при Дмитрие Донском валяной обуви не было. Первые валенки, как считают историки костюма, появляются в Семеновском уезде Нижегородской губернии в самом конце XVIII века. Более ранних сведений об их существовании не удается проследить ни по этнографическим данным, ни по историческим документам... При раскопках влажного, гумусированного слоя средневекового русского города, как правило, находят большое количество фрагментов кожаной обуви, даже остатки лаптей, обрывки шерстяных тканей. Нередко встречаются войлочные стельки или просто куски войлока, но чего-либо похожего на войлочную обувь найти пока не удалось» [16, с. 159].

Свидетельством довольно позднего распространения войлочной обуви в русской культуре является тот факт, что еще в середине XIX века за валяные ботинки платили два рубля серебром, и в валенках ходили лишь представители зажиточных слоев.

Войлочная обувь – явление, характерное для скотоводческой культуры, наиболее ранние находки войлока датируются второй половиной I тыс. до н.э., и найдены они в пазырыкских курганах в горном Алтае – на территории, примыкающей к районам более позднего расселения ойратских народов, природа которой определила расселение здесь именно кочевников.

Не в пользу гипотезы о заимстwowании

валяной обуви ойратскими этническими группами в Поволжье свидетельствует и то, что в этом случае данный вид обуви должен был быть характерным для калмыцкой культуры, ведь до 1771 года калмыки являлись населением единого государства – Калмыцкого ханства. Тем не менее, среди калмыков в XIX в. не зафиксирована войлочная обувь, и путешественники отмечали, что население Калмыцкой степи Астраханской губернии использовало сапоги. Но у калмыков до второй половины XX в. сохранялся особый вид обуви – буршмг, которому «Калмыцко-русский словарь» дает определение «сыромятные лапти» [17]. Конструкция весьма напоминает царг торгутов Монголии. О происхождении термина царг должны говорить основные значения родственных ойратских слов: царга – перен. следы, отпечаток, царан – след, следы, цар – I. вол II. наст (твердая корка на снегу после оттепели) [18, с. 422]. В монгольско-русском словаре также указываются следующие значения: цар – I звукоподражательное слово – стрекотать, -скрипеть (по снегу), II наст, III объем, IV большая неглубокая металлическая тарелка большая деревянная чаша, V кратер [9, с. 604]. Очевидно, что значение слова царг (царг) происходит от основы цар со значением «крипеть по снегу» либо «наст». Внешний вид этого типа обуви действительно напоминает собой неглубокую и большую чашу.

Калмыцкий буршмг и торгутский царг относятся поршневидному типу архаической обуви, который был характерен и для западных бурят. Поршневидная обувь бытовала у бурят Иркутской области а также в Тункинском и Баргузинском районах Бурятии вплоть до XX века. «Подобный вид обуви существовал и у забайкальских эвенков, а у телеутов существовала обувь, аналогичная бурятской обуви олод гутаһан. Как отмечает Р.Д. Бадмаева, обувь поршневидного типа сохранялась в шаманском костюме, и это может указывать на древность ее происхождения» [19].

К поршневидному типу обуви бурят дэ-эгуур улатай гутал («обувь с высоко заходящей подошвой») исследователи относят «обувь, выкроенную из куска кожи, ровдуги или камуса овальной формы, который по размеру был значительно крупнее ступни и стягивался в носочной и пяточной частях. Голенище присоединялось к поршню посредством союзки или без нее (союзка или ободок – это узкие, различной длины полоски, вставляе-

мые между подошвой и голенищем). Известны несколько видов поршневидной обуви.

1. Олообшо - самый архаичный вид обуви - это был кусок кожи с прорезанными отверстиями для ремешка или волосяного шнура, с помощью которых он держался на ноге. Поршень в основном использовался во время покосов. Самый лучший поршень получался из камуса рогатого скота, такой поршень имел высоко загнутые края, стянутые спереди в сборку. Носился он волосом наружу и надевался на чулок из ткани, внутри делали подстилку из травы.

2. Духты - поршень и голенище соединены без союзок; к поршню, собранному сзади и спереди в сборки, пришивался прямоугольный кусок кожи в виде чулка, сшитого только в подъеме. Прямое голенище завязывалось на лодыжке и со временем принимало форму ноги. Эту обувь в непогоду носили поверх, обычно для зимы шили из меха и камусов; другая разновидность духты, когда поршень соединялся с прямым голенищем посредством союзки, между союзкой и поршнем вставлялась полоска кожи; завязки пришивались на уровне лодыжек.

3. Шудыршэ («росник») или нооһон годоһон («шерстяная обувь»). Голенище вязали из овечьей (козьей) шерсти и конского волоса, союзка делалась из конского волоса темного цвета, поршень изготавливался из овального куска кожи. Такая обувь была крепкой и долговечной, использовалась при хозяйственных работах и для ношения в сырую погоду, к началу XX века практически перестала существовать.

4. Олод гутаһан - поршень собирается спереди в сборки, образующие тупой приподнятый носок; надпоршневая часть состоит из голенища и носка с мысиком; к пяточной и носочной частям пришивали подковки из кожи. Шили мехом внутрь нитками из сухожилий. К этому же типу можно отнести обувь для малолетних детей мехом внутрь. Прямое голенище со швом сзади пришивалось к круглой подошве, собранной в сборку. Обувь завязывалась под коленом» [19].

Простота конструкции поршневидной обуви – черта, свидетельствующая об ее архаичности. Но если к наиболее древнему типу калмыцкой обуви относится буршмг (аналог торгутского царг), то возникают два вопроса: Почему в специфически калмыцком иконографическом типе изображений божества Белый старец (Цаган авга), считающегося покровителем калмыцкого народа, он изображен в сапогах монгольского типа?

Означает ли это, что такая «монгольского типа» обувь была характерна для предков калмыков, как сейчас характерна для ойратских народов западной Монголии?

У бурят подобный тип обуви называется лама гутал. Он распространился с буддизмом – именно такие сапоги носили ламы. Иконография буддизма также появилась только после его широкого распространения в среде монгольских народов. Божество Белый старец было канонизировано в XVIII веке. Тогда же или немногим ранее появились его живописные и скульптурные изображения. В Калмыкии же и в XX веке часто использовалось изображение Цаган авга, вылепленное из теста. Последнее свидетельствует о том, что и иконографический канон невозможно считать в полной мере отражающим только ойратскую традицию. Несмотря на то, что для калмыцкой традиции было выработано специфическое изображение данного божества фронтально стоящим на фоне гор (подобные изображения отсутствуют у монголов и бурят), развитие самого иконографического канона происходило в рамках буддийской традиции, для которой характерным являлось и ношение «ламской» обуви.

Подобная обувь с выкройной подошвой по форме ступни, головкой, скроенной из двух половинок, с выступом на носке и высоким голенищем была присуща традиции восточных бурят, родственных собственно монголам. «Название лама гутал («ламская обувь») определяет ее как часть костюма лам. В XIX веке она привозилась купцами из Монголии и встречалась у мужской знатной части бурятского населения, но уже в конце XIX - начале XX века такие унты, но более упрощенной формы и без орнамента, изготавливались бурятскими женщинами самостоятельно и использовались для ношения в будние дни. Орнамент на унтах с приподнятой вверх подошвой и острым носком, распространенный только в Забайкалье, относится к центральноазиатскому типу орнамента, орнаментика же обуви бурят Предбайкалья была южносибирского типа» [19].

Необходимо также отметить главную особенность сапог монгольского типа (и традиционных калмыцких сапог, как отмечали свидетели) и поршневидной обуви. Сапоги монголов и калмыков удобны для верховой езды, а поршневидная обувь – для хождения. Таким образом, и по предназначению поршневидная обувь царг и буршмг относится к

наиболее архаическому типу обуви, сохранившемуся у торгутов Монголии и Китая.

Войлочные чулки «оймс», изготавливающиеся ойратскими сородичами калмыков, отличаются в изготовлении от русских валенок уже тем, что для них не используется специально состриженная шерсть овец. Чулки отличаются меньшей толщиной и большей мягкостью, так как для них используется естественным образом свалявшаяся шерсть овец (и состриженная – от ягнят). Способ изготовления торгутских «оймс» соответствует хозяйственно-культурному типу кочевого скотоводства, а значит, можно определить время возникновения войлочных чулок у ойратских народов периодом перехода к скотоводству.

Возникает вопрос, почему у торгутов Монголии сохранился поршневидный тип обуви, восходящий к архаическому типу хозяйства и натуральному хозяйству кочевников, в то время как другие ойратские народы в качестве национальной обуви используют монгольские гуталы?

Причина кроется в миграциях торгутов. Однако дело тут не в заимствованиях, а в том, что во время миграций они сохранили более древний элемент культуры, тогда как ойраты Монголии, проживая на протяжении столетий в окружении более многочисленных монголов, заимствовали тип обуви, наиболее приспособленный к верховой езде.

Как известно, среди всех ойратских народов Монголии только представители этнической группы торгутов являются потомками населения, откочевавшего в XVII веке в пределы Российского государства, а затем вернувшегося на территорию бывшей Джунгарии после 1771 года. Почти два века пребывания в изоляции способствовали консервации элементов этнической культуры. На прародине же в этот период ойратские этнические группы, включенные, как и монголы, в состав империи Цин, подвергались переселениям внутри страны. Для императорского дома и ойраты, и монголы являлись окраинным населением. Противопоставление монгольской группы народов иноземной власти способствовало появлению новой идентичности, которая открывала пути для культурного влияния. После откочевки из России в пределы Джунгарии торгуты не сразу расселились в районах современной Западной Монголии, и относительно компактное расселение вернувшихся не могло не способствовать осмыслению особенностей культу-

ры как субэтнически-специфических.

Однако сохранение в культуре калмыков до XX в. обуви типа буршмг является свидетельством древности царг - уникального предмета культуры торгутов Монголии. О том, что несколько веков назад такой тип обуви был присущ другим западномонгольским народам, свидетельствует упоминание Ж.Буяндалая о том, что тооку носили не только торгуты, но и захчины Монголии [15, с. 35].

Таким образом, на наш взгляд, можно считать, что наиболее архаическим типом обуви ойратов являлись поршневидные кожаные «лапти», изготавливавшиеся из кожи (в основном, камусов) животных, называемые ныне царг либо буршмг. С переходом к кочевому скотоводству широкое распространение получили и войлочные «чулки» оймс, на которые стали надевать поршневидную обувь. Так появился новый вид обуви – тооку.

Влияние буддизма, осуществлявшееся через посредничество халха-монголов, обладавших развитым институтом церкви, проявилось также и в том, что кожаная обувь, характерная для культуры восточных монголов, получила распространение среди ойратов, территория расселения которых граничила с Халхой. Тип обуви, сходный с современными тооку, сохранился у ойратов, мигрировавших в иноэтническую среду, и вследствие их обратной трансконтинентальной миграции теперь воспринимается в качестве этнически-специфического элемента культуры торгутов. У калмыков же, оставшихся в Поволжье, войлочные «чулки» сменились кожаными фабричными сапогами, более приемлемыми в климатических условиях северо-запада Прикаспия. Поскольку кожаные сапоги калмыками были приспособлены к верховой езде и не являлись удобной для хождения обувью, сохранился и архаический тип обуви – поршневидный буршмг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 325 с.
2. Санчилов В.П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. - 137 с.
3. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII – XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 400 с.
4. Хойт С.К. Последние данные о лока-

лизации и численности ойрат // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. С. 136-157.

5. Жуковская Н.Л. Захчины // Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 173.

6. Жуковская Н.Л., Решетов А.М. Монголы Китая // Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 350-352.

7. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 112-126.

8. Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР (перевод с монгольского языка Г.Н. Очировой) // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 127-139.

9. Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 713 с.

10. Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар, 2008. – 211 х.

11. Вангийн торгулуд түмний түүхэн дурдатгал. Улаанбаатар, 2005. - 75 х.

12. Буяндалай Ж. Торгуудын тэмдэгэл. Улаанбаатар, 2001. - 88 х.

13. Устное сообщение Осорин Утнасн, уроженки СУАР КНР.

14. Очир Аюдайн. Монголын ойрадуудын туухин товч. Улаанбаатар, 1992. – 94 х.

15. Буяндалай Ж. Зохиолчийн архив хоёр торгуудын тэмдэглэл тав. Улаанбаатар 2006. – 99 х.

16. Осипов Д. Русские валенки // Наука и жизнь. 2007. № 12. С. 157-161.

17. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. – 360 с.

18. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. – 493 с.

19. Хадеева Н.Б. Обувь в традиционном костюме бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Вып.2. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2003. С. 28-48.

ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ
В СВЕТЕ КОМПЛЕКСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Э.У. Омакаева

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-04- 00449а

В статье представлены некоторые важные результаты модельного лексико-синтаксического описания глагольного предложения в калмыцком и монгольском языках. Обосновывается целесообразность использования комплексного системно-функционального подхода к типологии глагола монгольских языков в контексте межкомпонентного и межуровневого взаимодействия.

Ключевые слова: *типология, глагол, модель, монгольские языки, синтаксис, подлежащее, лексика, предложение, конструкция.*

The article presents for the first time some important results of the model lexical and syntactic description of the verbal sentence in Mongolian and Kalmyk. It is very necessary to use a complex systemic and functional approach to the typology of verb and to create a special dictionary of syntaxemes in the future.

Keywords: *typology, the verb, model, Mongolian languages, syntax, subject, lexicon, sentence, construction.*

Настоящая статья посвящена самой малоизученной области в сфере синтаксиса монгольских и, шире, алтайских языков – соотношению лексики и грамматики, типологии глагола как ядерного структурообразующего члена предложения (далее – ЧП) в системе языка и тексте. Сформулированная задача предопределила и принципы синтаксического описания, и прежде всего – систематизацию лексического материала и синтаксических построений, осуществленную на основе лексико-семантической и валентностной классификации глаголов.

С сущностью и функционированием глагола в монгольских языках связан целый комплекс спорных вопросов грамматики. И это не случайно. Категория глагола находится на пересечении важнейших сфер семантики, лексики и синтаксиса, которые в монгольском языкознании лишь начинают исследоваться.

Заявленная в названии работы тема находится в сфере проблемного поля приоритетных направлений отечественного языкознания. Исследование типологии глагола выполнялось в современной научной парадигме с учетом достижений и опыта традиционной школы монголистики и русистики, новейших общелингвистических разработок в области синтаксиса, лексикологии, семантики (включая изучение языковой картины мира), коммуникативной (речедятельностной) и прикладной лингвистики (прежде все-

го, лексикографии, орфографии и др.), а также лингвистики текста.

Задача системного описания членов предложения, в т.ч. глагола-сказуемого, и комплексного моделирования самого предложения актуальна не только для монгольских языков. Такого описания нет пока и для русского языка. Близкий подход мы видим в академической грамматике русского языка [1], где синтаксис представлен как набор синтаксических конструкций. Но здесь дан только перечень, системный характер недостаточно познан.

Проблематика модельного описания простого и сложного предложения в языках Сибири давно и плодотворно разрабатывается новосибирской типологической школой под руководством проф. М.И. Черемисиной, результаты многолетних исследований изложены в многочисленных монографиях, сборниках, отдельных статьях.

Актуальность использования модели предложения в синтаксическом описании монгольских языков предопределена самим ходом развития науки, потребностью совершенствования формального аппарата лингвистики, необходимостью анализа функционирования языковых единиц в речи в контексте межуровневого взаимодействия.

Модель синтаксического описания зависит от способа представления синтаксической структуры. В современной монголи-

стике представлены три основных подхода: традиционная модель ЧП, модель непосредственно составляющих (НС) и вербоцентрическая, глагольно-актантная модель.

Рассмотрим модель ЧП. Специфика ЧП и его природы – мало исследованная проблема в монголистике, не имеющая однозначного решения. Этому способствует и концептуальная разобщенность, характерная для современной монголистики. Типология ЧП в калмыцком и монгольском языках, тем более в сопоставительном плане, остается неизученной. Спорный характер многих узловых вопросов структуры предложения, связанных с ЧП, не позволяет считать и те, и другие исчерпанными как объект исследования.

Принимая во внимание существующие формулировки ЧП и опираясь на свои собственные наблюдения за функционированием этого явления в речи, можно предварительно предложить исходное рабочее определение этого понятия.

Дать определение тому или иному ЧП – значит указать его необходимые и достаточные признаки, которые были бы верны для всех языков или хотя бы какого-то одного языка. Несмотря на давно укрепившийся статус ЧП в монгольском и общем языкознании и самоочевидность тезиса о том, что член предложения – функциональная единица, границы этой категории трудно счесть полностью определенными.

Многочисленные попытки описания структуры предложения с использованием модели ЧП убедительных результатов не дали. Такое положение вполне объяснимо. Во-первых, не совсем ясен сам статус предложения (не случайно, некоторые ученые сомневаются в реальности данной категории), во-вторых, нет и адекватных дефиниций его компонентов – ЧП, что побуждает ставить вопрос о законности и/или целесообразности применения данного понятия в описании синтаксиса разных языков.

С одной стороны, в одну синтаксическую категорию объединяются словоупотребления с одинаковой формой, но разными значениями. С другой стороны, ЧП выделяется на основе общности передаваемого содержания, хотя словоформы могут быть разными.

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с узкой и односторонней интерпретацией феномена ЧП, т. к. они, на наш взгляд, далеко не в полной мере отражают сущность этого полифункционального и многогранного явления, его назначение в коммуникации.

Недостаточное внимание в теоретическом отношении к категории ЧП со стороны лингвистов, видимо, можно отчасти объяснить тем, что часто это явление воспринимается как чересчур простое и чисто формальное, лишенное всякого смыслового содержания и выполняющее в речи лишь оформительскую функцию; настолько очевидное, что не требует эксплицитного описания.

На самом же деле эта категория, как это будет показано ниже, имеет специфическую семантику и играет в речи важную коммуникативно-прагматическую роль. Вот почему семантико-синтаксическая разработка категории ЧП, которая принимает непосредственное участие в формировании высказывания и текста, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

В монголистике синтаксис до недавнего времени сводился к описанию поверхностной (формально-грамматической) структуры предложения. Структурная и коммуникативная организация семантики высказывания оставалась долгое время вне поля зрения исследователей. Лишь в работах последних трех десятилетий предприняты попытки выявить набор семантических ролей, существенных для монгольского синтаксиса и семантики [2], изучить тема-рематическую структуру высказывания в монгольском и калмыцком языках [3].

В общем можно сказать, что исследование ЧП в монголистике находится все еще на начальном этапе, о чем свидетельствует широкий и разнообразный круг нерешенных проблем, связанных с этой категорией. В частности, в существующих работах не содержится удовлетворительных сведений ни о самой природе, ни о функциях, ни о специфических характеристиках, ни о коммуникативном назначении этого феномена. Не выявлены особенности содержания этой категории, не определен ее лингвистический статус.

Дискуссионным является вопрос об отношении категории ЧП к таким категориям, как субъект, объект, предикат (предикатно-аргументное членение), тема/рема (актуальное членение), фокус и т.д.

Для того, чтобы объективно, точно и полно определить понятие ЧП, вскрыть его сущность и назначение в коммуникации, нужно прежде всего выявить его функции, характерные свойства и специфику значения. Для этого необходимо обратиться непосредственно к тексту, в котором в явной форме содержится как элементы высказывания. Толь-

ко учет факторов во всей их совокупности и многообразии позволит получить реальную и полную картину механизма исследуемого явления.

Уже в самом названии данной синтаксической категории заложено то, что ЧП – всегда релятивный элемент некоторого целого (синтаксического построения, традиционно называемого предложением). Поскольку члены предложения всегда выявляются по их роли в структуре предложения, должны быть рассмотрены основные типы предложенческих структур (как исходные, так и производные), относительно которых элементы могут получать синтаксическую определенность. Если к тому же полагать, как это обычно для традиционных теорий синтаксиса, что член предложения – синтаксическая категория, обладающая не только формально-грамматическими, но и семантическими признаками, то становится ясной необходимость изучения и семантических аспектов тех структур, относительно которых выделяются члены предложения.

Таким образом, исследование типологии ЧП есть задача многоаспектного, объемного исследования, требующего комплексной разработки принципов моделирования предложения, в частности теории и методики модельного описания синтаксической организации высказывания и его семантического устройства (предикатно-аргументной структуры, тема-рематического членения).

Один из возможных вариантов решения заявленной проблемы в языках агглютинативного типа может быть предложен в русле функционального направления в изучении синтаксиса: «функционализм как таковой – не одна из существующих школ, это скорее необходимое магистральное направление лингвистики, способное интегрировать все позитивные аспекты, которые усматриваются в ряде существующих теоретических подходов» [4].

Изложим основные результаты применения к описанию релевантного языкового материала интегрированной модели синтаксиса, совмещающей в себе принципы разных подходов, в частности, функционального синтаксиса (грамматики Теньера) и компонентного синтаксиса (грамматики непосредственно составляющих).

Исследование базировалось на материале типологически мало используемого современного калмыцкого языка в сопоставлении с монгольским (также привлекаются данные

русского языка как языка иной типологии и языка описания и, частично, бурятского языка как третьего основного языка монгольской группы). Сопоставительное описание двух близкородственных языков характеризуется в теории типологии как сравнительная типология или контрастивное описание, которое имеет дело с ограниченным количеством и чаще всего бинарным сопоставлением языков и определяет внутренние типологические различия языков на фоне сходства [5].

В настоящее время сопоставительное исследование языков все прочнее утверждается как одно из центральных направлений в лингвистике. Солидный опыт в этой области накоплен в отечественном языкознании, в том числе и в монголистике, еще в советский период, когда создавались сопоставительные грамматики русского и монгольских языков.

А постсоветский период отмечен исследованиями, посвященными контрастивному изучению морфемики калмыцкого и монгольского языков (Д.А. Сусеева), описанию отдельных языковых явлений монгольских языков (калмыцкого, бурятского и монгольского) в сопоставлении с аналогичными категориями западноевропейских языков: английского, немецкого и др. Как правило, эти исследования связаны с практикой изучения и преподавания иностранных языков.

Монгольские ученые (С. Галсан, Чой Лувсанжав, Ц. Цэдэндамба, Э. Равдан, А. Шархуу, С. Дашдаваа, Э. Дашдондог, О. Адьяа, Б. Чулуундорж, Г. Даваасамбуу, Д. Цээрэгзэн и др.) внесли значительный вклад в сопоставительное изучение неродственных языков (монгольского и русского, монгольского и английского).

В структурно-типологическом плане монгольские языки, как известно, относятся к агглютинативным языкам, в которых также представлены аналитические элементы для выражения различных грамматических значений. Русский и английский языки относятся к языкам иной типологии. Как бы не были тесны взаимодействия монгольских, в том числе и калмыцкого языка, с русским языком, там, на наш взгляд, не обнаруживается столько типологических сходжений, как в английском и калмыцком языках. Например, и в английском, и в калмыцком языках есть так называемое «настоящее продолженное» время, отсутствующее в русском языке: ср. калм. Би дегтр умшжанав; I am reading a book, рус. Я читаю книгу (в данный момент). Но вполне естественно в то же время, что между ними

существует и немало существенных различий.

Традиционно к монгольским языкам, составляющим отдельную группу алтайской семьи языков, относят несколько близкородственных языков, отличающихся крайне неравномерной изученностью и доступностью, носители которых проживают в настоящее время в Монголии, Китае, России и Афганистане. Выбор двух из них обусловлен как профессиональным интересом автора, так и социокультурными факторами определенного порядка.

Калмыцкий язык рассматривается в работе как сложный триединый (языковая система, речевая деятельность, текст) объект научного изучения, но в то же время и социально значимый. Как и любой другой естественный язык, он является прежде всего средством общения (коммуникативная функция), предметом изучения (в школах и востоковедческих вузах), средством обучения другим предметам в национальных классах школ Калмыкии и средством обучения неродным языкам (в т.ч. русскому, монгольскому, английскому, китайскому) на соответствующих отделениях Института калмыцкой и восточной филологии Калмыцкого государственного университета, инструментом познания наивной картины мира, неотъемлемой частью этнической культуры калмыцкого народа и ее синкретичным выражением.

Именно такой подход апробирован нами на разнообразном текстовом материале, в частности на текстах, принадлежащих разным стилям: художественному (проза), фольклорному (эпос, сказки, паремии и др.), газетно-публицистическому, религиозному (молитвы).

Комплексный анализ монгольской и калмыцкой глагольной лексики в свете основных проблем синтаксиса монгольских языков был направлен на выявление связи между спецификой организации синтаксиса, с одной стороны, и особенностями лексикона, с другой, т.е. в привлечении внимания к сопоставительному изучению синтаксиса и структурированной семантики (модели управления) агглютинативного глагола.

Собственно типологические разработки всегда базируются на уже выполненных грамматических описаниях сопоставляемых языков. Для успешного контрастивного анализа монгольского и калмыцкого предложения крайне важна более или менее одинаковая степень изученности соответствующих

фрагментов синтаксической системы каждого из сравниваемых языков, поскольку равномерность описания категорий по отдельности значительно облегчает их сопоставление.

Как верно заметил А.А. Холодович, «значение истории вопроса не бесполезно для того, чтобы пробудить к нему интерес и внимание и избавить от многих ошибок и реминисценций при возможном построении новых концепций» [6]. Если обратиться к соответствующей литературе, то можно констатировать, что монгольский синтаксис неплохо описан в работах известных российских (Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, Г.Ц. Пюрбеев, Е.К. Скрибник и др.) и монгольских (Ш. Лувсанвандан, Д. Базаррагчаа, Г. Жамбалсурэн, С. Пурэв-Очир и др.) ученых. Первое специальное описание монгольского синтаксиса было выполнено Г.Д. Санжеевым [7].

Существующая синтаксическая концепция бурятского языка основана на трудах Т.А. Бертагаева. В то же время следует отметить, что в настоящее время в рамках академической грамматики учеными подготовлено новое описание бурятского синтаксиса под руководством проф. Е.К. Скрибник.

В калмыцком языкознании первое монографическое исследование калмыцкого синтаксиса (автор У.У. Очиров) появилось в 1964 г., а спустя почти 15 лет вышла в свет синтаксическая часть «Граматики калмыцкого языка», в двух книгах которой известным монголоведом Г.Ц. Пюрбеевым дается детальное описание синтаксического строя калмыцкого языка. В настоящее время в КИГИ РАН готовится второй том академической грамматики, который станет, по выражению Г.Ц. Пюрбеева, «первым системным и самым полным научным описанием» грамматического (синтаксического) строя калмыцкого языка. Важное место в нем будет уделено и проблематике членов предложения.

Отдельным проблемам калмыцкого синтаксиса, в том числе структуре и семантике простого предложения, посвящены диссертационные исследования: кандидатская и докторская диссертации (и одноименная монография) В.Н. Мушаева, кандидатская диссертация Б.Э. Убушиевой и др.

Что касается собственно «членопредложенческой» проблематики, то следует отметить, что в монголистике имеются работы, посвященные либо описанию отдельных членов предложения, например, определения в бурятском языке (А.А. Дарбеева), подлежащего в современном монгольском языке (Э.

Вандуй, Э.У. Омакаева), либо сопоставительному рассмотрению членов предложения в монгольском и иноструктурном языках, например, в монгольском и китайском (Г. Гэрэлмаа).

Как известно, вопросы типологии членов предложения традиционно были поставлены и разрабатывались преимущественно на материале европейских флективных языков. Поэтому привлечение данных восточных языков, в частности монгольских, как языков иного типа, представляется актуальным для расширения и углубления фактической базы при рассмотрении проблемы в общелингвистическом плане. Однако в настоящее время в монгольском языкознании еще недостаточно активно применяются типологические методы и достижения современной теоретической лингвистики, на что неоднократно указывалось в соответствующей литературе (Г.Ц. Пюрбеев [8], С.А. Крылов и др.).

Современное состояние изученности вопроса в монголистика и анализ соответствующих работ обусловили необходимость разработки такой модели синтаксического описания, которая была бы в состоянии отразить степень семантизованности синтаксиса агглютинативного языка, а также достаточно гибко учитывать возможности синтаксических трансформаций базовых конструкций.

Синтаксис принято описывать как синтаксис простого и сложного предложения. Но при таком раскладе в один класс попадают фактически разнородные конструкции.

Основным объектом изучения синтаксиса в традиционном понимании, как известно, является предложение, считающееся центральной синтаксической единицей. Но языковой материал показывает, что тезис о безоговорочной центральности предложения в иерархии синтаксических единиц может быть несколько поколеблен. Существует множество определений предложения, но ни одно из них не является операциональным, рабочим, т.е. не позволяет выделить данную единицу в тексте. Такое положение вполне объяснимо. До сих пор не ясен сам статус предложения (не случайно, некоторые ученые усомнились в реальности данной категории).

На наш взгляд, проблема определения статуса составляющих (в традиционной терминологии - членов предложения) связана с вопросом об основной единице синтаксиса (ОЕС), которой предложение явно не является.

Вербальная коммуникация реализуется, как известно, при помощи высказываний.

Синтаксический компонент языка может быть представлен как система фреймов – исходных, составляющих ядро, и производных. Первые представляют собой элементарные (базовые) синтаксические конструкции, т.е. структуру типовых лексем, охарактеризованных с точки зрения класса – семантического и грамматического (часть речи), подкласса, грамматической формы и линейной позиции. Терминалы (узлы) этих фреймов заполняются не только одиночными лексемами, но и субфреймом – синтаксической группой (иначе - словосочетанием), которая не может существовать изолированно, или предикативной конструкцией, которая может существовать без опоры на контекст как изолированное высказывание, но вставляется в другую конструкцию в трансформированном виде или без изменений.

Аналогично семантический фрейм – это элементарная семантическая конструкция, т.е. структура подчиняет себе синтаксический, но этим его значение не исчерпывается: сюда включаются темпоральные, аспектуальные характеристики, выражаемые морфологическими и лексическими средствами, а также модальная и коммуникативная рамки, в экспликации которых задействована и фонология.

Деление синтаксиса на базовый, представленный системой исходных (производящих) конструкций, и трансформационный, включающий все производные конструкции, не является простым воспроизведением, в иной терминологии, традиционного описания. Предлагаемое описание синтаксиса монгольских языков существенно отличается от уже имеющихся не только по общей направленности (принципам и методике), но и по поставленной проблематике, которая значительно расширена за счет включения в сферу синтаксиса, являвшегося ранее «монополией» предложения, более крупной языковой единицы - текста.

Репрезентация синтаксического компонента языка как сложно организованного единства, иерархической структуры будет способствовать решению проблемы унификации синтаксического описания генетически и типологически близких языков и определению границ такой унификации.

Вырабатывая методику сопоставительного анализа глагольной лексики и моделирования предложения в указанных языках, мы опирались прежде всего на вербоцентрическую актантную теорию Теньера [9] в не-

сколько модифицированном виде. Исходной предпосылкой вербоцентрической концепции является идея о центральной роли глагола как ядерной синтаксемы в структурировании предложений. Интерес к проблемам, связанным с валентностью глагола и способам ее реализации в тексте не случаен. Поскольку важнейшим универсальным грамматическим свойством слова является его валентность, а валентность глагола позволяет строить предложения (высказывания), то данная проблематика без всякого сомнения входит в синтаксис.

Понятие конструкции дается через понятие связи (непосредственной), которое, в свою очередь, определяется через понятие валентности: связь — это реализованная валентность. Глагольное управление — это тип подчинительной связи, при котором грамматическое оформление зависимого компонента обусловлено лексико-грамматическими свойствами глагола.

В монгольских языках выделяются следующие типы глагольного управления: 1) падежное управление как разновидность глагольного управления, при котором маркером синтаксической связи глагола и зависимого компонента является падежный показатель; 2) послеложное управление, при котором синтаксическая связь глагола и зависимого компонента осуществляется посредством служебных слов - послелогов.

Задача системного описания синтаксиса монгольских языков будет считаться выполненной, если будет дана система базовых конструкций и те трансформации, которым они подвергаются. Иначе говоря, рассматриваемая нами модель синтаксиса — это многоуровневая система, включающая в себя две основные подсистемы (два основных субкомпонента) синтаксической системы (компонента) современных монгольских языков - базового (глубинного) и трансформационного (поверхностного). Анализ уместнее начать, естественно, с описания базовых конструкций и их составляющих.

ОЕС (в качестве таковой рассматривается базовая элементарная синтаксическая конструкция — далее ЭСК) — качественно особая целостная единица, обладающая специфическими признаками. ЭСК в данной работе определяется как минимальное контекстно-свободное (автосемантическое) неэллиптическое высказывание, в котором нельзя усмотреть производный характер, т.е. такое высказывание, которое невозможно представить в

качестве трансформации какой-либо другой конструкции.

Названная категория, несмотря на свое название (элементарная), представляет собой сложную единицу описания, включающую в свой состав более элементарные единицы — обязательные синтаксемы (примером ядерной синтаксемы может служить глагол).

Синтаксемы релятивизированы относительно контекста единиц более высокого языкового уровня вплоть до самого высшего — текста. Статус синтаксем (членов предложения) как актантов и сирконстантов определяется тем, что они зависят от глагола-сказуемого (ядерной синтаксемы) и заполняют соответственно его обязательные и факкультативные валентности.

Глагольно-актантная базовая модель синтаксиса, создаваемая на основе модели управления глагола, дает необходимую и достаточную информацию для построения грамматически правильного предложения [10].

Глагольно-актантная модель описания привлекла автора именно тем, что позволила выделить из множества конструкций, реально встречающихся в речи (тексте), ограниченный набор ЭСК (иначе исходных, прототипических, ядерных, базовых конструкций), составляющий синтаксический «костяк» монгольских языков. Еще Л.В.Щерба писал: «...выведение из данных в опыте фактов “речи” (“parole”) общего, т.е. “языка как системы” (“langue”) является...одной из основных целей, к которой стремится ... наука... Кроме того, задача эта является самой трудной в лингвистике; если бы это было иначе, мы давно бы имели прекрасные грамматики... мы даже не знаем, как должны выглядеть в идеале эти грамматики... Поэтому-то это и является актуальнейшими лингвистическими проблемами сегодняшнего дня» [11, с. 49].

Именно валентность глагола имеет решающее значение для построения предложения (высказывания). Между тем синтагматика глагола недостаточно разработана в традиционной грамматике монгольских языков, особенно в калмыцком языкознании.

Глагол как часть речи представляет собой совокупность форм (финитных и нефинитных), комплекс определенных морфологических категорий, общую систему парадигм, дистрибутивный класс слов, выполняющих определенную ядерную синтаксическую функцию — конечного сказуемого. Общими

признаками всех глагольных форм является значение процесса, действия в широком смысле (не случайно глагол обозначается в монгольском языке как уйл уг «действие-слово», ср. калм. үүлдэгч «действующий»), переходность / непереходность и аспектуальность (видовая отнесенность). Речь идет о категориальном значении процессуальности и общеглагольных категориях транзитивности и вида.

Традиционно глагол как часть речи и связанные с ним словообразовательные явления описывались в рамках морфологии. Сегодня стало совершенно очевидно, что словообразование, лежащее на пересечении грамматики и лексики, должно описываться как самостоятельный компонент языковой системы. Детальному анализу подвергались морфологические категории, в частности, наклонение, время, вид, залог, на материале калмыцкого (Р.П. Харчевникова и др.), монгольского (З.В. Швернина, Г.С. Дугарова и др.), бурятского (Ц.Б. Цыдендамбаев, В.И. Рассадин, В.Г. Егудурова и др.) языков. Синтаксическое поведение глагола рассматривалось на примере глагольных словосочетаний (Д.А. Сусеева, Г.Ц. Пюрбеев и др.), моно- и полипредикативных предложений монгольских языков (Е.А. Кузьменков, Е.К. Скрибник, Э.У. Омакаева и др.). Привлекались и диалектные данные, например, синтаксис глагола в ордосском диалекте был описан В.Ф. Ренжигловой [12]. Активно изучался словообразовательный аспект глагола (Д.А. Сусеева, С. Л. Чареков и др.). Проводились исследования глагола в рамках изучения модальности (П.П. Дамбуева, В.Н. Мушаев и др.).

Но имеющиеся исследования глагола касаются в основном его морфологической и синтаксической характеристики. Семантические свойства глагола в рассматриваемых языках изучены гораздо хуже. В традиционной грамматике классификация глаголов не идет дальше выделения глаголов переходных и непереходных, причем статус данной категории остается неясным. Так, например, в Грамматике калмыцкого языка 1983 г. классификация глаголов ограничивается выделением переходных и непереходных глагольных лексем, причём категория переходности / непереходности рассматривается в контексте залоговости. Соответственно выделяются, с одной стороны, переходные активные, непереходные - активные и непереходные - пассивные глаголы, с другой [13]. Нередко эту оппозицию относят исключительно к син-

таксису, в то время как следует признать, что при всей релевантности переходности для синтаксиса она является все-таки лексико-грамматической, т.е. классифицирующей, категорией, поскольку речь идет о классификации глагольных лексем. Переходные глаголы выделяются прежде всего по своим грамматическим особенностям (моделям управления).

Поскольку проблемы валентностного моделирования глагольного предложения на материале современного монгольского языка к настоящему времени изучены с чуть большей степенью детализации, основное внимание было сконцентрировано на тех «белых пятнах» в изучении глагольно-актантной структуры предложения калмыцкого языка, которые могли быть с достаточной степенью эффективности рассмотрены на базе соответствующих данных монгольского языка, уже получивших интерпретацию в специальной литературе [14].

Исследование показало, что ЭСК обладает прототипическими свойствами и характеристиками. Исходные, прототипические конструкции, составляющие синтаксический «костяк» языка, демонстрируют основной набор синтаксических отношений в наиболее «чистом» виде, где синтаксис и семантика максимально параллельны.

Семантика и синтаксис рассматриваются нами как относительно независимые, но взаимодействующие уровни языковой структуры. Если ядро семантики предложения представлено системой элементарных семантических конструкций (ЭСемК), выраженных средствами данного языка, то ядро синтаксиса составляет система ЭСК. Установленная система структурных моделей ЭСК в монгольских языках включает две подсистемы: переходные модели и непереходные модели.

Для выявления состава модели, т.е. глагольно-актантной рамки - регулярного актантного окружения для каждого глагола, использовались как «лексемный», так и «текстовый» подходы.

Исходный пункт определения состава ЭСК - это лексикографическое толкование глагола. Соглашаясь с тем, что синтаксическое описание должно существенно опираться на словарь, вместе с тем приходится констатировать, что существующие словари монгольских языков не дают достаточной информации о лексико-синтаксической структуре глагола. Способность лексики к разному употреблению отмечается в выделе-

нии у слова различных значений - лексико-семантических вариантов (ЛСВ) - или оттенков значений. Значения многозначного глагола образуют определенную семантическую структуру.

Последовательность представления значений многозначных глагольных слов в разных словарях неодинакова, отсутствует системность в подаче и описании ЛСВ глаголов. Приходится констатировать, что существующие словарные толкования в этом отношении весьма несовершенны.

В связи с этим важное значение приобретает изучение валентностных свойств глаголов. Сама постановка вопроса об отражении в словаре валентностных характеристик слова крайне актуальна. Проблема семантизации глагольных лексем в толковых словарях находится в центре внимания современной лингвистики. Толкование глагола имеет отличия от толкования слов других ЧР, что обусловлено его особым статусом. Сочетаемость позволяет отразить своеобразие семантики каждого глагола, выявить помимо словарных и контекстных значения.

Выявляемые значения, конечно, неравноправны, и они должны быть систематизированы: прежде всего выделим ядерное, прямое значение, под которым, видимо, следует понимать основное значение глагола, наименее обусловленное синтагматически, контекстом, окружением (глагол в данном значении имеет широкую сочетаемость). В качестве примера приведем калмыцкий глагол йовх (монг. явах) «идти, ехать» в главном значении «двигаться, переступая ногами» (на это указывает и наречие йовһар «пешком»). Все другие значения по отношению к базовому - производные, вторичные. Вторичные значения образуют периферию семантической структуры слова. Для их выявления нужен диагностический (опознавательный) контекст. Так, значение «идти, падать» реализуется у глагола орх только в сочетании с именами ЛСГ «осадки» (хур «дождь», цасн «снег»).

Базовое значение глагола движения йовх закреплено парадигматически по способу передвижения в среде. Приведем парадигматический ряд: гүүх (монг. гүйх) «бежать», нисх (монг. нисэх) «лететь», өөмх (монг. ээлэх) «плыть», мөлкх (монг. мөлхөх) «ползти». У глаголов имеются переносные (метафорические), фразеологически связанные, синтаксически ограниченные значения.

В процессе выявления значения глагольных лексем для доказательства право-

мерности отнесения их к тому или иному семантическому классу (СК) или лексико-семантической группе (ЛСГ) в составе парадигмы необходим лингвокультурологический комментарий, выявляющий неразрывную связь языка и культуры, семантической системы и языковой картины мира путем характеристики соответствующих фрагментов языковой картины мира, отражаемых семантикой глагола.

Семантические категории типа Агенса, Пациенса и т.п. суть семантические роли (СР): они входят в план содержания глагола, называющего ситуацию, составляя набор его семантических дифференциальных признаков. Семантика глагола не может быть лексикографически описана без СР. Категории СР относятся к лексической семантике (семантике словаря), а субъект представляет иной уровень обобщения - перехода от лексической семантики к синтаксической. Субъект как особая категория семантики синтаксиса появляется только тогда, когда совпадает грамматическое оформление двух и более СР. В таком понимании категория субъекта не является универсальной. В терминах СР (абсолютив, агент, экспериенцер, донор и реципиент) может быть показано реальное семантическое наполнение такой синтаксической категории, как I актанта (традиционное подлежащее), в 34 основных моделях ЭСК монгольского и калмыцкого языка.

Подлежащим в монгольском языке является синтаксема, которая в ЭСК выполняет синтаксическую роль I актанта, не имеет при себе аффикса, занимает I позицию, выполняет гиперроль субъекта, которая выступает обобщением указанных 5-ти СР, и коммуникативную роль темы. В производных конструкциях, получаемых путем трансформации ЭСК, тот элемент, который обычно называется подлежащим (каузативные конструкции) или синтаксический характер которого активно дебатруется (зависимые конструкции), не может быть идентифицирован с помощью набора признаков, установленного для подлежащего ЭСК. Этот элемент определяется как подлежащеподобный: набор его признаков в той или иной степени редуцирован по сравнению с признаками прототипического подлежащего.

Именно описание ЭСК и их трансформаций позволило выявить соотношение синтаксиса и семантики в сопоставляемых языках и, в частности, статус тех элементов, которые традиционно называются членами предложения, в структуре языка и в его описании.

На материале монгольских языков нами выделены ЧП четырех рангов: ядерная синтаксема (глагол-сказуемое), актант (подлежащее, прямое дополнение, некоторые виды косвенного дополнения и обстоятельства), сирконстант (обстоятельство) и определение. Подлежащим в монгольском языке является синтаксема, которая в ЭСК занимает I позицию, не имеет при себе аффикса, является I актантом, выполняет гиперроль субъекта, соответствует теме. В производных конструкциях категория субъекта «исчезает», а тем самым «исчезает» и компонент синтаксической структуры, который обладал бы всеми семантическими признаками подлежащего.

На основании полученных данных предлагается различать в монгольском языке две синтактико-семантические сущности: прототипическое подлежащее и «подлежащеподобные» синтаксемы, занимающие определенное место на шкале «подлежащности».

Непосредственным объектом сопоставления нам послужили глаголы основных лексико-семантических групп в калмыцком и монгольском языках, а также образованные с помощью этих глаголов синтаксические модели конструкций. Среди последних важное место занимают модели ЭСК, которые уже выделены нами в монгольском языке.

Таким образом, в качестве новых критериев выявления и дифференциации ЧП в монгольских языках нами предложены учет валентностных свойств глагола и его трансформационных возможностей.

Полноценное описание классов слов (в первую очередь, глагола) невозможно без обращения к синтаксису. Глагол обладает определенным синтаксическим и семантическим потенциалом, выражающимся в его дистрибуции, т.е. участии в тех или иных контекстах. В рамках принятой нами синтаксической концепции глаголы-связки можно уравнивать в функциональном отношении со знаменательными глаголами, придав им статус сказуемого – ядерной синтаксемы. Таким образом, принцип знаменательности / незнаменательности глагола оказывается нерелевантным для валентностной классификации синтаксических конструкций.

Полная классификация глаголов, представляющих большой лексический массив в любом языке, – дело довольно хлопотное. Систематизация лексики связана со многими трудностями, и сопоставительная классификация калмыцкой и монгольской глагольной лексики полностью подтверждает этот тезис.

На какие группы можно разделить глаголы и по каким признакам?

Близкий подход мы видим в работах Д.А. Сусеевой, Е.А. Кузьменкова и др. Д.А. Сусеева, исследуя словообразовательные возможности калмыцкого глагола, выделила 4 ЛСГ переходных и 6 ЛСГ непереходных глаголов. Е.А. Кузьменков приводит 26 подклассов глаголов монгольского языка.

В ряде работ выделены отдельные семантические группы глаголов, но, во-первых, этими традиционными рубриками охвачены далеко не все глаголы, а, во-вторых, описаний отдельных ЛСГ глаголов очень мало: больше всего «повезло» бурятским глаголам движения (В. Г. Егодурова).

В заключение подчеркнем, что введение понятия «валентность» в синтаксическое описание монгольских языков позволяет уточнить термин «сочетаемость», ранее употреблявшийся в монголистика недифференцированно для обозначения двух разных понятий – способности языковых единиц вступать в синтагматические отношения и реализации данной возможности. О сочетаемости можно говорить только в случае реализации потенциальной способности слов, т.е. в случае насыщения, заполнения соответствующих валентностей. Понятие валентности служит надежным основанием при решении узловых вопросов лексики и синтаксиса монгольских языков, в частности, при классификации глаголов и образуемых ими синтаксических конструкций.

Таким образом, нами разработаны и апробированы на сопоставительном монгольско-калмыцком материале принципы представления глагольной лексики – валентностные (актантные) классы глаголов, семантические классы и подклассы, лексико-семантические группы глаголов. Все это настоятельно требует и изменения лексикографической стратегии описания языка. Поэтому дальнейшая задача – попытка презентации результатов описания моделей управления глагола в словаре нового типа, трансформационно-дистрибутивном словаре, т.е. «ословаривание» синтаксического описания. Такой словарь должен стать по сути лексикографической интерпретацией интегративной модели описания языка, основанной прежде всего на взаимодействии лексики и синтаксиса.

Привлечение данных восточных языков, в частности монгольских, как языков иного типа, представляется актуальным для расширения и углубления фактической базы при рассмотрении проблемы в общелингвистиче-

ческом плане. С другой стороны, интересно сопоставить в дальнейшем монгольский и тюркский материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
2. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 140 с.
3. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005.
4. Касевич В.Б. Труды по языкознанию: В 2 т. Т. 1. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 664 с.
5. Касевич В.Б. Типология языков и типология культур // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993; Он же. Типологические заметки // Исследования по языкознанию. К 70-летию чл.-корр. РАН А.В.Бондарко. СПб., 2001; Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
6. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
7. Санжеев Г.Д. Синтаксис монгольских языков. М., 1934.
8. Пюрбеев Г.Ц. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложения монгольских языков // Вопросы языкознания. 1984. № 4.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; Он же. О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь, грамматика, текст. М., 1996; Он же. Глагольное управление revisited // Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Pod redakcją I. Bobrowskiego i Krystyny Kowalik. Krakow, 2006; Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 52; Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
12. Ренжиглова В.Ф. Синтаксическое употребление глагола в ордосском диалекте // Автореф. дис. ...канд. фил. наук. М., 1951. 19 с.
13. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983.
14. Омакаева Э.У. Синтаксическая структура предложения и ее компоненты в монгольских языках // Вопросы филологии. 2006. Вып. 6. М.: Изд-во "Сов. писатель". 475 с. С. 213 - 221; Она же. Элементарные синтаксические конструкции в современных монгольских языках (лексико-семантический аспект) // Научная мысль Кавказа. 2006. Спецвыпуск 5. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 160 с. С. 124-129.

КАЛМЫЦКИЕ ДЕМИНУТИВЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

А.Б. Лиджиев

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 09-04-36401 а/ю.

Данная статья посвящена исследованию калмыцкого именника и анализу деминутивных аффиксов, использовавшихся в прошлом и их современное состояние в калмыцком языке.

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, калмыцкие имена, калмыцкий именник, монгольские имена.*

This article dedicated to investigation of kalmyk personal names and analyze of deminutive affix, which use in past present in kalmyk language.

Keywords: *onomastics, anthroponomis, kalmyk names, kalmyk personal names, mongol names*

Значимость имени собственного в современном контексте является важной составляющей культуры, поскольку оно в значительной мере отражает исторические и социальные процессы, происходящие в обществе. Калмыцкий антропонимикон является своеобразной летописью народа, где зафиксированы контакты и влияние соседних народов. Так, для раннего периода истории характерно то, что достаточно сложно выделить этимологию некоторых антропонимов и отделить исконно монгольские от тюркских имен, это может быть связано как с генетической общностью языков, так и с продолжительными контактами народов. Позже на калмыцкий и на весь монголоязычный антропонимикон оказало огромное влияние принятие буддизма в XVI-XVII вв., именник пополнился значительным количеством тибетских и санскритских имен. Начиная с XVIII в., у калмыков можно было встретить русские имена, что связано с христианизацией части калмыков, живших отдельно от основной массы, а в XIX в. наибольшее их количество приходилось на донских, оренбургских и терских калмыков, в систему имянаречения которых в результате длительного взаимодействия с русской культурой стали проникать христианские и русские имена. Тем не менее, русские имена были малоупотребительны, однако, начиная с первой половины XX в., в калмыцкий язык стало проникать значительное количество заимствований из русского языка. Подобная тенденция сказалась и на имянаречении, что в значительной мере связано с началом исторических и социальных перемен, произошедших в начале XX в. Революция породила в стране имятворчество, когда стали создаваться новые имена, отражающие эти события, идеологию, настроения и атрибутику революции [1, с. 67]. Калмыки также стали нарекать своих детей именами, отражающими новые веяния. Для

примера ниже будут даны имена, в том числе сложносокращенные: Революция, Ревмира от «революция мира», Владлен – «Владимир Ленин»; детям также давали сложные аббревиатурные имена: Вилор – «В.И. Ленин и Октябрьская революция», Ким – «Коммунистический интернационал молодежи», Мэлс – «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин» и пр. В годы великих социально-экономических преобразований стали появляться такие имена, как Гренада, Радий, Дарвин, Джугашвили и др.; по этому поводу также интересно отметить, что после участия калмыков в Отечественной войне 1812 г., по свидетельству И.А. Житецкого, появились имена Франция, Париж [цит. по: 2, с. 71]. Другой инновацией можно считать наречение по месяцу и дню недели: Юля, Майя, Августина, Октябрина, Суббота и пр., к этому ряду можно добавить имена, которые давались по месту рождения: Сибиряк, Алтай, что связано с периодом депортации калмыков. С 50-х гг. XX века отмечается значительное увеличение доли русских имен при наречении калмыцких детей, но в последние 20-30 лет отмечается изменение динамики в сторону увеличения использования национальных имен среди калмыков, что в значительной мере связано с демократизацией общественной и политической жизни.

После возвращения калмыков из Сибири открывались национальные классы, в которых обучение велось на родном языке, но после 1962 г. «руководство страны определило курс на формирование единой нации с единым языком» [3, с. 191], это повлекло значительное уменьшение количество часов преподавания национальных языков в школе за счет увеличения русского [3, с. 191-192]. Таким образом, период депортации калмыков и последовавшая затем реформа образования оказали влияние на знание калмыками русского языка. Соответственно, процессы, характерные для двуязыч-

ного социума, стали оказывать влияние на все стороны жизни этноса, в том числе и на антропониимику. Если раньше калмыки произносили русские слова, в том числе имена, с искажениями, например, имя Вася калмыки произносили как Өсэ ~ Бээсэ, Борис – Бэрс, Ерофей – Ярушкь, Алексей – Элксэ и пр. [4, с. 223], то в настоящее время иноязычные имена произносятся практически без искажений.

Данная работа посвящена рассмотрению калмыцких личных имен с уменьшительно-ласкательным значением, выраженным деминутивным аффиксом в калмыцком языке. Так, наиболее продуктивным уменьшительно-ласкательным аффиксом является –хн//–кн: Дулахн “тепленький” от дулан “тепло”; –ка – Чонка от чон “волк”, Харка от хар “черный”; –ла//–лэ – Харла от хар “черный”, Девэлэ от девэ “зеленый луг”: –аш//–эш – Эрдэш от эрднь “драгоценность”, Булгуш от Булһн “соболь”, Нараш – Нарн “солнце” [2, с. 81-84]. К этому списку также, очевидно, необходимо добавить и аффикс –жа//–жэ.

Наиболее интересным и сложным в этом отношении, вероятно, является аффикс –эш//–аш, поскольку в ряде случаев сложно установить, от какого имени произошло сокращение: Буляш от Булһн “соболь”, Делэш от Делгр “распространенный”, Уташ от Утнасн, где ут “долгий, длинный”, насн “возраст, годы, лета”, Гилэш от Гилэн (табу) “белый, светлый”, т.е. в данном случае аффикс –аш//–эш добавляется к основе первого закрытого слога. В результате сокращений первоначальная форма имени может претерпеть изменения, и в современном калмыцком языке его сокращенная или уменьшительно-ласкательная форма воспринимается как самостоятельное имя.

Другим деминутивным аффиксом является –жа//–жэ: Доожа от Дорж тиб. “алмаз”, Жижэ от Лиж тиб. (?) “день недели – среда”, Ожа – Очр от санскр. “ваджра, скипетр”.

Несмотря на то, что калмыцкие имена изучены в достаточной степени, а их изучение было и остается предметом исследования лингвистов, и в большинстве случаев этимология имен достаточно прозрачна и легко идентифицируется, происхождение некоторых антропонимов, их этимология и семантика остаются дискуссионными. Это касается употребления имен с аффиксом –жа, где семантика и этимология остается неясной, например: Дуужа (?), Ижэ (?) от Инжа “приданое”, Анжа (?) от Анжур, переименованное “Ганджур, сборник буддийских сочинений, состоящий из 108 томов” и др.

Проводя сравнительный анализ, можно отметить, что подобного рода сокращения в настоящее время практически не употребляются. Под влиянием русского языка стали появляться современные модели деминутивации калмыцких имен, где нарушается закон сингармонизма, и способы сокращения, не характерные для калмыцкого языка: Деля – Делгр, Доля – Дольган “волна”, Кема от Кермн “белка” (ср. Кеэмэ “нарядная” от ке “нарядный”), Геля – Гилэн, Ноля – Ноһала “зайчонок, родившийся весной”.

Наиболее часто используется в настоящее время аффикс –(г)а: Сага – Саглр “раскидистый, развесистый”, Жига от Жиргл “счастье, жизнь”, Чига – Чилгр “ясный, светлый”, Чага – Чагдр (от тиб. Чагнадорже, букв. “державший в руке скипетр” (имя бодхисаттвы Ваджрапани); Мега – Мергн “меткий; мудрый; искусный” (часто также сокращается как Мера), Буга – Булһн; очевидно, сюда же можно отнести такие редко встречающиеся сокращения, как Гея – Гернзл, где герл “свет”, Дея – Девэлэ “зайчонок, родившийся летом”. В качестве примера можно также привести малоупотребительный аффикс –ка, который встречается при сокращении: Дока от Дорж, Нока от Нарн.

Наиболее часто подобного рода сокращения имен используются в подростковой среде: Эня от Эрдни “драгоценность”, Бая от Баир “радость, счастье”, Байрта “радостная, счастливая” и Байн “богатая”.

Важно заметить, что до середины XX в. имена эпических богатырей и имя Чингис при наречении детей не использовали. В настоящее время такие имена и их сокращенные варианты стали обычными: Хоня от Хонһр, (иногда – Хося, Хома); Миня от Миңгән; Джана от Жанһр (в подростковой среде используется «вестернизированное» сокращение – Джон); Чина от Чингс.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время традиционные сокращения, которые использовались на протяжении веков, стали малоупотребительными и постепенно уходят в прошлое, и под влиянием русского языка в калмыцком стали использоваться иные сокращения, не характерные для калмыцкого языка. Однако, калмыцкий именник при этом остался прежним, хотя и произошло значительное его сокращение, поскольку ушли в прошлое имена, несущие “негативную” семантику, как-то: Ноха “собака”, Мухла “раб” и пр., однако он также пополнился в результате включения в его состав уменьшительно-ласкательных сокращений, табу и пр.

В этой связи, очевидно, важной является унификация написания калмыцких имен. Так, можно встретить одно имя с разным написанием, например: Бадмахалга, Бадма-Халга или Бадма-Хаалга, где бадм “лотос”, хаалh “дорога, путь”. Кроме того, актуальным является вопрос о неясных и долгих гласных [2, с. 86-95], так, очевидно, необходимо восстановить обозначение редуцированных и долгих гласных на письме, вероятно, их надо восстанавливать в первом слоге. Отмечается различное написание женских имен, например, Делгр ~ Дельгр ~ Дельгира, Саглр ~ Саглара и т.д. Это продиктовано тем обстоятельством, что под влиянием русской модели женского имени добавляется в конце имени гласная в калмыцком языке, например, Байр – мужское имя, а Баира – женское; Алтан – мужское, Алтана – женское и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что,

к сожалению, народные разговорные и сокращенные формы имен зафиксированы не полностью, что не позволяет уточнить происхождение некоторых имен и фамилий, лексико-семантическая идентификация которых в настоящее время затруднена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Имя через века и страны. Москва: Наука, 1990. 192 с.
2. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена: семантика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 224 с.
3. Сартикова Е.В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX в. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 407 с.
4. Павлов Д.А. Фонетическое основание заимствований в калмыцком языке // Павлов Д.А. Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Элиста: Калм. госуниверситет, 1994. 270 с.

ЛЕКСИКА, ОТРАЖАЮЩАЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА, В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ЭРЕНДЖЕНОВА

Н. Ч. Очирова

Лексический материал произведений К. Эрендженова, связанный с кочевым образом жизни и бытом калмыков, представляет собой огромный пласт специфической терминологии, который в целом является источником пополнения калмыцкой лексикографии.

Ключевые слова: лексика, терминология, лексикография, архаизмы, традиционный быт.

The lexical material of K. Erenjenov creation is connected with a nomadic way of life and a life of Kalmyks. It represents a huge part of specific terminology which is a source of replenishment of a Kalmyk lexicography.

Keywords: lexicon, terminology, lexicography, the archaisms, traditional life.

Литературный текст может быть в различной мере насыщен профессионально-терминологической (специальной) лексикой: от единичного до целого пласта. Термины – это официально принятые специальные слова, выражающие понятия той или иной профессиональной деятельности человека.

У истоков создания терминологии калмыцкого литературного языка стояли Ц.-Д. Номинханов [1, 2], И.К. Илишкин [3], Д.А. Павлов [4] и др. Номадной лексике посвятил свое исследование Э.Ч. Бардаев [5], географическим терминам, терминам рыбного хозяйства, народного образования - В.Э. Очир-Гаряев [6, 7, 8]. В современном калмыцком языке термины из области общественно-политической, научно-технической, хозяйственно-бытовой сфер жизни изучали Ц.К. Корсункиев [9], Г.Ц. Пюрбеев [10], С.Е. Бачаева [11], Б.Б. Манджикова [12] и др.

В диссертационном исследовании Э.Ч. Бардаева в сравнительно-историческом плане была изучена номадная лексика монгольских народов (названия домашних животных по полу, возрасту и масти), которая в полной мере вобрала в себя всю скотоводческую терминологию. До этого скотоводческая лексика монгольских народов не была предметом специального исследования. В 1996 г. вышел первый в калмыцкой лексикографии толковый словарь традиционного быта калмыков Г.Ц. Пюрбеева, в котором нашла истолкование профессиональная лексика, отражающая различные стороны хозяйственной деятельности и традиционного быта калмыков [13].

В своих художественных произведениях К. Эрендженов показывает нам события 20-х годов прошлого столетия, когда жизнь степняка-калмыка была неотрывно связана с разведением традиционных четырех видов

домашних животных: лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов и овец. Писатель широко использует лексику, отражающую кочевой образ жизни, быт и культуру калмыков [14,15,16]. Благодаря этому нам удалось выделить следующие лексико-семантические группы:

1. лексика, обозначающая материальные предметы скотоводческого быта (средства передвижения, упряжь и т.д.): тергн «телега»; мөрн тергн «телега, запряженная лошастью»; цар тергн «телега, запряженная волом»; тергнэ ярндг «полок телеги»; тергнэ дерндг «облучок телеги»; төгэ «колесо»; царин ярм «ярмо для волов»; бурнтг «повод (поводок для верблюда, который привязывается к носовому кольцу или палочке); бууль кольцо или палочка (продернутые через носовую перегородку верблюда, за которые укрепляются поводья); уурһ «укрюк»; маля «плеть, плетка, нагайка»; ташмг «бич»; ташмгин сур «ремень бича»; шилвур «кнут»; аратнӳг «нагайка»; худрһч «подхвостник (у лошади)»; омрувч «нагрудник (у лошади); немнэ «накидка, покрывало; попона»; делтр «подпотник (войлок, который кладется на спину коня под подседельник)»; арһмж «аркан, лассо; веревка»; цалм «аркан, лассо»; аратнӳг «арапник, бич из воловьей кожи»; дүрәвч «ремень, веревка, надеваемые на шею животного (для привязи)»; эмәл-хазар «сбруя для верховой езды»; цулвур «повод, чембур», жола «вожжи, повод»; хазар «уздечка»; ууд «удила»; ногт «недоуздок»; олнцг «тебеньки (седельные)»; зел «протянутая длинная веревка (для привязывания телят и жеребят)»; эмәл «седло»; эмәлин жовун «чепрак»; эмәлин һанзһ «тороки (седла)», бүүрг «луки (седла)»; дөрә «стремля»; ногт «недоуздок»; олц «передняя подпруга»; туша «путы»; чөдр «путы, треножник»;

2. лексика, связанная с общими понятиями животноводства: мал-адусн «скотина, домашнее животное»; бод мал (үкр, мөрн, темән) «крупный рогатый скот (коровы, лошади, верблюды); бог мал (хөн, яман) «мелкий скот (овцы, козы); бодарин мал «животное, полученное взамен украденного или убитого»; делнгтә мал «животное, которое должно отелиться или окотиться»; земсг «послед животных»; сетрә мал «жертвенный, посвященный духам скот»; бәрцин мал «скот для преподношения духовному лицу, для жертвоприношения хурулу»; малын зүсн «масть животных»; белчр «выпас, пастбищные места»; идг «подножный корм (для скота)»; кевтр «место лежки (для скота)»; хаша-хаац «помещение для скота»; төл авх «получение приплода»; и т.д.

2.1. лексика, связанная с разведением крупного рогатого скота: дөр (төөлг) «волосяное кольцо (продеваемое в носовой хрящ быка, верблюда)»; үкр «корова»; бүрү «бычок в возрасте от одного до двух лет»; туһл «теленочек, хунжн «корова в возрасте от двух до трех лет»; бух «бык»; суврха үкр «яловая корова»; гурт «стадо»; цар «вол»; хунн цар «трехлетний вол»; туһлта үкр «корова с теленком» и т.д.

2.2. лексика коневодства: адун «табун, косяк лошадей»; ажрһ «трехгодовалый жеребец»; агт, күлг «рысак, скакун»; гүн, бәэсн «трехлетняя кобылица»; дааһн «двухгодовалый жеребенок»; мөрнә хурдн жора «быстрая иноходь»; мөрнә инцхэлһн «ржание лошади»; кер мөрн «конь гнедой масти»; алг мөрн «пестрая лошадь»; мөр урлдан «бега, скачки»; татдг мөрн «упряжная лошадь»; ундг мөрн «верховая лошадь»; уһнн «жеребенок (до года)»; угтулын урлдан «скачки, устраиваемые при приближении свадебного поезда к хотону жениха (национальный свадебный обряд калмыков)»; цуурдлһн, инцхэлһн «протяжное ржание»; шаргчн «соловая (о масти кобылицы или верблюдицы); эмәлтә мөрн «оседланный конь» и т.д.

2.3. лексика верблюдоводства: атн «кастрированный верблюд»; ацана темән «вьючный верблюд»; бәркрдг, оркрдг темән «верблюд, издающий сильный, истошный рев»; ботхн «верблюжонок (годовалый)»; нилх ботхн әәмтхә болн эрк «новорожденный верблюжонок бывает пугливым и нежным»; төөрүхә «верблюжонок (ласкательное определение)»; бөкн «горб (у верблюда)»; нег бөктә темән «одногогорбый верблюд, драмадер»; хойр бөктә темән «двугорбый

верблюд»; буур «верблюд-производитель»; хунн буур «трехгодовалый верблюд-самец»; темәнә зогдр «верблюжья грива, загривок»; ингн «верблюдица (в возрасте старше пяти лет)»; өг «подстилка (кошма) для верховой езды на верблюде»; шар ингн «рыжая верблюдица»; севсн «жвачка, плевок (верблюда)»; темәнә ноосн «верблюжья шерсть»; теңнәтә темән «навьюченный верблюд»; торм «верблюжонок двух лет»; темәнә тошлһн «быстрая рысь верблюда» и т.д.

2.4. лексика овцеводства и козоводства: хөн «овца»; хөөнә дал «баранья лопатка»; хөөнә ноосна зунһг «овечий жиропот»; зусг «двухгодовалый (об овцах, козах)»; ирг «кастрированный баран, валух»; мәәллһн «блеяние (об овцах, козах)»; нәәднр хөд «овцематки»; сагсг нооста хурһн «ягненок с длинной, пушистой шерстью»; сетр хурһн «жертвенный, освященный ягненок»; төлг «годовалый ягненок»; хөөнә, ямана хорһсн «овечий, козий помет»; хуц «баран-производитель»; хальмг хөн «овца калмыцкой породы (с курдюком и длинной, густой шерстью)»; зусг яман «коза (в возрасте двух лет)»; ишк «козленок»; серк «козел»; тек «козел (не кастрированный)»; ямана бул «козий пух» и т.д.

3. лексика, обозначающая предметы домашнего хозяйства калмыков:

3.1. жилище, постройки, сооружения и их части: бүүр «кочевье, стоянка, стойбище»; зуух «яма для разведения огня, глинобитный очаг»; һулмг «домашний очаг»; гер «кибитка, юрта»; жолм «жоломейка (без решетчатых стен)»; ишкә гер «войлочная кибитка»; өрк «дымник, дымоход»; герин бүслүр «веревка, опоясывающая юрту»; деевр ишкә «войлочное покрывало (верхней части юрты)»; харац «деревянный круг (для дымового отверстия)»; хошлң «широкая тканная тесьма (для опоясывания верхней части кибитки)»; деглө «кибитка (без верхнего круга и дымника)»; уһнн «унина, жердь (которой поддерживается верхний круг юрты)»; терм «стенная решетка (кибитки)»; герин ирг «низ внутренней стены юрты»; үүдн «дверь»; үүднә эркн «порог двери»; зүн эркн, барун эркн «правая и левая сторона порога», деевр «войлочное покрывало верхней части кибитки»; тотх «притолока»; туурһ «нижнее покрывало верхней части кибитки из кошмы»; худг «колодец»

3.2. предметы быта (посуда, инструменты и т.д.):

арһсн «кизьяк»; ташмур «кизьяк-лепка»; арсн «шкура; кожа; мех»; деесн «веревка»;

шидмсн «бечевка»; сур «кожаная веревка, ремешок»; тулм «кожаный мешок (например, для хранения муки)»; уут «кожаный мешок, куль (для хранения домашних животных)»; түнгрцг «кошелек; бумажник; кисет»; даальнг «переметная кожаная сумка»; дорва «торба»; девскр «кошма для постели»; ширдг «стеганный войлок»; кевс «ковер»; түнтг «продолговатая подушка»; авдр «сундук»; ширэ «столлик»; модн тэвц, таг «деревянная полка»; ханз «курительная трубка»; шигшлүр «очиститель курительной трубки»; агч ааһ «кленовая чашка»; наальңш сав «неглубокая, с широкими краями посуда»; хээн «котел»; цөгц «чашечка, чарка»; шаңһ «половник, поварешка»; зүн «иголка»; хурвч «наперсток»; шөвг «шило»; хатхмр зег «вышитые узоры, орнамент»; ноосн түүдг «клубок шерсти»; иг «веретено»; тулһ «тренога (для котла)»; бөрв «кожаная фляга»; бортх «кожаный сосуд, кожаная фляга (для молочной водки)»; чигэнэ бүлүр «кумысная мутовка, мешалка»; балг «широкий плоский нож»; утх «нож»; сүк «топор»; күрз «лопата»; тонһрг «перочинный нож»; хээч «ножницы»

4. лексика, связанная с названиями национальных блюд, напитков: аадмг «кислая творожная масса (получаемая при процеживании бозо после перегонки молочной водки)»; арз «арза (крепкая молочная водка двойной перегонки)»; хальмг эрк, чаһр «арак, молочная водка, вино»; булмг «булмак, саламата (национальное кушанье калмыков – мука, смешанная с маслом, салом)»; боз «бозо (гуща, остающаяся после перегонки молочной водки)»; боорцг «борцоки (разные по форме изделия из теста, которые жарятся в кипящем масле или жиру)»; будан «затируха, мучной суп»; борц махн «вяленое мясо»; бүклэр чансн махн «мясо, сваренное большими кусками»; һалд булсн һүйр «лепешка, запеченная в золе»; хөөрмг, чигэн «кумыс»; дотр «дотур, калмыцкое национальное блюдо (готовится из бараньих внутренностей)»; давслсн керсц «засоленная грудинка»; утлдг (хальмг) цэ «кирпичный (прессованный) чай»; цэһин шар «чайный осадок»; жомба «джомба (сваренный калмыцкий чай с молоком, маслом, солью)»; цаһан идэн «молочная пища, молочные продукты»; күр «мясо в собственном соку»; өөкн «сало; жировой, сальный покров»; хорһн «топленный жир»; өрм «сливки, сметана»; тосн «сливочное масло»; шар тосн «топленое масло»; тарг «род простокваши»; шүүрмг «сушеный творог»; шуурмг «шкварки»; хот-хол «продук-

ты питания, продовольствие»; ээдмг «блюдо, которое готовится смешиванием бозо с теплым молоком» и т.д.

5. лексика, связанная с национальной одеждой, украшениями: альчур «платок»; берз «верхнее женское платье (впереди открытое с длинными рукавами)»; бииз «верхнее платье (с выемкой под мышками и разрезными рукавами)»; шиврлг «чехол для кос (у замужней женщины-калмычки)»; токуг «серебряная подвеска (украшение для кос)»; билцг «кольцо, перстень»; сиик «серьги»; боршмг «сыромятные лапти»; арсар уйсн һосн «кожаные сапоги»; булһар һосн «юфтовые сапоги»; һосн-башмг «обувь»; бүшмүд «бешмет (калмыцкий мужской халат)»; дах «доха из жеребьячьей шкуры»; девл «овчинная шуба, тулуп»; үч «доха»; илгн шалвр «штаны из невыделанной шкуры»; шалврин шунһрцг «штанина»; хадг «платок, шарф (который преподносится гостю в знак особого уважения)»; хувц-хунр «одежда»; жилэтк «жилет»; күлт «пальто, тужурка»; өрмг (цеггэ өрмг) «армяк (шинель)»; цугла (орац) «портянки» и т.д.

В связи с социально-экономическими событиями в истории нашего народа в XX в. произошли коренные изменения во многих областях жизни. Эти изменения не могли не отразиться и на лексике национального языка. Наряду с появлением неологизмов, немало слов из активного словарного запаса перешло в пассивный словарь. Таким образом, лексический материал произведений писателя, связанный с кочевым образом жизни и бытом калмыков, представляет собой огромный пласт специфической терминологии, который в целом является источником пополнения калмыцкой лексикографии. Эта лексика на сегодняшний день входит в разряд устаревших слов. Тем не менее, выход архаичных слов из активного словарного состава не ведет к обеднению языка. Утрата слов постоянно и непрерывно компенсируется приливом новых лексических средств, выражающих новые понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Номинханов Ц.-Д. О терминологии калмыцкого литературного языка // IV конференция языкового строительства Калмыкии. Элиста, 1935.
2. Номинханов Ц.-Д. Развитие калмыцкого литературного языка и письменности в советскую эпоху // Ученые записки. Вып. 7. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 31-33.

3. Илишкин И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке // Записки. Выпуск I. КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. С. 153-161.
4. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968.
5. Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти). Автореф. дисс... канд. филол. наук / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1976. 25 с.
6. Очир-Гаряев В.Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (агронмия). Элиста, 1990.
7. Очир-Гаряев В.Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь (рыбное хозяйство). Элиста: Калм. кн.изд-во, 1995.
8. Очир-Гаряев В.Э. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь. Народное образование. Элиста: Калм. кн.изд-во, 1995.
9. Корсункиев Ц.К. Калмыцко-русский и русско-калмыцкий терминологический словарь. Медицина. Элиста, 1992.
10. Пүрбән Г.Ц. Хальмгудын заншалта бээцин тээлвр толь. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элст: АПП «Джангар», 1996.
11. Бачаева С.Е. Общественно-политическая лексика монгольских языков. Автореф. дис... канд. филолог. наук. Элиста, 2004. 21. с.
12. Манджикова Б.Б. Хальмг-орс терминологическ толь урһлмудын болн мал-адусна нерэдһн) Калмыцко-русский терминологический словарь (флора и фауна). Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2007.
13. Пүрбән Г.Ц. Указ.соч.
14. Эрнжәнә К. һалан хадһл. 1-гч дегтр. Элст: Хальмг Госиздат, 1963.
15. Эрнжәнә К. һалан хадһл. 2-гч дегтр. Элст: Хальмг Госиздат, 1965.
16. Эрнжәнә К. Аңһучин көвүн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ Д. НАСУНОВА

Д.Ю. Зумаева

Статья посвящена анализу поэтических произведений Д. Насунова в аспекте отражения самобытного своеобразия его творчества, проявляющегося в тематическом материале, обусловленном культурой калмыков, их традициями и обычаями.

Ключевые слова: национальное своеобразие, культура, традиции, обряды, обычаи, специфика мышления, национальная идентичность.

The article is devoted to analyses of D. Nasunov's poetics in the aspect of reflecting the national peculiarity his creative work. It is displayed in the thematic materials conditioned by the Kalmyk culture, its customs and traditions.

Keywords: national peculiarity, culture, traditions, customs, specific features of mentality.

Д.И. Насунов – яркий представитель творческой интеллигенции 70-х годов XX в. Его поэзия отличается необыкновенной силой искренности, возвышенностью, лирической исповедальностью. Национальное своеобразие его творчества просматривается в использовании традиционной народно-образной символики – образов степи, коня, верблюда, сайгака и т.д., являющихся внешним, материальным миром вещей, окружавших степняка-калмыка и формировавших его художественное сознание, мышление. Поэт мыслит этими категориями, выражает через них целостность кочевого время-пространства, специфику мышления родного народа, отражая свое отношение к жизни. Каждый основополагающий образ несет определенную смысловую нагрузку. Так, например, степь для калмыка, в понимании автора, – родной дом, и потому в его стихах она является сакральным местом, где лирический герой обретает покой, полноту жизни, гармонию с окружающим миром. Образы полыни, тюльпана также традиционно ассоциируются с малой родиной. Лирическому герою Насунова присуще пантеистическое желание слиться с природой, составляющее основу содержания многих стихотворений автора («Запах полыни», «А Маныч манит здешних и нездешних», «Тишина», «Вдали ворчит рыдает Маныч...» и многие другие).

Самобытное своеобразие творчества Насунова видится также и в тематическом материале, обусловленном культурой калмыков, их обычаями, традиционной системой взглядов, что отображает калмыцкую национальную словесно-художественную картину мира. Так, в «Балладе о покинутом верблюжонке» проникновенно, с любовью к народным обрядам старины, говорится о принятии верблюдицей своего детеныша. Иногда мать-верблюдица от-

казывалась принять рожденного верблюжонка. Страдания маленького верблюжонка воспринимались людьми как истинная драма:

«Проклятая верблюдица! Что делать?
Как верблюжонку малому помочь? [1, с. 33]

Лишь «бабки» «наивные, как дети» и в то же время «мудрые», находят особый способ воздействия на верблюдицу: исполняемая ими грустная песня-плач, вбирающая в себя «печаль столетий целых», трогала за сердце и душу мать-верблюдицу, и она подпускала к себе маленького:

Верблюдицу журили до рассвета
Печальной песней, сложенной давно...
Верблюдица внимала ей послушно,
Застыла, сострадания полна.
Я не был там, но верю тем старушкам,
Что видели, как плакала она [1, с. 34].

Как отмечает народный поэт К. Эренджен, «грустную колыбельную» песню степняки исполняли почти до самого утра. Только к рассвету верблюдица, глубоко вздохнув, с крупными слезами на глазах и дрожа всем телом, подходила к верблюжонку. В это время молодые люди поднимали его и подносили к вымени матери... Верблюдица, приняв родного верблюжонка и накормив его, уходила с ним в степь» [2, с. 29].

По случаю принятия верблюдицей своего детеныша люди устраивали в хотонах своеобразный праздник, веселились от души. Об этом следующие строки:

Помчалась весть по улицам селенья:
«Верблюдица взяла свое дитя!
Дед на дороге замер удивленно.
Бегут мальчишки резвые, пыля,
Бегут, бегут по улицам хотона:
«Верблюдица взяла свое дитя!» [1, с. 33]

Опираясь на традиции устного народного творчества, Д. Насунов создает произведения, отличающиеся неповторимой национальной самобытностью, проникает в народную фольклорную стихию, отражая при этом вековые традиции монгольских народов.

В стихотворении «Стал обычай веселой игрой...» поэт упоминает один из элементов свадебного обряда калмыков, в частности, выезд свадебного поезда, увоз невесты и ее приданого:

Стал обычай веселой игрой,
Ну а раньше он был не таков –
После свадьбы сквозь палочный строй
Прогоняли хотонцы сватов [1, с. 42].

Под выражением «палочный строй» подразумевается обряд увоза невесты с приданым. По обычаю, когда представители стороны жениха выносит ее вещи из дома, присутствующие родственники невесты осыпали их ударами. «Чтобы как-нибудь защитить себя от этих немилосердных ударов, гости укутывались в выносимые вещи и бегом направлялись в то место, где их складывали. Иногда ни один мужчина не соглашался еще раз войти в кибитку и вынести оттуда вещи» [3, с. 37]. В современной свадьбе этот обряд в значительной мере трансформировался и принял символический характер: родственники невесты ограничиваются лишь хлопками по спине (руками или полотенцем), что и отмечено в стихотворении:

Вот невесту из дома везут,
И легко жениховой родне –
Их, как раньше хотонцы не бьют –
Провожают хлопком по спине [1, с. 42].

Монгольские народы относились к огню как к очищающей стихии и как к связующему звену между миром людей и верхним миром. Более того, они поклонялись хозяйке огня, совершая жертвоприношения, в том числе молочными продуктами. По обычаю, перед уходом с места стоянки степняки разжигали в двух местах костры, через которые проходили сами, а затем прогоняли скот. Этот обряд проводился с целью очищения от действий зловредных духов, преодоления негативных последствий и намерений:

Уходили калмыки с надеждой,
Что наступит иная пора.
Перед новой кочевкой, как прежде,
Зажигали в степи два костра.
Меж кострами вели караваны,
В пламя гневное сыпали соль... [1, с. 20]

Существовала вера в то, что совершение обряда очищения огнем предотвращает за собой беды и невзгоды:

Чтоб не ныли душевные раны,
Чтоб остались здесь горе и боль,
Чтоб не шла за кочевьем холера,
Чтоб не мерла в пути голытьба,
И молились, чтоб полною мерой,
Оделила их счастьем судьба [1, с. 20].

Кочевники произносили слова молитвы, добавляли соль в костер, и возникающий при этом треск, означал подавление злых духов и их козней. Используемый в стихотворении прием анафоры усиливает эмоциональную составляющую.

Творчески переосмысляя народные традиции и обычаи, автор проникает в национальное сознание, культуру своего народа, давая читателю глубже понять его воззрения, духовные ценности, воспроизводит атмосферу жизни калмыцкого этноса.

В культуре кочевников важное место в национальном рационе и обрядах занимает молочный чай. «Джомба» – один из видов сакральной, «белой» пищи, приготовленный особым образом, с добавлением масла, соли, мускатного ореха, – излюбленный напиток степняка, придающий человеку силы, бодрость духа, согревающий в холод и утоляющий жажду в знойную жару. Много прекрасных слов, посвященных чаю, можно найти в пословицах и поговорках, в сказках, в героическом эпосе «Джангар», а также в произведениях калмыцких поэтов и писателей. Так, в одной из пословиц говорится: «Чай, хоть жидкий, – начало всех блюд. Бумага, хоть и тонкая, – начало науки и учения».

С чаем связаны определенные нормы этикета: первая пиала с чаем, в знак почтения и уважения, подается старшему. В произведении «Чай» Д. Насунова есть строки, в которых акцентируется коммуникативная, диалогическая функция данного напитка, объединяющая людей, помогающая общению и взаимопониманию:

Я гостю выношу его навстречу,
Чай служит украшением стола...
И хан бывал намного человечней,
Когда ладони грела пиала... [1, с. 10]

В творчестве калмыцкого поэта тема чая как национального символа появляется также в свете осмысления трагедии депортации калмыков. В стихотворении «Дядя Федя» го-

ворится о значении чая для степняка:

И понимал я бабушкину грусть,
В тот миг припомнив сказанное ею:
«Без хлеба я неделю продержусь,
А вот без чая столько не сумею.
А чай входил, он был уже в сенях,
И дядя Федя вырос у порога:
«Я чай принес. Я был вчера в Ложках,
Но, правда, чай надпиленный немного
[1, с. 10].

Через метафорическое выражение «А чай входил, он был уже в сенях» вводится еще один герой – сибиряк дядя Федя, который, отдав свой паек и «калоши новые впридачу», привозит друзьям-калмыкам подарок – брикет настоящего плиточного чая:

И он о том ни слова не сказал,
Со всеми нами радуясь удаче,
Что свой паек на чай он обменял,
Отдав калоши новые впридачу [1, с. 10]

На чужбине, в далекой Сибири, чай для калмыка – это символ не только дружбы народов, но и горячей, неистребимой любви к малой родине, которая ассоциируется с запахами родной степи, кизячного дыма и, конечно, полыни:

Тот чай калмыцкий, купленный в Ложках,
Был, словно дождь негаданный в пустыне,
Он солнцем грел, и степью он пропах
Кизячным дымом, запахом полыни
[1, с.10].

Существовал в степи древний обычай, согласно которому появление любого гостя в кибитке сопровождалось варкой молочного чая, поскольку «чай всему начало», и только

после угощения начиналось общение. Именно об этой традиции, бережно сохранявшейся калмыками в тяжелый период ссылки говорится в данном стихотворении:

Обычай древний бережно храня,
Мы созываем всех своих соседей,
А чуть в сторонке, греясь у огня,
Глядел на нас усталый дядя Федя
[1, с. 10].

Повтор этих строк с изменением второй строки («делили чай ножовкою соседи») в конце стихотворения не случаен, он дает возможность акцентировать такие качества, как доброта, гостеприимность, щедрость, чувство взаимопомощи.

Анализ стихотворений Д. Насунова показывает, что истоки его поэтического дарования формируются на национальной основе, что является следствием не только глубоко развитого национального самосознания, но и отражением стремления выразить свою идентичность через нравственно-эстетический опыт калмыцкого народа, через знание его истории, культуры и психологии. Средствами русского языка поэт смог выразить внутреннее состояние этноса, все то, что генетически заложено в его памяти, отображая при этом общечеловеческие идеи и ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насунов Д.И. Тамариск: Стихи / Сост. Д.Б. Пюрвеев. М., 1982.
2. Эрендженов К.Э. Золотой родник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990.
3. Душан У.Д. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста, 1976.

МОТИВ ПИРА В СТРУКТУРЕ ЭПИЧЕСКОГО СЮЖЕТА (на примере синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»)

Ц.Б. Селеева

Статья посвящена детальному рассмотрению семантики разновидностей эпического мотива пира: «свадебного пира», «пира в зачине», «пира в ставке антагониста», «пира в финале».

Ключевые слова: эпос «Джангар», мотив пира, структура эпического сюжета, семантика.

The paper is dedicated to the detail analysis of the semantics of different types of feast motive in structure of epic subject: the bridal feast, feast in initiation, feast in enemy palace, feast in final.

Keywords: epos "Janggar", the feast motive, structure of epic subject, semantics.

Выражение коллективной радости в фольклоре наиболее полно проявляется в мотиве пира. Исключительная продуктивность данного мотива наблюдается в сказке и эпосе.

Функционально мотив пира традиционно относится к финальной части структуры сказочного сюжета. Чаще всего это «свадебный пир» или брачная трапеза. Акт еды, трапеза, в представлении древнего человека была связана не просто с утолением голода и жажды, но и ритуалом, маркирующим соединение лиц противоположного пола [1, с. 56].

Основная функция финальных формул в волшебной сказке заключается в перенесении слушателей в мир действительности. С помощью легкой иронии, шуточного, пародийного тона финальная формула разрушает сказочный мир [2, с. 87]. Формульная реализация мотива пира может быть различной ср.:

рус. И я там был. Даже и хоровод водил...;

рус. И я там был, и пил, и ел, и плясал;

рум. Ну, оставил я их там, на великом пиру, а сам сюда пришел и вам сказку рассказал;

рус. На тех пирах и я бывал, мед-вино пивал: сколько ни пил – только усы обмочил;

калм. Боса күүнэ бөрвцэ, сууһа күүнэ сууца хүрм-гиич кеһэд, нэр-наад кеһэд, амрад, жирһэд бээв. «Устроив большой пир (стоящему человеку по колено, сидящему человеку по подмышки), в счастье и радости пребывали».

Можно предположить, что с едой связано представление о преодолении смерти, об обновлении жизни, о воскресении. Отсюда и древние «пиры бессмертия», дающие избавление от смерти и вечную молодость [3, с. 64].

В эпической картине мира функция «пира» является гармонизирующей основой «военной» доминанты и относится к «героическому быту». Оппозиция «пир-сражение» отражает противопоставление устойчивости миропорядка конфликту и нарушению гармонии

в нем. В этом случае совместное поглощение пищи и напитков имело в сознании людей глубокий общественный, религиозный и моральный смысл.

Кроме того, эпическое пиршество – это и одно из важнейших средств социального общения, и ритуальное действие, обеспечивающее благополучие рода, племени или союза племени [4, с. 168].

Структура и семантика мотива пира детально рассматривались на примере русского былинного эпоса в работах П.Д. Ухова [5], Р.С. Липеца [6], на примере англосаксонского эпоса Е.А. Мельниковой [7].

Рассмотрим подробнее реализацию мотива пира в эпосе «Джангар» на материале синьцзян-ойратской и калмыцкой версий.

Мотив пира в структуре эпического сюжета традиционно реализуется в зачине и в финале песни. Иногда данный мотив дается в медиальной части – «присутствие богатыря на пиру в ставке антагониста». Последний вариант подразумевает исключение вариантов «присутствия на пиру в ставке Джангара» или «в ставке антагониста», здесь имеются в виду нейтральные варианты - «присутствие богатыря на пиру в гостях у союзника (в ставке другого богатыря или хана)».

В главах, посвященных «богатырскому сватовству героя», возможен близкий сказочному вариант «свадебного пира».

Так, в развязке сюжета «Главы о женитьбе Салькин-Таваг-богатыря» (сказитель Дарама) пир дан дважды – «свадебный пир у тестя» в ставке Торгон Джолы хана в честь победителя (Салькн Таваг богатыря) и «пир в ставке Джангара» после возвращения богатыря (Салькн Тавага) с невестой домой.

По всей вероятности, «свадебный пир у тестя» является отражением древнего ритуала, когда общность еды создает общность рода. Только члены семьи или рода могут участвовать в трапезе. Если чужеземцу разрешается

принимать участие, то этим он принимается в род или становится под его защиту. Здесь мы имеем категорию брачных обрядов, включающих совместную еду, что является отражением форм ритуальной трапезы, связанных со вступлением в брак и с пребыванием в ином мире [8, с. 277.]

Таким образом, разработка в эпосе мотива «свадебного пира» присуща главам архаической формации, которые посвящены теме «богатырского сватовства».

Кроме «свадебного пира», особое функциональное значение в структуре эпического сюжета отводится «пиру в зачине». Так, на пиру устанавливается, закрепляется и поддерживается героический миропорядок со своей социальной структурой и иерархией. Во время пира проявляются моменты, которые позднее дадут толчок развитию действия эпического сюжета.

В «Главе о женитьбе Салькин-Таваг-богатыря» (сказитель Дарама) пир традиционно включен в экспозиционную часть сюжета. Детально он представлен следующим образом: пир в ставке Джангара // высказывание Алтана Цеджи; высказывание Салькин Таваг богатыря; высказывание Мингияна; изложение Салькин Тавагом намерения посетить другие державы, взяв с собой Хонгора.

В сопоставительном плане привлекается аналогичный эпизод из «Главы о победе Джангара над мангасовым Уту-Цаганом» малодербетовской версии. Зачин включает «пир в ставке Джангара» // речь захмелевшего богатыря (Хонгора) на пиру, обращенная к Алтану-Цеджи («найдется ли кто на земле сильнее Хонгора, быстрее Кеке Галзана»); сообщение вести богатырем (Алтаном-Чээджи) об антагонисте («о приближении Шара-Бирмена посланца Уту-Цагана»); клятва антагониста; реакция Хонгора на послание антагониста; богатырское распивание арзы.

Данные варианты «мотива пира» маркируются в плане выделения главных героев – Салькин Таваг богатыря и Хонгора соответственно, а также подчеркивают одно из основных значений «пира» в зачине – «совета».

Так, «пир-совет» восходит к древнему «племенному совету», а затем переходящему в позднее «общение хана с воинами и сайдами». Аналогичные по смыслу термины, обозначающие пир, в смысле собрание, в мужских объединениях Средней Азии XIX в. отражают одну из характерных сторон этих собраний, на которых широко обсуждались насущные вопросы общины – хозяйственные, военные, бытовые [9].

В эпосе «пиру в зачине» противопоставлен «пир в ставке антагониста». Мир антагониста по своей природе асоциален, поэтому функция «пира в ставке антагониста» есть не установление общественных отношений, а, напротив, их разрушение, не поддержание и закрепление гармоничного миропорядка, а его попираание и уничтожение.

Так, в главе малодербетовской версии «Джангара» «О победе Джангара над мангасовым Уту-Цаганом» вступление в локус антагониста и нахождение в нем включают традиционный мотив «пира в ставке антагониста», состоящий из следующих эпизодов: прибытия богатырей (Хонгора и Савара) в стан антагониста (Уту-Цагана); пребывания богатыря (Хонгора) на пире в ставке антагониста; угощения арзой Хонгора (Уту-Цаган дает распоряжение угостить Хонгора арзой и спросить о цели его приезда); сообщения богатыря (Хонгора) антагонисту (Уту-Цагану) о цели приезда; реакции антагониста (Уту-Цагана) на сказанное богатырем (Уту-Цаган просит три дня для ответа). Аналогичный по типу сюжет встречаем в главе сказителя Ээлян Овла «О богатыре Строгом Санале Смуглолицом», когда Санал, прибыв в ставку антагониста, незамеченным пирует в течение сорока девяти дней и только потом сообщает антагонисту о цели приезда.

Мотив ультиматума требует соблюдения определенных четких условий и табу. В рассматриваемой главе антагонист, выслушав ультиматум от чужеземцев, не расправляется с ними, а требует срока в три дня для обдумывания ответа.

«Табу на расправу с послом» встречаем и в главах других калмыцких сказителей. В главе сказителя Ээлян Овла «О Санале Смуглолицом» встречается аналогичный эпизод, когда Санал в качестве посла в ставке Кюдер Зарин Зан-хана произносит ультиматум от лица Джангара. Богатырь из стана антагонистов решает расправиться с богатырем Саналом на пиру, на что Кюдер Зарин хан произносит ключевые слова: «завтра и ты будешь у чужеземцев в качестве посла передавать мои требования, то с тобой могут поступить так же, поэтому следует дослушать до конца прекрасные слова посланника».

Таким образом, при сохранении модели пира как таковой в мире антагониста все ее элементы обретают противоположный знак. И поэтическая, и социальная функции пира перевернуты, сам пир утрачивает свой основной ритуальный смысл как форма социального общения [10, с. 175]. Цепь противопоставлений

распространяется практически на все детали описания пира, как на важнейшие, непреломные для модели, так и на частные.

Так, мотив пира в структуре эпического сюжета может реализовываться дважды - в зачине и в финале, а иногда и трижды, если это еще «пир в ставке антагониста» или «свадебный пир у тестя». При этом для песен о богатырском сражении структура эпического сюжета схематически выстраивается следующим образом: пир в ставке Джангара в зачине - угроза, ультиматум антагониста или получение вести об антагонисте - пир в ставке антагониста - богатырское сражение или поединок - победоносный пир в ставке Джангара. Для песен о богатырском сватовстве выстраивается следующая схема: пир в зачине (иногда может отсутствовать, см. напр. «Главу о Хан-Сийр витязе») - поиски суженой - участие в состязании или в поединке на руку суженой - свадебный пир у тестя и свадебный пир в ставке Джангара. Таким образом, пир символизирует «мирную эпическую жизнь», а «героические сражения и поединки» - ее временное нарушение.

Из вышеуказанной схемы вырисовывается еще одна существенная особенность рассматриваемого нами «мотива пира» - это его циклическая обусловленность в структуре эпического сюжета, т.е. начальная и конечная ситуация подобны (пир в зачине и пир в финале), хотя пир в финале отличается от пира в зачине повышением статуса героя в связи с одержанной победой над антагонистом.

Для древней эпики характерно дублирование всех важнейших событий. Дубликация, по мнению Гринцера, является «структурообразующим элементом эпического сюжета» [11, с. 222]. В общем и целом принцип дубликации

может быть объяснен тем, что каждое отдельное событие проявляет сущность мира, которая заключается в единстве и равноправии противоположных сил или начал, одинаково необходимых для бытия.

Кроме того, модели героического пиршества присущ ряд обязательных элементов: локализация его во дворце правителя - центре эпического мироздания; установление и воспроизведение социальных связей, скрепляющих эпический микрокосм; последовательная ритуализация самого процесса пира при строгой этикетности и традиционности действий персонажей; функциональная закреплённость этих действий за определенными персонажами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
2. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
3. Фрейденберг О.М. Там же.
4. Мельникова Е.А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль. 1987. 203 с.
5. Ухов П.Д. Атрибуция русских былин. М.: Наука, 1970.
6. Липец Р.С. Эпос и древняя Русь. М.: Наука, 1969. 302 с.
7. Мельникова Е.А. Там же.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
9. Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7. М., 1963.
10. Мельникова Е.А. Там же.
11. Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1974.

ЭТИМОЛОГИЯ ЧИСЛА «ПЯТЬ» В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А.Э. Гармаева

Статья посвящена анализу семантики числительного пять в тюркских и монгольских языках. Автор считает возможным признать общую основу, что может быть признаком общего происхождения алтайских языков.

Ключевые слова: алтайские языки, гипотезы о происхождении, числительные, пять.

The article is devoted to the semantics analysis of the numeral five in the Turkic and the Mongolian languages. The author considers possible to recognise the general basis that can be a sign of the general origin of the Altay languages.

Keywords: the Altay languages, hypotheses about an origin, the numerals, five.

В отношении общности тюркских и монгольских языков имеются разные мнения. Одни исследователи считают, что эти языки генетически восходят к общему праязыку. Другие – что материальное сходство, т.е. известное количество общих слов и грамматических, словообразовательных и отчасти словоизменительных элементов является следствием того, что носители тюркских и монгольских языков в течение длительного времени находились в состоянии тесных контактов друг с другом, в ходе которых эти языки обменивались словами и грамматическими формами [1, с.159].

К актуальным проблемам в современном монгольском и тюркском языкознании можно отнести вопрос об исследовании названий чисел. Проблемы исследования названий чисел решаются при описании их символики, семантики и этимологии в любых языках и, несомненно, имеют общелингвистическую значимость.

Очень часто оказывается, что те или иные числа образованы от тех же основ (или корней), что и ряд других слов, причем между всеми ими в семантическом отношении иногда очень мало общего, особенно если некоторые промежуточные звенья в цепи значений утрачены. Иногда форманты, при помощи которых образованы разные формы, семантически примыкающие к тому или иному числу, неясны, так как эти образования омертвели еще в до-монгольский период и попали в праязык уже в нерасчленимом виде. Например, турецкое *âkiz* «двойни»= чувашское *jefer* «пара, чет»=монгольское *ikege* «двойни»=маньчжурское *ikiŋi* «пара» от основы **ëki*=турецкого *âki* «два», где формант турецкого –*z*= чувашского –*p*= монгольского –*ge*= маньчжурского –*ŋi* совершенно неясен. Поэтому очень часто для установления связи того или иного слова с одним из чисел монгольского языка приходится руководствоваться почти исключительно семантикой, оставляя морфологическую сторону без

объяснения, как дело совершенно безнадежное. Иногда же, основываясь на морфологическом разборе, можно совершенно неожиданно установить связь между такими семантически далекими друг от друга словами, как *yuŋi* «праправнук» и *yuŋban* «три». Сравнительно-исторический материал по числительным (приблизительно за 1200 лет) не дает ключа к правильному объяснению происхождения подавляющего большинства тюркских названий чисел [2, с. 234-235].

Таким образом, исследования монгольских и тюркских чисел, как дальше будет видно, должны привести к очень любопытным результатам. Для более подробного рассмотрения их этимологии и семантики остановимся на числе «пять».

Число «пять» в монгольской культуре проявляет себя в историко-культурном и сакрально-магическом контекстах. На пять групп подразделяется по цветовой символике употребляемая пища: белая, красная, желтая, зеленая и черная.

Как известно, пять видов скота (табан хушуу мал) разводили монголыязычные народы: коров, лошадей, овец, коз, верблюдов. Животные и люди обладают пятью органами чувств: зрением, обонянием, осязанием, слухом, вкусом. Мир состоит из пяти первоэлементов: дерево, железо (металл), огонь, земля, вода [3, с. 131–137].

Слово пять принадлежит к наиболее интересным числительным, т.к. образовано от этой же основы, от которой образовано слово «лапа». Понятно, что между «пять» и «лапа» или «рука» может существовать связь, ведь в примитивном счете, в счете по пальцам, для обозначения пятерки служит пятерня. Помимо такого чисто теоретического рассуждения, на возможность существования связи между «пять» и «рука» указывает еще сам факт употребления слова «рука» в значении «пяти» у моголов Афганистана, говорящих и по сей день по-монгольски и являющихся потомками монгольских гарнизонов,

оставленных там еще в XIII–XIV столетии. Дело в том, что из монгольских чисел моголы сохранили лишь *нікан* «один», *којѳр* «два», *ђурбѳн* «три», *дурбѳн* «четыре» и *табун* «пять», выше которых они употребляют персидские числительные (за исключением *арбѳн* «десять»), но иногда женщины и дети вместо персидских числительных употребляют особые числительные, составленные из слова «рука» и единиц:

- *Нікан ђар нікан ѳада* «одна рука и одна сверху»,
- *Нікан ђар којѳр ѳада* «одна рука и две сверху»,
- *Нікан ђар ђурбѳн ѳада* «одна рука и три сверху»,
- *Нікан ђар дурбѳн ѳада* «одна рука и четыре сверху»,

а кроме того еще *којѳр ђар* «две руки» (т.е. «десять»), *ђурбѳн ђар* «три руки» (т.е. «пятнадцать»), *дурбѳн ђар* «четыре руки» (т.е. двадцать) и *табун ђар* «пять рук» («т.е. двадцать пять»).

Интересно то, что турецкие исследователи нерешительно поднимают вопрос о том, не связано ли турецкое название «пяти» (чуваское *nilĕk ~ nillĕk*) с названием «руки» и с названием «пятидесяти» - *el-lı*. Г. Рамстедт, не ссылаясь на своих предшественников, считает возможным, хотя и с большими колебаниями, выставить ту же гипотезу, которая действительно является весьма интересной и, можно сказать, напрашивается исследователю как в отношении «пяти», так и в отношении «пятидесяти» [4, с. 65]. Таким образом, слово «рука» употребляется в значении пяти и в тюркских, и в монгольских языках.

Древнейшая форма числа «пять» - **ba:š* (<*ba-* + *-l*) связана с уйгурским *biläk*, киргизским *bilek*, татарским *bĕläk*, алтайским *belek*, что означает «предплечье». Их аффикс – *ек ~ äк* имеет уменьшительно ласкательное значение [5, с. 167-168].

По-монгольски «пять» - *tabun*, «пятьдесят» - *tabin*. Основа здесь **tab*, от которой образовано и порядковое *tabtaγar < tabtuγar* «пятый». От этой же основы **tab*, как сказано выше, образовано **tabaγ* «лапа, подошва», *tabaqaı* «лапа» (сравним из турецкого, шорского, лебединского и др. языков слово *табан* «подошва», *барабинского табац* «ладонь», *шорского табаш* «ладонь, горсть» и т.д.). Любопытно калмыцкое слово, обозначающее возраст *түлү* «пятилетний» (самец животного) и *түлүц* «пятилетняя» (самка животного), которые восходят к **tawulan* и **tawuljin*. Следует заметить, что основа **tab* имеет соответствие в манчжурском языке, сравним *tofoхон* «пятнадцать» и *tofoхото* «хороший стрелок, попадающий пятнадцать

раз подряд в цель» (> монгольское *tobqotu id*).

Проследим этимологию числа «пять» в алтайских языках. Старомонг. *tabun* «пять» монг. *тав ~ таван*, бур. *taba(η)*, халхас. *tawn*, баоан. *tawon*, дагур. *tābā(η)*, дунсян. *tawuan*, могольск. *tabun*, монгорск. *Tāwen*; др.-тюрк. *beš* «пять», алт., тув., азерб., киргиз., узбек. *беш*, хакас. *пис*, якут. *биэс*, туркмен. *бэш*, тур. *bes*, татар., башкир. *биш*, казах. *бес*, уйгур. *бэш*, шира-уйгур. *пес ~ піс*, чуваш. *пилек ~ пиллек*, тоф. *beš*, уйгур.-урянк. *beš*.

Таким образом, при рассмотрении этимологии турецкого *beš* можно сказать, что монгольское *tabun* близко по происхождению к слову *tabaš* «рука, ладонь» шорского языка, сопоставив которое монгольские ученые приняли во внимание монгольское *tabak* «подошва, ступня».

Однако, по мнению ученого М.Базаррагчаа, слово *ta-bu-n* монгольского языка имеет одно происхождение со словами *tab* «шляпка гвоздя», *тавхай* (<**ta-ba-ka-i*), *таваг*, *тавцан* [1, с. 102-103]. Дело в том, что *tab(a)-ka-i* «ступня, подошва, что-либо плоское, подставка» означает пять конечностей человека и животных, которые дают опору при их ходьбе и движении. Отсюда и произошло монгольское название.

По результатам сопоставительного анализа названия числа «пять» можно отметить, что данные языки во многом различаются, и, на первый взгляд, кажется, что они абсолютно не похожи. Но в обозначении числа «пять» есть и общие черты, общая основа. Поэтому можно сделать вывод о правильности гипотезы о существовании одного общего языка – предка алтайских языков. В процессе длительного исторического развития, когда различные группы людей, расселяясь по Земле, не имели возможности постоянно контактировать, в силу территориальной отдаленности их мест обитания, их языки эволюционировали в соответствие с исторической судьбой каждого конкретного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болд Л. Түрэг, монгол хэлний тооны нэр. Улан-Батор, 2005.
2. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005.
3. Габеева Л.Н. Числовая символика и нумерация в традиционной культуре бурят // Актуальные вопросы начального образования: Сборник статей. Улан-Удэ, 2002. Вып.4. С. 131-137.
4. Рамстедт Г.Д. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Хельсинки, 1957.
5. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков // Региональные реконструкции. М., 2002. С. 167-168.

ББК 85.103.(2) 1.Б28(Б288)

ЖИВОПИСЬ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

С.Г. Батырева

Предметом исследования является современная живопись в системе традиционной культуры. Автором рассматриваются роль и значимость творчества народного художника России Г. Рокчинского в культурном наследии народа. Исследование выявляет древние архетипы мифопоэтического мышления, претворяемые в живописных образах автора.

Ключевые слова: *традиционная культура, этнос, культурное наследие, проблема изучения, код культуры, архетип, мифопоэтическое мировоззрение.*

The subject of the scientific research is a modern painting in system of traditional culture. The author reveals the role and significance of creative work of people's artist of Russia G. Rokchinskii in the legacy of Kalmyks. The research resumes the dawn archaistic type of the miphopoetical world outlook, functioned in painted images of creator.

Keywords: *traditional culture, ethnos, research, heritage, the problem of study, the key of culture, archetype, myphopoetical world outlook.*

Искусство, неся печать общего характера культуры, изоморфно культуре, находясь в её эпицентре. Оно выполняет миссию самосознания культуры, фиксируя и определяя процесс становления культуры новой [1]. Таков историко-культурный контекст развития человечества, обусловленный в общем эволюцией культуры, и внутренними тенденциями, определяющими жизнь общества. «Бытие этноса, как и любое материальное бытие, разворачивается во времени и пространстве. Время и пространство, и категории, связанные с ними, находят свое выражение в этнической культуре» [2, с.11]. Сделанное А. Леруа-Гураном важное наблюдение – «архетипическое стремление моделировать большое пространство в малом» [3] - можно с полным основанием отнести к «этническому пространству культуры», входящему в «культурное пространство» этноса. Оно включает «взаимодействие четырех субстанций или элементов: пространства, времени, смысла и коммуникации». Каждый этнос создает «культурно конструируемые пространственные смысл и ситуацию», измеряемые «категориями и кластерами культурного пространства - конструируемой человеком пространственной среды» [4, с. 18-20]. Последняя своеобразно проецируется в искусстве изобразительном.

Творчество Гаря Рокчинского, анализируемое в традиционных взаимосвязях человека и природы, общества и культуры иллюстрирует «единство культурного процесса в самобытном инварианте его социодинамической модели» [5]. В изобразительном искусстве находят отражение характерные исторические закономерности повторения и преобразования

постоянных компонентов традиционной культуры. Художественными традициями обусловлено этническое своеобразие традиционной культуры. Здесь в обращении художника к мифологии и истории народа концентрируется национальный Космос калмыцкой культуры, одухотворяемый искусством. Целостная культурная модель мироздания воплощается в творчестве – художественных произведениях, составляющих в совокупности экологию культуры – культурную среду этноса.

В анализе произведения искусства важно выявить его параметр – «архетип», воспроизводимый по наследованию в мифологической, переходной канонической культуре и в современной культуре «воссоздания мифологического сознания» этноса. Преемственность традиций осуществляет в творчестве культурное сознание художника, «родившегося в кибитке». В репродуцировании архаического кода выстраивается новая мифологическая реальность – художественный образ. В осмыслении мира выразительными средствами искусства генерирована образная память предков, свидетельствующая о сохраняющемся традиционном начале художественной культуры. Микрокосм художника, как в капле воды, выражает культурный макрокосм кочевого народа, который, в свою очередь, являет собой часть культуры мировой, постоянно меняющейся. Поэтому визуальный художественный образ автора универсален, превращаясь в орган памяти традиционной культуры, противостоящий времени в сохранении духовного опыта поколений.

В качестве воспроизводящей архетипической единицы образной памяти, действующей

в системе традиционной культуры, необходимо рассматривать миф, как феномен духа и сознания, уникального и универсального способа человеческого мирочувствования и миропостижения [1, с. 185,200]. Трансформация иррационального мифологического мышления обуславливает реальную историю культуры, абсолютно индивидуальную в творческом прочтении Художника.

В многоаспектном исследовании «Антропология мифа» автор А.М. Лобок уподобляет традиционную культуру «...особой знаково-символической вселенной, системе семантических шифров, где миф образует сердцевину культуры, представляющей собой целостную совокупность множества культур»; рассматривает его «точкой отсчета, благодаря которой существует сам мир культурного разнообразия и этнического своеобразия культуры... Его «манифестацией» является «миф, понять его, значит понять феномен языка культуры» [6, с. 23-26], выражаемой средствами искусства. Мифологическое сознание одухотворяло творческое мышление живописца Г.О.Рокчинского, создавшего «мифостроительное искусство, не только «открывающее» миф, но и созидующее его и обеспечивающее ему развитие во времени и духовном пространстве культуры» [7, с. 487]. Его живопись начинается мифологией, ею он живет и её творит.

Наследуя мифосемантический язык культуры этноса, художник своеобразно восполняет периоды ее истории, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств не получили выражения в современной художественной культуре. Правомочно рассматривать его творческое наследие в качестве структурной архетипической единицы традиционной культуры, органично реализующей её целостность, и творческий генофонд народа. А в произведениях автора, оцениваемых исследователями «образной памятью предков», видеть самобытное явление художественного феномена этнических традиций культуры [8,с.7-8], мифологически одухотворяющих Природу. Плодотворным возвращением в ее лоно можно рассматривать жизнедеятельность художника Гаря Рокчинского.

«Время само показало исчерпанность прямолинейно-плоскостного представления об эволюции, как о подъеме по прямой. Вместе с тем отказавшись от восходящей прямой, мы часто приходим к повторению пройденного, к циклическому кружению во времени, от настоящего к прошлому, а не к будущему» [2, с. 11]. Необходимую спираль восхождения на

новые уровни мировоззрения можно видеть в творчестве. Универсально-безличная идея Природы, одухотворяющая его, создает платформу для подлинного культурного диалога [6, с. 663], дающего шанс на создание единой основы взаимного понимания носителей различных культур. Через искусство происходит общение культур, их диалог оплодотворяет творчество художника. Оно рождает его стиль - угол преломления объективной реальности в его сознании, определяющий способ её трактовки в создаваемой им художественной реальности. Живописный язык художника Г. Рокчинского самобытен, во многом представляя этнический код традиционной культуры, своеобразно трансформированный творческой индивидуальностью в процессе приобщения к мировому культурному наследию.

Анализ «искусства как этнокультурного явления» связан с термином «этнический», охватывающим все исторические формы человеческой культуры. Здесь своеобразно сочетаются: «традиционный тип художественной культуры, который со временем определяется как фольклорный пласт, идущий из глубины веков; канонический тип культуры, характерный для средневековья и динамическая, лично окрашенная художественная культура нового времени» [9, с. 41-47]. За отведенный ему отрезок жизни калмыцкий живописец осмыслил многое в мифопоэтическом выражении мира... Может быть, объемлемое им пространство второй половины XX столетия, насыщенное временем поисков, само определяет рамки жизни художника? Как последователь буддийского вероучения, он был готов к тому, что мы называем физической смертью, взаимообусловленной в причинно-следственной связи Бытия. Человеческую Жизнь он воспринимал как прекрасный дар, давший ему возможность сотворить себя в искусстве.

Жизнеутверждающе звучит его абстрактная живопись – философский концентрат последних лет деятельности. От реализма через знаковую систему традиционной культуры своего народа к импрессионистическим поискам и беспредметной живописи: такова парадигма его творческого пути. На энергетическом перекрестье художественной культуры Евразии родилось его живописное наследие, своеобразно соединившее деятельностный опыт Запада и философскую мудрость Востока. Оно наглядно иллюстрирует «диалогическую концепцию взаимоотношений художественных культур в принципе допол-

нительности двух сторон одного культурного целого, противоречивого по своей природе в создании мировой культуры» [13, с.176-180].

Творческая жизнь художника была наполнена постоянной работой над собой в многообразии современного ему художественного процесса. Образую себя в творчестве, признающем абсолютную ценность явлений культуры, он создает важнейшие условия возможности диалога в искусстве. Способность вести диалог предполагает мужество быть самим собой [6, с.672]. Себя изображает он в одной из последних своих работ – «Одиноким путнике», преодолевающим снежную бурю. В его стоицизме нашла воплощение человеческая личность художника, вобравшая и самобытно выразившая самосознание национальной художественной культуры, ее ментальность в социальных изменениях времени. В творчестве мастера трудно выделить главные или второстепенные произведения, настолько органично слиты помыслы и надежды, достижения и поиски во всем многообразии его духовного мира. Он был певцом-романтиком, историком-исследователем, новатором и первооткрывателем.

Им реконструированы древние пласты традиционного мироощущения народа в исторических метаморфозах его судьбы. Глубинное матриархальное начало воплощается в композиции образа матери-земли, выражая гармонию первобытия. Ее трансформация, исторически обусловленная появлением и развитием общества, фиксируется в живописи художника всеобъемлющей национальной картиной мира. В Джангариаде, цикле его эпических произведений, нашла живописное отображение структура сложных многогранных отношений Природы, Человека и Общества в самосознании народа. Мифопоэтические традиции одухотворяют его огромное пейзажное наследие, выливаясь в своеобразный живописный гимн Родине.

Осмысление её непростой истории в произведениях Гаря Рокчинского неразрывно связано с народом, представителем которого он всегда себя ощущал. В органичной взаимосвязи с ним автор создал его достоверный в глубинном знании запоминающийся образ. Глубоко осмыслено художником родовое ядро традиционной культуры народа в семантике взаимообусловленной цепи «род-народ-родина». Органичным продолжением её можно рассматривать животворный родник его творчества, генерирующий калмыцкую традиционную культуру. Образная память народа

– плодотворное начало его яркого мифопоэтического мироощущения в стилистическом своеобразии произведений.

Традиционное начало, преломляясь в поисках разных периодов его жизни, даёт возможность проследить становление Личности, открытой историческим новациям в мировой художественной культуре. Русская реалистическая живопись явилась основой его жизни в искусстве. Вместе с тем импрессионистические достижения запада в определенной степени обусловили появление светоносной живописи художника. Его увлечение культурным наследием предков и древней художественной цивилизацией Центральной Азии одухотворило поиски традиционной системы изображения в декоративных особенностях плоскостного письма. Его он реализует естественно и органично в процессе абстрактного формотворения последних лет, суммируя жизненный опыт бытия на исходе жизни. В ней сконцентрировано этническое время традиционной культуры в совокупности «циклического, генеалогического, линейного, спирального времени» [2, с. 11].

В этих веках есть логически взаимообусловленная связь, выражающая творческий путь художника во Времени и Пространстве этнической культуры и цивилизации в целом. В ускоренном ритме его жизни в искусстве органично выражен репродуктивный потенциал традиционной культуры, самовосполняющей на уровне творческой индивидуальности свои исторические утраты. В поле многоплановой живописи, полюсами которой надо рассматривать Восток и Запад, можно видеть интереснейший пример концентрированного стяжения времени в пространстве творческой жизни художника. Пространство и Время его полотен одухотворяет образная память народа, носителем которой он себя закономерно ощущал, продуцируя в произведениях феномен ее реконструктивной способности в историческом русле развития культуры общечеловеческой. Этим измеряется творческое наследие калмыцкого живописца Гаря Рокчинского: реалистические пейзаж или портрет, глубоко национальное в формовыражении тематическое полотно, импрессионистическое изображение цветка или абстрактные композиции, многолико выражающие символику традиционного мироощущения.

Тонкая поэтическая натура художника черпала вдохновение в красоте бытия предков и культурных достижениях мира. Найденное, бескорыстно служа искусству, он щедро пре-

творял в светоносной живописи. Сегодня её по праву рассматривают драгоценным знаком самобытной культуры народа, смеем предполагать, расширяющей Время и Пространство культуры мировой художественной.

ЛИТЕРАТУРА

1.Эткинд А.М. Искусство как самосознание культуры // Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. 272 с.

2.Арутюнов С.А. Этнография и время // IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик. 20-23 сентября 2001г. Тезисы докладов. М., 2001. 317 с.

3.Leroi-Gourhan A., Le geste et la parole, v.2 – La memoire et les rythmes, P., 1965. 158 p.

4.Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9-12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. 380 с.

5.Гуревич П.С. Философия культуры. М., Гардарики, 1994 – 265 с.

6.Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 289 с.

7.Топоров В.Н. Изобразительное искусство и мифология //Энциклопедия «Мифы народов мира», Советская энциклопедия. Под ред.С.А.Токарева, изд.2. т.1, М.,1987. 671 с.

8.Кичиков А.Ш. Образная память народа как знак культуры // Образная память народа. Библиографическое пособие. Элиста, АПП «Джангар», 1998. 52 с.

9.Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры. Л., Наука, 1987. 272 с.

10.Каган М.С., Хилтухина Е.Г. Методологические принципы изучения взаимоотношения художественных культур Запада и Востока // Искусство в системе культуры. Л., Наука, 1987. 272 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере калмыков)

Л.В. Намруева

В статье анализируются типологии этнической идентичности, предложенные рядом отечественных исследователей. Автор использует обширный материал проведенных социологических исследований, которые позволяют выявить типы этнической идентичности, характерные современным калмыкам.

Ключевые слова: *этническая идентичность, основные компоненты идентичности, ассимиляция.*

The author analyzes the types of ethnic identity offered by domestic researchers. The author uses an extensive material of carried sociological researches, which allow to reveal types of ethnic identity, of modern Kalmyks.

Key words: *ethnic identity, basic components of identity, assimilation.*

Около полувека в нашей стране существовал негласный запрет на исследования этнических особенностей и характера межэтнического взаимодействия. Ни теоретические, ни практические разработки почти не велись. К настоящему времени потребность в такого рода исследованиях не только появилась, но и существенно усилилась, так как повышенный интерес к проблемам этничности наблюдается во всем мире. В условиях кардинальных трансформаций люди, нуждаясь в чем-то более стабильном, обращаются к идентичностям, которые отличаются определенным постоянством и не подвергаются быстрым изменениям, одна из них - этническая.

Проблемы этнической идентичности исследуются учеными из различных областей научного знания и являются одними из сложных предметов в изучении. Об этом свидетельствуют значительное число толкований и подходов. В отечественной науке в этнологическом, историческом, социологическом и психологическом аспектах проблемам этнической идентичности посвящены работы Ю. В. Бромлея, Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, В. В. Пименова, Г. У. Солдатовой, Н. М. Лебедевой, Т. Г. Стефаненко и других.

В этносоциологии и социальной психологии этническая идентичность рассматривается как составная часть социальной идентичности. Современные исследователи рассматривают этническую идентичность как переживание отношений «Я и этническая общность» и отделения от других. Под этой социопсихологической категорией понимается осознание индивидом, группой своей принадлежности к определенной этнической общности.

Мы разделяем определение, где под этнической идентичностью понимается общая система представлений о составляющих этнокультурного мира, интегрирующих индивида с этнической общностью.

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства) [1, с. 236-238]. Для обозначения составных частей когнитивного компонента используются различные термины: этнические ориентации, групповые концепции и другие. Отечественный исследователь Т. Г. Стефаненко, крупный специалист в области этнопсихологии и межгрупповых отношений, определяет наиболее важными этническую осведомленность, включающую объективные знания и субъективные социальные представления об этнических группах – своей и чужих, их истории и традициях, а также различиях между ними, и этническую самоидентификацию (использование этнического «ярлыка» - этнонима, основанное на восприятии себя принадлежащим к группе).

Второй основной компонент этнической идентичности, аффективный, проявляется в различных этнических чувствах: «достоинство, гордость, обиды, страхи, опирающиеся на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» [2, с. 49]. Этническая идентичность в основном базируется

на национальности родителей, представлениях о единстве в языке, культуре, историческом прошлом, территории.

Калмыцкие ученые также активно исследуют проблемы этнической идентичности. Обратимся к некоторым определениям наших калмыцких ученых, касающихся проблем этничности, ее компонентов. А.Б. Имкенова, определяя признаки, характеризующие этнос, относит к ним язык, общность исторического прошлого и будущего, общее местожительство, традиции, обычаи. Исследователь констатирует, что значение и роль признаков, по которым человек «создает» свою идентичность, меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей окружения, от экологической и политической ситуации [3, с. 41].

В.Н. Бадмаев считает, что этническая идентичность базируется на общности происхождения, верований, традиций, ценностей, ощущении исторической и межпоколенной преемственности [4, с. 22]. С.З. Сенглеева, рассматривая проблемы этнической идентичности, особое внимание уделяет культурологическому аспекту, пытается выявить в логической цепи «традиции - ценности - обычаи, обряды» их взаимосвязь и взаимозависимость, их иерархию, особенности их передачи следующим поколениям [5, с. 90].

Следует заметить, что практически отсутствуют работы, в которых калмыцкие исследователи пытались бы проанализировать причины, влияющие на направленность того или иного типа этнической идентичности, объективно оценить характер этнокультурного взаимодействия, влияния его на ассимиляцию титульного этноса. Ряд социологических работ посвящен анализу факторов, определяющих формирование, изменение и развитие этнической идентичности, попыткам выделения непосредственно в ней самой различных компонентов.

Одна из задач нашего анализа заключается в попытке определить типы этнической идентичности калмыков с использованием результатов социологических исследований, проведенных Центром этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. В массовом опросе 2004 года было опрошено 867 человек, из них респонденты-калмыки составляют 58,5% от всей выборки. Сельское население составляет 65,7% всей выборки. Городское население республики было представлено жителями г.

Элисты, оно составляет 34,3% от выборочной совокупности. В анкетировании приняло участие 47,2% мужчин и 52,8% женщин.

В 2005 году было опрошено 432 человек. Из них городское население составляет 47,7%, сельское - 52,3% от выборочной совокупности. Распределение по этнической принадлежности выглядит следующим образом: калмыков - 69,2%, русских - 21,3%, представителей других национальностей - 9,5%.

Отечественные исследователи отмечают, что типологизация этнической идентичности может проводиться по различным основаниям, выделяемым в зависимости от предмета, целей, задач исследования. Так, авторами проекта «Национальное самосознание, национализм, регулирование конфликтов в Российской Федерации» под руководством Л.М. Дробижевой выделено семь основных типов идентичности на социально-психологическом уровне этнического самосознания: нормальная, этноцентричная, этнодоминирующая, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм в форме космополитизма, амбивалентная идентичность [6, с. 156].

Сибирские социологи, внимательно проанализировав методику авторов упомянутого проекта для целей собственного исследования, количество типов этнической идентичности сводят к трем. Первый условно обозначили как «традиционалистский» (близок по содержанию к позитивной идентичности) и отнесли к нему тех респондентов, которые считают, «что каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа». Противоположный ему по содержанию тип (респонденты полагают, что «осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры сейчас не имеет особого значения») условно назван «космополитическим». Промежуточный тип идентичности (маркер «важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык, культуру своего народа не обязательно») можно считать «амбивалентным» (невыраженным). Предполагалось, что «амбивалентный» и «космополитический» типы могут быть широко распространены среди тех нерусских народов, которые в значительной степени стали русскоязычными с рождения или с ранних лет и в малой степени владеют языком своих родителей [6, с. 157-158].

Мы в своем анализе будем использовать типологию ученых из Института философии

и права СО РАН, но с учетом характеристик, полученных в ходе собственных исследований. В нашем исследовании 2005 г. была использована методика «идеологемы» (автор С.В. Рыжова, снс ИС РАН) [7, с. 216], которая позволяет судить об уровне идентичности. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне этнической идентичности респондентов-калмыков. Так, почти 75,0% опрошенных заявили, что они никогда не забывают, «кто я по национальности». Лишь 15,4% мужчин и 25,6% женщин указали, что «для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих».

Используя типологию сибирских ученых, считаем, что 75% калмыков имеют традиционалистскую этническую идентичность, для них весьма важным является принадлежность к калмыцкому этносу. Для оставшейся части (женщин больше, чем мужчин) характерна космополитическая этническая идентичность, так как фактор этнической принадлежности для них не имеет особого значения. Амбивалентный тип определить с помощью данного вопроса не удается.

Рассмотрим, насколько достоверны наши выводы. Так, 80,1% мужчин указали, что для них имеет значение их этническая принадлежность. Для 11,0% она важна в зависимости от ситуации. Единицы опрошенных (2,8%) отметили, что этот фактор для них не играет никакой роли. Мнение на этот счет женщин несколько отличается от мужского мнения. Для 75,6% опрошенных калмычек важное значение имеет этническая принадлежность. 9,1% респонденток указали, что значимость этого критерия зависит от ситуации. Почти каждая десятая (9,8%) (это в три раза больше, чем мужчин) отметила, что их этническая принадлежность не имеет для них никакого значения.

Так как первый вопрос определял отношение не только к собственной этнической принадлежности, что явилось задачей второго вопроса, но и отношение к национальности окружающих, то обнаружилась небольшая рассмотренная выше разница в результатах. В целом, суммируя результаты двух вопросов, 76% опрошенных придает важное значение своей этнической принадлежности, т.е. у них ярко выражен традиционалистский тип этнической идентичности. Для 6% нашей выборочной совокупности их этническая принадлежность не имеет для них никакого значения. Однако, уже 20% опрошенных указали: «для меня не имеет значе-

ния моя национальность и национальность окружающих». На увеличение этого показателя по сравнению с предыдущим (6%), на наш взгляд, повлияло то, что в этом случае надо было высказать свое отношение к этнической принадлежности окружающих. Наши респонденты весьма толерантно настроены на общение с представителями различных этнических групп.

В дальнейшем анализе используем модель двух измерений этнической идентичности, предложенную Стефаненко, которая включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга.

Мы согласны с ученым в том, что для большинства людей характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с «объективной» этничностью. При благоприятных социально-исторических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается патриотизмом, гордостью за достижения своего народа и его великих представителей, адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства и т.п. На основании результатов многочисленных исследований можно считать доказанным, что «формирование этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность) предполагает наличие в структуре идентичности позитивного отношения к собственной этнической группе и также позитивного отношения к другим этническим группам» [1, с. 265].

Но позитивная этническая идентичность может проявляться и в своей крайней форме, представляя собой этническую гиперидентичность, которая доминирует в иерархии социальных идентичностей индивида и сопровождается враждебными стереотипами, предубеждениями к представителям других этнических групп, уклонением от тесного взаимодействия с ними и нетерпимостью в межэтническом взаимодействии. Так, 9,5% респондентов калмыцкой национальности и 9,5% респондентов, представляющих народы Северного Кавказа, по итогам опроса 2005 г. продемонстрировали низкую толерантность к лицам другой этнической принадлежности в сфере близкого общения: исключали возможность своего брака с ними, предвидели распад такого брака.

В исследовании респондентам было предложено ответить на вопросы, составленные по методике Э. Богардуса: «Как бы

вы отнеслись к тому, что кто-либо из ваших ближайших родственников вступил в брак с представителями другой национальности?».

Таблица 1
(% от числа опрошенных)

	калмыки	русские	другие нац-ти
национальность не имеет значения, если знать культуру другого народа	18,6	16,3	21,4
национальность не имеет значения, главное - личные качества человека	40	61,9	19,04
предпочёл бы человека своей национальности, но возражать против брака не стал бы	29,8	15,2	42,9
считаю такие браки нежелательными	9,5	3,3	9,5
затрудняюсь ответить	2,03	3,3	4,8

Таким образом, из приведенной таблицы видно, что среди русского населения наименьший процент выбора ответов, предполагающих высокую степень гиперидентичности, т.е. 62% опрошенных этой группы указали, что национальность не имеет значения в выборе супруга, главное - личные качества человека. Это самый высокий результат из всех трех рассматриваемых этнических групп, в двух других на порядок меньше. Среди опрошенных других национальностей 42,9% опрошенных «предпочли бы человека своей национальности», на наш взгляд, это скорее всего связано с религиозной принадлежностью. На второй позиции в этой группе ответ «национальность в браке не имеет значения, если знать культуру, соблюдать обычаи другого народа» (21,4%), т.е. большое значение имеет единство обычаев, традиций, воспитания, веры. Среди респондентов-калмыков 40% отметили, что национальность не имеет значения. Но на второй позиции ответ «предпочел бы человека своей национальности», выбранный 29,8% респондентами этой группы, что свидетельствует о некой социальной дистанции, повышенной степени этнической идентичности.

Мы выявили, что приверженность к определенной религии также влияет на мне-

ние респондента по анализируемому вопросу. Мусульмане, буддисты, не поддерживают стремление своего родственника к заключению брака с представителем другой конфессии. Об этом свидетельствуют ответы каждого десятого опрошенного в данных группах. Возможно, это связано с убеждением, что такие браки «размывают» этнос, особенно если браки заключаются с представителями иной веры. Православные в этом отношении являются более лояльными. Всего лишь 3% респондентов, православных по вероисповеданию, считают такие браки нежелательными.

Следующий тип этнической идентичности по Стефаненко, моноэтническая идентичность с чужой этнической группой (измененная этническая идентичность), возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и прочий статус, чем своя. Конечным результатом идентификации с чужой группой является полная ассимиляция, т.е. принятие ее традиций, ценностей, норм, языка и т.п. вплоть до - при условии принятия индивида группой - полного растворения в ней [1, с. 267]. В качестве иллюстрации этого типа идентичности можно привести примеры тех представителей калмыцкого этноса, кто, находясь за пределами малой родины, создал смешанную семью и остался там. В большинстве своем они ассимилируются, усваивают все то, что характерно принимающей группе. Быстрой ассимиляции подвержены молодые люди, так как у них окончательно не сформировались ни когнитивные, ни аффективные компоненты этнической идентичности. А такие основные этноопределители, как язык этнического происхождения, следование традициям и обычаям, в большей степени носят символическое значение.

Сильная, хотя и разного уровня интенсивности, идентификация с двумя группами ведет к формированию биэтнической идентичности. Имеющие такую идентичность люди обладают психологическими особенностями обеих групп, осознают свое сходство с ними и обладают бикультурной компетентностью. Человек с биэтнической идентичностью - индивид, в восприятии которого происходит частичное совмещение двух культур, а различие в типах бикультурализма проистекает из-за разного восприятия своего места в них. Идентичность индивида, который осознает себя находящимся в области слияния двух культур, так и называют - слившейся. А идентичность, обладая кото-

рой индивид в разных ситуациях осознает свою принадлежность к разным культурам, к их не слившимся в его восприятии частям, называют чередующейся.

На наш взгляд, для старшего поколения калмыцкой диаспоры, проживающей в США, характерна биэтническая, а именно чередующаяся, идентичность. Они легко «переключают коды» элементов разных культур, в повседневном общении используют и калмыцкий и английский языки, в зависимости от ситуации действуют сообразно представлениям конкретной культуры.

Мы согласны со Стефаненко в том, что именно биэтническая идентичность наиболее благоприятна для представителя группы меньшинства в полиэтничном обществе, так как позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной [1, с. 269]. Осознание и принятие своей принадлежности к двум этническим общностям благотворно сказывается и на личностном росте выходцев из межэтнических браков.

В этом отношении нам близка точка зрения Е.В. Головневой, ученого из Екатеринбурга, о том, что хотя этническая идентичность признается единственно неоспоримым этноопределяющим признаком, в современном мире она часто проявляет себя как ситуативный феномен (особенно на индивидуальном уровне). Головнева считает, что ситуативность этнической идентичности связана с тем, что ее активность обусловлена внешними событиями [8, с. 42]. Если следовать концепции самоидентификации этноса В.А. Тишкова, можно представить следующую линию выборов, которая является весьма подвижной в историко-временном плане («мы - не россияне, а мы – калмыки; мы – не калмыки, а торгуты; мы – не торгуты, а хошуды» и т.д.). Исследователи считают, что такое «размещение» как отдельным индивидом, так и целой этнической общностью своей этнической

принадлежности, отказ от нее в сторону более выгодной и престижной является не таким уж редким явлением [8, с. 42].

Интерес к проблеме этнической идентичности не ослабевает, этой теме в настоящее время посвящена весьма разнообразная этнологическая, социологическая и философская литература. Однако, при всей обширности конкретных исследований этнической идентичности, в настоящее время остаются не изученными проблемы типологии этнической идентичности, выявления способов ее воспроизводства, которые необходимо глубоко и всесторонне исследовать для решения многих вопросов, касающихся этничности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998
3. Имкенова А.Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: АПП «Джангар» 1999. 90 с.
4. Бадмаев В.Н. Социокультурные детерминанты национальной идентичности // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2001.
5. Сенглеева С.З. Калмыцкая культура: ценности и смыслы // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы и значение. Материалы рос. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2002. 244 с. С. 90-93.
6. Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Отв. ред В.Г. Костюк. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. 262 с.
7. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. 368 с. С. 213-244.
8. Головнева Е.В. Этническая идентичность и способы ее воспроизводства // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. Вып.8. 312 с. С. 42-45.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СИСТЕМЕ НОТНОЙ ЗАПИСИ У КАЛМЫКОВ

Н.Н. Убушаев

В статье рассматривается система нотной записи духовной музыки калмыков, основанная на цифрах.

Ключевые слова: *семь веков письменности, звуки, голоса, джангарчи, крюки, невмы, цифры, духовная музыка.*

The article deals with the system of note records based on the numbers.

Key words: *seven centuries of writing, music sounds, voices, jangarchi, hooks, nevmy, figures, spiritual, music.*

Данная статья посвящается светлой памяти Убушаева Харци (1890-1975), гелюнга бывшего Хамхултинского хурула Лаганского района, в 1957-1975 гг. жившего в г. Лагани и занимавшегося духовной практикой, обогатившего калмыцкий язык и культуру своих соотечественников рассказами об атомно-молекулярном строении вещества, о величине атома, знакомством с терминами: маш нэрн тоосн «атом, молекула», нэрн шинж «головоломка» и др. Он сохранил многие знания об этнической культуре, в том числе родовой атрибутике, и, в частности, об уранах, изучение которых помогает исследовать неизвестные вопросы калмыцкой этнологии. Данная статья также подвигнута его давним рассказом о калмыцкой нотной грамоте.

Венгерский ученый Д. Кара в своем труде «Книги монгольских кочевников» пишет, что монголы, буряты и калмыки могут гордиться богатством письменной культуры своих кочевых предков, беспокойная история которых вовсе не благоприятствовала развитию грамотности ... В библиотеках и музеях многих народов мира бережно хранятся памятники монгольской письменности [1, с. 5-6]. В своем утверждении Д. Кара бесконечно прав. У калмыков бытовали национальные шахматы с специфическими правилами игры [2, с. 7], многочисленные образцы богатого устного народного творчества. П. Нефедьев свидетельствовал, что калмыки не оставляют ни одного замечательного для них случая, чтобы не воспеть его [3]. Видимо, этим объясняется богатство песенного творчества калмыков. Народные песни их по содержанию подразделяются на военные, трудовые, бытовые, любовные. По манере исполнения выделяют ут дун «протяжные», ахр дун «короткие песни», домбрт келдг дун «песни, исполняемые под домбру (плясовые)», шог дун «шуточные, частушки», шаваш «прибаутки», сюрэ «возгласы воодушевления». Народные и современные авторские песни являются предметом

исследования специалистов по музыке.

Музыкальная культура калмыков, монголоязычных народов в целом своими корнями уходит в глубокую древность. Предки их в своей музыкальной культуре были близки к природе и в музыке отражали шум ветра, шелест листьев, пение лебедя, крикание уток и т.д. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» говорится:

Если ханша начнет играть,
Почудится: в камышах
Лебединый летит хоровод,
Хоровод лебединый поет,
Отдается пенье в ушах
Уток, летящих вдоль озер [4, с. 24].

Героический эпос исполняли нараспев, под музыкальное сопровождение. При этом в зависимости от региона или диалектных особенностей носителей различалась мелодика песен.

Музыкальные звуки, звуки голоса, речи в представлениях калмыков сочетаются с цветовой характеристикой - нэрхн цаһан дун (букв. «тонкий белый голос» (высокий голос), боркрсн бор дун (букв. «хриплый серый голос»), бөдүн хар дун (букв. «толстый черный голос» (бас). Существует выражение хар, цаһан ду һарсн уга «не сказал ни слова, промолчал» (букв. «не издал ни черного, ни белого звука»). В калмыцко-русском словаре также дается пример: нээмн миңһн баатрһн нагин хар дууһарн хээкрлдэд орв «восемь тысяч богатырей ворвались, крича зычным черным голосом» [5, с. 366].

По представлениям калмыков, музыкальный дар, умение петь, владение музыкальным слухом – это дар свыше, который имеет особое происхождение. По легенде, записанной в 1804 г. Б. Бергманном у калмыков, джангарчи (сказитель, певец эпоса) получил дар необыкновенного пения и игры на домбре в нижнем мире, у Эрлик-хана [6]. Это определило магический характер музыки, соединило в себе добуддийские и буддийские представ-

ления. К ранним формам религии восходит вера в магическую силу звука, которая может по-разному воздействовать на окружающий мир, благотворно или разрушительно. Возможно, поэтому такое сильное оружие, как музыка, находилось «в ведении» хана подземного царства.

Убушаев Харцха (1890-1975) согласно традиционным представлениям отмечал, что калмыки имеют свою нотную грамоту, основанную на цифровой записи. По свидетельству М.Л. Тритуза, при хурулах существовали специальные школы молодых послушников (манджиков), обучавшихся, наряду с религиозными премудростями, также и игре на музыкальных инструментах. Существовала и должность начальника хора - гунзуд [7]. Джинджуками называли лам-музыкантов, а их число в больших монастырях доходило до двух-трех сотен [8, с. 160].

В отличие от народной музыки, никем не записывавшейся, духовная музыка имела свою систему записи, изучавшуюся служителями культа. По утверждению П. Небольсина, гелюнги учились петь по нотам [9, с. 129], которые писались у них особыми знаками, вроде старинных крюковых нот, а богослужения сопровождалось пением мужского хора и оркестром [7, с. 91].

В «Музыкальной энциклопедии» отмечается, что крюки, знамена – знаки древнерусской музыкальной идеографической безлинейной нотации, один из видов невменного письма. Древнейшие памятники русского крюкового письма относятся к концу XI – началу XII веков [10, с. 74]. Невмы – знаки средневековой системы записи музыки [11, с. 869]. По свидетельству Б.Ф. Смирнова, имеется монгольско-тибетская нотная запись «ян-иг», автор называет ее системой невменных знаков. Делая попытку расшифровать их с использованием современной нотной грамоты, он подчеркивает, что исследование древней письменности для изучения истории монгольской музыкальной культуры представляет большой интерес [12, с. 83-85, табл. 4,5]. Возможно, с «ян-иг» связан «янг», о котором пишет К.В. Кутушова [13, с. 63], и калмыцкие слова ян~янг «духовное песнопение», янх «петь хором, звучать», янх «много говорить, болтать, твякать».

Как видно из сказанного, калмыки знали средневековые «крюковые» ноты и невменное письмо. С другой стороны они, по словам Убушаева Харцхи, знали систему записи нот цифрами. О том, что такая нотная грамота существовала, известно из рассказов о Мо-

царте: молодой В.А. Моцарт, с малолетства любивший математику и везде писавший цифры и математические формулы, впоследствии пользовался цифрами для нотной записи (а возможно, он знал древнюю нотную грамоту?). О существовании нотной записи через цифры говорит сборник мелодий эпохи Ю-Вана и Марко Поло «Тобшур ба цуурин аилха», выпущенный в городе Урумчи (1985) авторами Джо Дорджара и Джу Джи в современной (европейской) нотной записи и цифровой параллельно.

По сведениям разных информантов-монголов, среди монгольского народа имела хождение нотная грамота, на которой как будто сохранились записи 400-летней давности.

Таким образом, согласно устной традиции, калмыки издавна пользовались нотной записью – невменными, крюковыми и цифровыми нотными знаками. Задача обнаружения подобных записей в архивных письменных памятниках – возможно, дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кара Д. Книги монгольских кочевников (Семь веков монгольской письменности). М., 1972. 194с.
2. Церенов В.З. Калмыцкие шахматы // Утро Калмыкии, 2001, 20 июля, №24, с. 7.
3. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках (в пер.). СПб., 1834. 286 с.
4. Джангар. Элиста, 1971. с.25.
5. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977. 764 с.
6. Бергман Б. Легенда о джангарчи [1804]. Перевод с немецкого Т.А. Емельяненко // Научный архив КИГИ РАН, ф.5, оп.2, ед. хр.1.
7. Тритуз М.Л. Музыкальная культура КАССР. М., 1956. 111 с.
8. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии. Элиста, 1993. 512 с.
9. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб., 1852. 192 с.
10. Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Т.3. М., 1976. 1102 с.
11. Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. III изд. М., 1985. 1600с.
12. Смирнов Б.Ф. Монгольская народная музыка. М., 1971. 364 с.
13. Кутушова К.В. «Янг» - феномен музыкальной культуры калмыков // Международный симпозиум, ч.2. История и культура монгольских народов: источники и традиции. Элиста, 1999.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 63.5 (2Рос=Калм)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В п. ЯШАЛТА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

*Б.А. Шантаев**Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»*

В основу данной статьи легли материалы полевых исследований в п. Яшалта Яшалтинского района Республики Калмыкия. Анализ полученных материалов позволяет проследить адаптационные процессы у населения данного поселка на протяжении нескольких десятков лет.

Ключевые слова: *Этнография, адаптация, полевые исследования, материальная культура, церемонии, этикет.*

The basis of this article is the materials of the field researches in the settlement Yashalta of Yashaltinskij district of the Kalmyk Republic. The analysis of the got materials allows to observe the adaptation processes at the population of this settlement during a few ten of years.

Keywords: *Ethnography, adaptation, field researches, material culture, ceremonialism, etiquette.*

В июле 2006 года сотрудники сектора этнологии КИГИ РАН выезжали в экспедицию в поселок Яшалта Республики Калмыкия в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурная адаптация калмыков среди народа Поволжья и Северного Кавказа». Выбор района был не случаен: это один из двух районов (другой Городовиковский) Калмыкии, которые считаются наименее заселенными представителям титульной нации и в которых преобладает русское население. Поселок Яшалта является районным центром Яшалтинского района. Основан эстонскими переселенцами, которые прибыли в количестве двенадцати семей в 1877 г., поселились недалеко от речки Хагин-Сала и назвали свое село Эсто-Хагинкой. До них южнее на границе с калмыцкими кочевьями были поселены прибалтийские немцы, русские поселения находились западнее. Калмыки кочевали севернее и восточнее от эстонского поселения. Поселок многонационален, население на 1 июля 2003 года составляло:

Национальность	Количество представителей	в %
Русские	3632	69,5
Калмыки	783	15
Немцы	225	4,3
Чеченцы	120	2,3
Украинцы	94	1,8
Эстонцы	89	1,7
Турки	69	1,3
Армяне	36	0,7

Белорусы	28	0,5
Агульцы	20	0,4
Греки	16	0,3
Узбеки	14	0,3
Азербайджанцы	13	0,2
Башкиры	11	0,2
Буряты	8	0,2
Аварцы	8	0,2
Даргинцы	7	0,1
Грузины	6	0,1
Татары	5	0,1
Казахи	5	0,1
Молдовани	5	0,1
Кумыки	5	0,1
Поляки	4	0,1
Осетины	4	0,1
Мордвины	4	0,1
Цыгане	3	0,1
Абазины	3	0,1
Ингуши	2	0,04
Корейцы	2	0,04
Чуваши	1	0,02
Гагаузы	1	0,02
Удмурты	1	0,02
Болгары	1	0,02
Румыны	1	0,02
Лезгины	1	0,02
Итого:	5227	100

Чтобы попасть в п. Яшалта из г. Элисты нужно проехать часть пути через Ставропольский край; оставшуюся часть пути занимает почти вся территория Яшалтинского района. Яшалтинский и соседний с ним Городовиковский районы являются наиболее плодородными и пригодными для земледелия в отличие от остальной территории республики. Животноводство здесь представлено преимущественно свиноводством, так как свободных земель под пастбища нет. При разговоре с информантами-калмыками, которые родились и выросли в других районах и приехали на постоянное место жительства в п. Яшалта в силу семейных или служебных обстоятельств, их впечатлил утопавший в зелени, чистый и ухоженный поселок, смешанный состав населения, большое количество домашней птицы. Следует отметить, что до недавнего времени здесь проживало большое количество немцев, которые стали уезжать в Германию в 90-х гг. XX в. и к началу 2000-х гг. большая их часть покинула пределы России. Жители поселка до сих пор высоко оценивают их вклад в развитие района и поселка в частности. Дома, ранее принадлежавшие немцам, выделяются на общем фоне своей ухоженностью и продуманностью планировки. Отличие поселка, на которое указали информанты – активное развитие художественной самодеятельности. При районном Доме культуры работает много кружков по «интересам», где жители собираются по выходным.

В рамках выполнения проекта проведен опрос калмыков, проживающих в данном поселке, всего 15 человек. В составе информантов преобладают женщины от 80 лет и младше, мужчин-калмыков старше 80-летнего возраста в п. Яшалта мало, поэтому были опрошены представители разных поколений.

Беседы с информантами проходили в их домах, а если позволяли погодные условия - во внутреннем дворике, где хозяйева угощали чаем. Нами сразу отмечался контраст между внешним благоустройством русских и калмыков. Домовладения русских хозяев озеленены и во дворе высажены цветы разных видов. У хозяев-калмыков часто зеленые насаждения отсутствуют вообще. Однако, имевшие место ухоженные дома с приусадебными участками калмыков все равно отличались от соседних русских. И, что следует заметить, эти домовладения принадлежат калмыкам, прожившим в п. Яшалта весь период после возвращения из Сибири. Там, где живут калмыки, приехавшие относительно недавно, зелень отсутствует.

Вместо огородничества они предпочитают разводить свиней или птицу. На вопрос, почему не разводить огород, как у соседей, нам отвечали, что лучше развести свиней или птицу - «от них пользы больше, а «траву» купим на рынке или туркам закажем». В Яшалтинском районе проживают турки-месхетинцы, переселившиеся в эти края в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. во время оттока немецкого населения. В настоящее время они занимаются выращиванием и продажей овощей на местном рынке. Ярмарочный день в Яшалте - четверг. В этот день жители поселка идут на ярмарку, игнорируя распорядок рабочего дня. Многие служащие уходят с работы на час-другой, чтобы приобрести необходимые товары.

Некоторые информанты после приезда пытались развести огороды, как у соседей, но, видимо, сказался недостаток опыта. Русское население содержит большой огород, разводит птицу, свиней, но упор в своем хозяйстве делает на огород. Сажают огурцы, помидоры, перец и картофель. На зиму запасают от 50 мешков картофеля и более, при хорошем урожае продают излишки. Много консервируют овощей и фруктов. Как мы отмечали выше, в калмыцком хозяйстве основной упор делается на разведение домашней птицы и свиней. Мясо консервируют на зиму, обеспечивая своих детей и внуков мясной продукцией круглый год. У информантов старшего поколения в большинстве случаев дети и внуки живут в г. Элиста. Они навещают родителей по праздникам, а внуки приезжают только в период школьных каникул. Информанты объясняют отъезд детей отсутствием в районе возможности получения образования, хорошей работы и соответственно карьерного роста. Основной отток молодых пришелся на 80-е - начало 90-х гг. XX в. Информантами отмечалось, что калмыкам в советский период было тяжело подняться по карьерной лестнице. Некоторые из информантов были в столице республики только при советской власти. Многие информанты отмечали, что хотели бы посетить хурул возле п. Аршан (Сякюсн Сюзэ) и новый хурул (Центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни»).

При опросе о традиционном питании практически все информанты отвечали, что варят калмыцкий чай, а из первых блюд готовят борщ. Этим блюдом нас постоянно угощали во время экспедиции и можно сказать, что это одно из любимых и распространенных блюд у жителей поселка. Мы заметили, что у информантов преобладает русский чай, и к нему прилагают не только сахар, но также мед и варенье.

В республике Яшалтинский район славится еще как основной производитель меда. Калмыки, переехавшие недавно больше употребляют калмыцкий чай и чаще пекут борцоки. Баранину здесь едят не часто, все мясные блюда готовят из птицы и свинины.

Калмыцкие праздники отмечают постоянно и всегда угощают борцоками русских соседей на праздники Зул и Цаган сар, а они, в свою очередь, на Масленицу угощают блинами, а на Пасху куличами и яйцами. Традиционным блюдом у калмыков считается будан, все считают это блюдо субэтнически-специфическим, связанным с культурой донских калмыков - бузавов. Рецепт довольно прост: варят последовательно мясо, картошку, рис и в конце добавляют жаренку, которая состоит из смеси муки, сметаны, лука и специй. Информанты заметили, что с момента переезда в п. Яшалта стали больше готовить блюд из картофеля.

На вопрос «Употребляете ли крепкие спиртные напитки и как часто?» информанты отвечали, что «в молодости, исключительно по праздникам», т.к. в остальное время работали, а сейчас уже на пенсии и некоторые могут выпить с друзьями и подругами, когда получают пенсию. В поселке мы не заметили людей, злоупотребляющих спиртными напитками и собирающихся в небольшие группы у магазинов. Некоторые помнят, что именно здесь эстонцы впервые на Северном Кавказе в 1914 г. открыли Общество трезвости.

Информанты помнят также особенности родильного обряда, наблюдавшиеся ими в 1930-50-х гг: когда женщины рожали в дом никого не пускали; при объявлении о рождении мальчика мужчины стреляли из ружей, а роженицу поздравляли. Детей заворачивали в овчину, натирали молочной водкой. Мальчику в люльке между ног ставили маленькую бутылочку, для сбора мочи, чтобы ребенок оставался сухим. Вместо соски давали вареный бараний хвост. Когда ребенку исполнялся год, то дядя по матери напцх состригал волосы, шогдамл улдягяд, оставляя волосы на висках, лбу, на макушке и затылке. Девочек так не стригли. Состриженные волосы собирали и зашивали в ткань, и ребенок носил их как оберег. После этого варили чай и произносили благопожелания, дарили деньги. Ребенку, сделавшему первые шаги, разрезали путы между ног, имитируя действия ножницами, чтобы быстрее стал ходить и тверже стоял на ногах. Детям запрещали фотографироваться, взрослые говорили им, что они тогда умрут. Информанты вспоминали об этом с улыбкой.

Методы народной медицины, по словам информантов, используют уже редко, так как сейчас все обращаются к врачам. Эти методы, в основном используют при лечении детей. В прошлом, когда врачей не хватало народные средства использовали активнее. Использовали отвар из овса арван усн - «Арван усн далн хойр цогц-махмудын, яс-усня гемяс гетлһня». Для приготовления отвара берут 72 зернышка овса (т.е. 36 пар зернышек) и 200 грамм воды и кипятят. Еще один вариант приготовления отвара таков: 9 зернышек овса на 1 литр воды. Отстояв, его давали пить больному в теплом виде, а также детям при температуре и роженицам.

Ширгямг готовили следующим образом: в кастрюлю наливали 3 пиалы воды и кипятили, пока не останется воды примерно одна пиала. В нее добавляли одну столовую ложку сливочного масла, хорошо перемешивали самрад и давали больному выпить в теплом виде рано утром, примерно в пять часов, после чего укладывали спать. Кимр готовили таким же образом, но в оставшуюся пиалу воду добавляли 3 ложки молока и, хорошо перемешав половником, давали больному в теплом виде. Эти отвары надо было обязательно принимать только в теплом виде. Так лечили от внутреннего жара, при изжоге и внутренних болезнях. Детей при различных болезнях отпаивали парным или кипяченым молоком. При болезнях ушей в них капали топленое масло. Зубную боль также лечили топленным маслом. Простуженное горло полоскали соленой водой. При ветрянке детей лечили в растворе воды и креолина, который разводили в небольшом корыте.

Сглаз сводили так: жгли спички в количестве 9 штук, опускали в баночку с водой, этой водой обмывали ребенку лицо, добавляли 9 шепоток соли, 9 зернышек проса, после чего ребенок должен сплунуть 3 раза. Затем ножом делали над водой движения крест-накрест, и произносили «Әмтня келн-амн даргтха» и выливали содержимое против ветра. Испуг выводили, расплавив свинец и выливая его в чашу с водой, которую держали над головой ребенка, предварительно накрытой тканью. В чашу с водой помещали кусочек ваты и на него выливали свинец, чтобы сильно не растекался. Если испуг ребенка выводили впервые, то свинец заворачивали в ткань и хранили, или ребенок носил его как оберег.

Если человек внезапно терял сознание, то наличие дыхания пытались определить при помощи зеркала, которое подносили ко рту. Информант описал случай, когда его родственница крепко уснула, и это было похоже на летаргию.

Врачи наказали, чтобы они следите за ней, пока она не очнется. Через три дня когда больная проснулась, ей не давали воду несмотря на просьбы, поскольку считается, если дать воду, человек потеряет память. Больная рассказала, что была в посмертном мире и видела много людей. Встретила своего свекра, спросившего у неё, зеркало, необходимое для бритья. Множество скота увиденного во сне, по мнению информантов, являлись перерождениями людей в мире животных. Посмертному миру, согласно этой легенде, не чужды развлечения: в одном из домов старик развлекал детей, издавая звуки, похожие на игру домбры. Возвращение в мир людей, согласно рассказу нашего информанта, представлялось как вхождение в нору, после которого больная очнулась в своем теле, воспринятым ею как неприглядное, плохо пахнущее. События, подобно описанным, в традиционной культуре расцениваются однозначно, как преждевременная «ошибочная» смерть, отмененная духами.

Информанты рассказывали о способах захоронения, применявшихся во времена старших родственников. Могилы копали неглубокие, не более метра в глубину с нишей или без ниш, но обязательно в могиле со стороны восхода солнца зажигали зул чтобы освящал путь душе. Гробы были мало похожи на современные, так как их сколачивали кое-как, буквально из трех досок. Старики были против памятников и наказывали, чтобы ставили что-нибудь легкое, из дерева или жести. Современная традиция установки гранитных и мраморных памятников, по мнению информантов, неправильная. К старинным обычаям относится недопущение на кладбище женщин, имевших ранее место. Женщин раньше на кладбище не допускали. Когда же мужчины выходили с кладбища, они трижды трясли полы своих бешметов. Дома их ждали с приготовленным костром, куда, кроме кизяка бросали соль, муку и можжевельник, иногда для запаха бросали жир. Этим дымом мужчины окуривали себя и трижды обходили вокруг костра, затем мыли руки водой, разбавленной с молоком. По сообщению информантов, после смерти близкого в доме зеркала занавешивают. Это делается потому, что, согласно поверью, душе покойного от блестящих предметов бывает плохо. Раньше зеркала закрывали даже во время грозы. В некоторых случаях в изголовье покойного ставили зеркало, но по какой причине информанты не смогли объяснить. Современные элементы обряда (глубокие ямы, плотные гробы, большие и тяжелые памятники) информанты считают неблагоприятными для

посмертного состояния души покойного.

При проведении исследования большой интерес вызывали проблемы адаптации в межличностных отношениях, отличия калмыков от русских, выводы и информация, полученная информантами за все годы проживания в данной местности; что им нравится, а чем они недовольны и что хотели бы изменить; как они привыкали или продолжают осваиваться в новых условиях.

Информанты отмечали, что калмыки, в отличие от других национальностей, более сдержанны в проявлении эмоций. Женщины-калмычки очень упрямые, и если на чем-то своем стоят, то их тяжело переубедить, а русские не доводят дело до крайностей, прекращая разговор на сложную тему, а затем по прошествии некоторого времени снова возвращаясь к нему. Как сказали женщины-информанты, калмыкам не хватает гибкости присущей русским; в целом же калмычки в браке более терпеливы и внимательны к советам своих родителей, старших братьев и сестер. В отношениях между супругами также отмечали особенности. Например, в смешанных браках, где супруг калмык, а супруга русская, то главной в семье обычно становится жена. Одной из причин называют черты русского характера, хваткость и снисходительность. Так в русских семьях жены часто приносят мужьям обеды на работу, а в калмыцких семьях такой обычай отсутствует. Информанты отмечают также различия в поведении после развода. Если супруги разводятся, то многие калмычки переживают длительное время, некоторые выходят замуж повторно по прошествии нескольких лет, а другие вообще больше замуж не выходят. У их русских соседей к повторному браку отношение проще, после развода женщины вскоре выходят замуж, некоторые по несколько раз, и при этом каждый раз меняют фамилию. Информанты согласны с ними в том, что жизнь не может не продолжаться, и объясняют особенности поведения калмычек национальным характером. Но при этом добавляют, что «нужно думать не только о себе, но и о детях, как устроить их жизнь. Не можем мы с легкостью выходить замуж с детьми».

Еще до революции калмыки иногда своим детям давали имена в честь своих русских друзей, а богатые брали сыновьям в жены русских, чтобы те знали русский язык. Информанты к межнациональным бракам относятся спокойно. Среди местного населения старшего возраста межнациональных браков очень мало, а у их детей они встречаются довольно часто.

Один из информантов для нас оказался очень интересным и ценным собеседником в плане сбора материала по интересующим нас вопросам адаптации культуры. По происхождению она из межнациональной семьи: отец-калмык, а мама-русская. В связи с тем, что родилась и выросла в п. Яшалта в настоящее время она продолжает жить и работать здесь. Ее данные ценны тем, что её ответы она давала четкую сравнительную характеристику. Свой рассказ строила между двумя представителями двух этносов (калмыков и русских). Как отмечала информант «отец и его родные (калмыки) более спокойны и сдержаны по сравнению с маминой родней. Дед возвратился из ссылки один с сыном, т.к. его супруга (русская) отказалась ехать с ним в Калмыкию. Мама более шустрая и быстрая. Водку отец пьет редко и характер от выпитого у него не меняется. Ласковые слова друг другу родители говорят одинаково, но отец больше говорит, когда выпьет, а так он более сдержан. Отец поет время от времени калмыцкие песни, но не для кого-то, а для себя, когда работает по домашнему хозяйству. Калмыцкие песни люблю слушать. Мама и старшие сестры понимают калмыцкий язык, но не говорят на нем, а я языка не знаю. Отцу чай варим калмыцкий, но сама его не пью, люблю борцоки. Родители любят дотур, и мама готовит это блюдо. Баранину не ем, предпочитаю мясо птицы. Из калмыцких праздников больше нравится Цаган сар. В вопросы религии родители не вмешиваются, но мама младшую сестренку крестила и посещает с нею церковь».

В Элисте никогда не была, училась в Башантинском техникуме, получила специальность бухгалтер и затем продолжила учебу в соседней области в институте на заочном отделении. В дальнейшем при выборе места работы и проживания главное, чтобы была перспектива. В отношениях с окружающими людьми различий по национальному признаку не делаю, но все же калмыки в отношениях более вспыльчивы и обидчивее русских, и обиды свои говорят прямо в лицо, а не за глаза. Старшие сестры замужем, одна вышла за калмыка, свадьбу сыграли по калмыцким обычаям, вторая вышла за русского, свадьбу играли по русским обычаям».

Еще одной отличительной чертой, отмечавшейся информантами как присущая калмыкам, является отсутствие меркантильности, не зависимости от материальных ценностей. На наш взгляд, такое отношение к материальным ценностям наложил кочевой в прошлом быт калмыков, когда большинство калмыцких семей не имели больших материальных ценностей. Это видно по информантам старшего поколения, очень неприспособленным в быту и своих жизненных потребностях. Как они говорили, главное у детей и внуков все было хорошо, а мы свое прожили.

Собранные нами полевые материалы демонстрируют устойчивое сохранение отдельных черт традиционной обрядности калмыков. Полученные данные могут быть использованы в качестве сравнительного материала при анализе историко-этнографических аспектов субэтнических групп калмыков.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Педер Вальтер Иванович, 1935 г.р. Эстонец.
2. Сарангова Любовь Очировна, 1939 г.р., дунд-хурла шемнр, умкяхня арвн.
3. Бухтинова Анна Санжеевна, 1929 г.р., шармонгл бузав (Ст. Зимовниковская).
4. Надышева Клавдия Санжеевна, 1930 г.р., шармонгл бузав (Ст. Зимовниковская).
5. Наминов Владимир Леонидович, 1952 г.р., торгут, эркетня цаатн.
6. Караваяева Любовь Джиджитовна, 1953 г.р. дербетка, хашхнр.
7. Абушинова Юлия Алимовна, 1984 г.р., (точное происхождение не указала).
8. Ларионова Наталья Сангаджигорьяевна, 1979 г.р., дербетка, хашхнр.
9. Джавинов Хонгор Андреевич, 1928 г.р., ик-дербет, гахан авгнр, кельднгуд арвн.
10. Овкаджиева Светлана Нимгировна, 1951 г.р., дунд-хурла шемнр, хасгуд арвн.
11. Васькина Роза Михайловна, 1935 г.р., бузав, цевдняхня. (Ст. Граббевская).
12. Минькова Екатерина Манджиевна, 1930 г.р., торгутка.
13. Эмирова Александра Камановна, 1920 г.р., бузав, цевдняхня. (Ст. Граббевская).
14. Манджикова Лидия Алексеевна, 1928 г.р., ик-дербет, эрктня.
15. Чильденов Николай Бадмаевич, 1937 г.р., ик-дербет, баг-чонса, шарнут арвн.

ББК 60.7 (2Рос=Калм)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНЕТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ КАЛМЫКИИ (полевой материал 2004-2006 гг.)

Н.В. Балинова

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (проект «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика»).

Статья посвящена обобщению материалов генетико-демографического исследования, проведенного в калмыцких сельских популяциях в 2004-2006 гг. Генетико-демографические данные показывают межэтнические различия и важность социальных факторов.

Ключевые слова: *популяционная генетика, демография, репродукция*

The article is devoted to the generalization of the materials of genetic and demographic researches carried out among Kalmyk rural populations. Genetic and demographic data show interethnic distinctions and important of social factors.

Keywords: *genetics of the populations, a demography, a reproduction.*

Структура калмыцкой популяции претерпела изменения в XX веке в связи с последствиями Гражданской войны 1918-1920 гг., коллективизации, Великой Отечественной войны, насильственной депортации калмыков и последующего возвращения на территорию Калмыкии. Последствия имевших место воздействий, естественно, нашли свое отражение в генетической структуре популяций Калмыкии, тесно связанных с демографической структурой. В данной статье на основе ранее опубликованных материалов [1, 2] проводится анализ генетико-демографических показателей сельских популяций Калмыкии.

Одной из важнейших характеристик демографической структуры популяций, влияющих на генофонд, является ее репродуктивный объем, или объем размножающейся группы (N_r). Его нельзя рассматривать в отрыве от возрастной структуры и от общего размера популяции, так как формирование генофонда следующего поколения связано лишь с той частью генов, носители которых находятся в репродуктивном возрасте. Но не все лица репродуктивного возраста вносят свой вклад в генофонд нового поколения, так как существует целый ряд причин социальной и биологической природы, способствующих сокращению репродуктивного объема популяции. Одним из приближений является эффективно-репродуктивный объем.

Величина общего (N_t), репродуктивного (N_r) и эффективно-репродуктивного (N_e) объемов, рассчитанных по подворным спискам населенных пунктов, приведены в таблице 1.

Как видно из данных таблицы 1, изученные 9 сельских групп представлены популяциями средней и малой численности. Популяции малой численности – пос. Амур-Санан (229 чел.) и пос.

Наинтахн (233 чел.); к популяциям среднего размера можно отнести пос. Верхний Яшкуль (618 чел.), пос. Бага-Чонос (617 чел.), пос. Розенталь (646 чел.) и пос. Южный (460 чел.); а большой численности – пос. Улан-Хол (1465 чел.), с. Красинское (1134 чел.) и с. Джалыково (1138 чел.). Число семей колеблется от 61 в пос. Амур-Санан до 287 в пос. Улан-Хол. Репродуктивный объем популяций Калмыкии (N_e) достаточно высок и варьирует в пределах от 0.4041 до 0.5045, составляя в среднем 46% от тотального объема. При этом в группах наблюдается превалирование числа женщин репродуктивного возраста.

Эффективно-репродуктивный объем был определен нами с учетом неравенства лиц разного пола в популяции. Как и следовало ожидать, эффективный объем оказался ниже репродуктивного. Как видно из данных таблицы 1, диспропорция лиц разного пола репродуктивного возраста снижает эффективную численность.

Половозрастная характеристика калмыцких популяций представлена на диаграмме (рис. 1), где отмечается явная деформация возрастных пирамид. На ней отражаются демографические события в истории народа. Так, насильственная депортация калмыцкого народа с 1943 по 1956 год и события Великой Отечественной войны обусловили дефицит лиц 51-65 лет и соответственно уменьшение доли их потомков [3]. Деформация нижней части половозрастной пирамиды показывает сокращение числа детей младших возрастных групп 0-10, что свидетельствует о падении рождаемости в сельских популяциях Калмыкии. В этой ситуации необходимо предпринимать меры по стимулированию семей к рождению детей, так как эти женщины еще не вышли из репродуктивного возраста.

Структура сельских популяций Калмыкии

Популяции	Nt	Число семей	Nr	\bar{K}	σ^2K	Ne	Ne/Nt
			♀ / ♂				
Целинный район							
п.Верхний Яшкуль	618	128	172-132	1.0859	0.9138	299	0.4838
п.Бага-Чонос	617	122	153-122	1.2951	1.4825	272	0.4408
п.Наинтахн	233	126	65-50	1.7105	1.4617	113	0.4849
Лаганский район							
с.Улан-Хол	1465	287	402-317	1.6456	1.0602	709	0.4908
с.Красинское	1134	181	317-220	1.5801	1.456	519	0.4577
с.Джалыково	1138	184	336-207	1.2826	0.9798	512	0.4499
Городовиковский район							
п.Розенталь	646	128	173-154	1.9795	1.4691	326	0.5045
п.Южный	460	123	109-81	1.5385	1.4691	106	0.4645
п.Амур-Санан	229	61	65-45	1.1147	1.6458	186	0.4041

Примечание: Nt - тотальный объем популяции (человек); Nr – репродуктивный объем; Ne - эффективно-репродуктивный объем (определен с учетом неравенства лиц репродуктивного объема разного пола; – среднее число детей, приходящихся на одну женщину; σ^2K – дисперсия показателя .

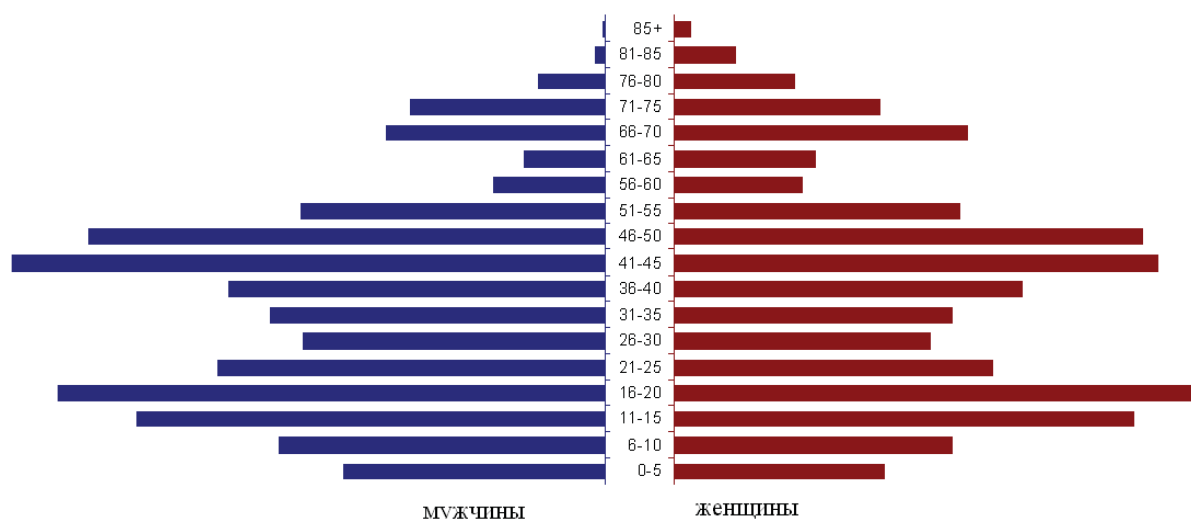

Рис. 1. Распределение половозрастных когорт в сельских популяциях Калмыкии

Обращает на себя внимание очень низкое значение среднего количества детей в семье, колеблется от 1,08 до 1,98. При данной ситуации не выполняются условия даже для простого типа воспроизводства населения, для которого необходимо в среднем иметь 2,13 на семейную пару. Почти во всех группах дисперсия средней (σ^2_K) ниже самого значения среднего числа детей (\bar{K}), за исключением пос. Бага-Чонос. Столь малое отклонение также является подтверждением стабильности средней, но в данном случае это скорее

показатель устойчивости неблагоприятной демографической ситуации, когда популяция не полностью воспроизводит себя в новом поколении. Это также может служить показателем существующего в популяциях практически жесткого контроля над рождаемостью и планирования числа детей в семьях.

Сравнительный анализ популяций Калмыкии по репродуктивным и возрастным характеристикам показал, что по национальному признаку 704 анкеты

распределились следующим образом: калмыки - 462 анкеты, русские - 119, казахи - 43, немцы - 7, северокавказские народы - 52 и в 21 анкете - национальность не указана. Так как полученные данные по казахам, немцам и другим народам малочисленны и не являются репрезентативными, то после расчета всех репродуктивных и возрастных параметров они были исключены из последующего анализа.

Демографические сведения, используемые для определения границ репродуктивного возраста, представлены в таблице 2, где отражены средние величины по группам торгутов, дербетов и бузавов, а также по русским и др.

Физиологическая граница начала репродуктивного периода у калмычек составляет в среднем 13.90 ± 0.07 . У русских этот показатель в среднем составляет 14.16 ± 0.13 лет. По литературным данным в эвенкийской популяции средняя величина начала репродуктивного возраста составляла 14 лет [4]. У кзыльских и сагайских хакасов она находилась в пределах 15.4 и 15.6 лет [5], что сопоставимо с данными Ф.А. Лузиной у алтаек [6].

Средний возраст калмычек при рождении первого ребенка составил 23.51 ± 0.18 лет. Средний возраст при рождении последнего ребенка у калмычек - 31.30 ± 0.26 лет. Как видно из данных таблицы 3, наблюдается выраженный разрыв между социально обусловленными границами и физиологической продолжительностью репродуктивного периода у женщин. Так, возраст наступления climacterium в среднем 47.81 ± 0.23 .

Достоверные различия выявлены лишь в возрасте наступления менопаузы 47.81 лет у калмычек и 49.03 у русских, $t=2.37$. Длина поколения, рассчитанная как среднее между возрастом рождения первого и последнего ребенка [7], у калмычек составляет 27.41 лет, у русских 26.81 лет (различия не достоверны, $t=0.6$). Возрастная структура популяции представлена индивидуумами трех поколений, которые значительно хронологически перекрываются. Таким образом, средняя продолжительность поколений выше 25 лет, обычно принимаемая по данным литературы за средний возраст одного поколения.

Таблица 2

Данные к определению границ репродуктивного возраста в сельских популяциях Калмыкии

Исследуемый параметр	Калмыки	Русские	Казахи	Народы Северного Кавказа
Возраст анкетированных женщин	54.35 ± 0.54	59.28 ± 0.99	61.67 ± 2.09	53.96 ± 1.27
Возраст менархе	13.90 ± 0.07	14.16 ± 0.13	14.18 ± 0.21	14.65 ± 0.23
Возраст рождения первого ребенка	23.51 ± 0.18	22.83 ± 0.37	22.62 ± 0.54	22.79 ± 0.44
Возраст рождения последнего ребенка	31.30 ± 0.26	30.79 ± 0.54	31.92 ± 0.90	32.06 ± 0.82
Возраст наступления менопаузы	47.81 ± 0.23	49.03 ± 0.46	43.44 ± 2.15	47.58 ± 0.53

Репродуктивные параметры для пострепродуктивной когорты женщин вышеперечисленных этнических групп представлены в таблице 3. Данные по калмыкам достоверно отличаются от данных по русским по среднему числу беременностей ($t=3.07$), живорождений ($t=2.29$), мед. абортов ($t=4.11$) и доживших до репродукции ($t=2.03$)

Во всех перечисленных этнических группах среднее количество детей, приходящееся

на одну женщину пострепродуктивного возраста (от 2.82 до 3.69), обеспечивает расширенное воспроизводство, что согласуется с данными по сельским популяциям Бурятии, Башкирии и др. [8]. Необходимо подчеркнуть, что все эти данные рассчитаны по акушерскому анамнезу женщин, завершивших индивидуальную репродукцию и, соответственно, они характеризуют репродуктивные параметры предшествующего поколения.

Показатели репродуктивных функций в сельских популяциях Калмыкии, 2005 г.

Исследуемый параметр	Калмыки	Русские	Казахи	Народы Северного Кавказа
Общее число анкет	462	119	43	52
Среднее число беременностей, приходящееся на одну женщину	5.49±0.15	6.66±0.35	5.79±0.64	6.63±0.43
Среднее число живорождений	3.21±0.08	2.86±0.13	3.42±0.25	4.02±0.34
Среднее число аборт	2.05±0.13	3.43±0.31	1.77±0.51	1.65±0.29
Доля женщин, не делавших аборт	46.1%	23.5%	46.5%	44.2%
Среднее число выкидышей, и др. патологий	0.214±0.024	0.336±0.069	0.419±0.137	0.404±0.113
Среднее число мертворождений	0.0216±0.007	0.025±0.014	0.186±0.075	0.115±0.059
Среднее число детей доживших до репродуктивного возраста	3.13±0.08	2.82±0.13	3.30±0.053	3.69±0.31
Среднее число умерших детей	0.121±0.024	0.084±0.039	0.140±0.053	0.327±0.101

Таблица 4

Индексы потенциального отбора и составляющие их компоненты (по витальным статистикам) сельских популяций Калмыкии.

Исследуемый параметр	Калмыки	Русские	Казахи	Северокавказские народы
I_m	0.038	0.030	0.042	0.089
I_f	0.300	0.264	0.233	0.360
I_{tot}	0.350	0.302	0.285	0.481

Примечание: I_m - индекс дифференциальной смертности, I_f - индекс дифференциальной плодовитости, I_{tot} - индекс потенциального отбора

Индекс Кроу и его составляющие компоненты рассчитаны на основании витальных показателей (табл. 4), которые позволяют выявить оценку дифференциальной приспособленности тех или иных отдельных групп, генотипов [9]. Значение индекса Кроу (I_{tot}) выше у калмыков (0.350), чем у русских (0.302). Высокое значение I_{tot} в первой группе может быть связано с повышенной долей акушерской патологии в

популяциях Целинного района (0.308±0.045).

Итак, анализ генетико-демографических показателей калмыцких сельских популяций позволил сделать следующие заключения:

- демографическая ситуация в селах Калмыкии на современном этапе (2005 г.) определяется воспроизводством суженного типа, что характерно для городских популяций;
- пострепродуктивная возрастная когорта

женщин Калмыкии (калмычек и русских) показала расширенный тип воспроизводства, что позволяет рассматривать демографическую ситуацию предшествующего поколения как положительную;

- индекс Кроу и основные статистические данные витальности указывают на незначительное влияние естественного отбора;

- влияние социальных факторов оказывает существенное воздействие на процессы воспроизводства в популяциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баинова Н.В. Генетико-демографические характеристики калмыцких сельских популяций // Материалы II республиканской научно-практической конференции «Молодежь и наука: третье тысячелетие» (Элиста, 30 ноября 2005г.). Элиста, 2006. С. 196-200.

2. Баинова Н.В., Спицына Н.Х., Ельчинова Г.И., Тереховская И.Г. Анализ репродуктивных и возрастных параметров калмыцких сельских популяций // Генетика. 2008. №6. С. 850-856.

3. Бакаев П.Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста, 2003. 176 с.

4. Рычков Ю.Г., Шереметьева В.А., Факторы генетической дифференциации популяционной системы коренного населения Северной Азии // Генетика. 1974. Т. 10. №8. С. 137-149.

5. Казаченко Б.Н. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях, половозрастная и семейная структуры хакасов // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 78-91.

6. Лузина Ф.А. Наследственный полиморфизм и генетические процессы в коренном населении горного Алтая: Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1987. 28 с.

7. Большакова Л.П. Изучение явлений репродуктивной компенсации и наследуемости плодовитости в популяции человека. Рукопись дис. ... канд. биол. наук. М., 1986. 157 с.

8. Спицына Н.Х. Демографический переход в России. М.: Наука, 2006. 211 с.

9. Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biology, 1958, Vol. 30. P. 1-13.

ББК 63.4(2 Рос=Калм)

**ОБ ИТОГАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕРГЕНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА, ПРОВЕДЕННОГО В РАМКАХ
СОВМЕСТНОГО ПРОЕКТА КИГИ РАН И ЕВРАЗИЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

М.А. Очир-Горяева, К.Б. Малек

В статье изложены первые результаты комплексного изучения двух курганов эпохи бронзы Ергенинского могильника в рамках международного проекта Евразийского Отделения Германского Археологического Института и Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Оба кургана объединяет то, что основными в них были погребения малолетних детей. «Детские» курганы со столь сложным ритуалом стали объектом научного исследования впервые.

Ключевые слова: *Ергенинский могильник, курганы, «детские» курганы.*

The first results of the complex investigation of two kurgans from Eргениnskii burial mound in the frames of the joint project (Eurasian Department of the German Archaeological Institute and Kalmyk Institute of the Humanities of the Russian Academy of sciences) are represented in the paper. The main grave of the both kurgans belonged to the child. It is first time when the “child” kurgans with rich burial rite come under archaeological research.

Keywords: *Eргениnskii burial mound, kurgans, “child” kurgans.*

В 2008 году были закончены исследования на курганном могильнике Ергенинский, начатые в 2006 году. Работы проводились в рамках совместного проекта Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и Евразийского Отделения Германского Археологического Института. Объектом исследования были выбраны два кургана 13 и 14, насыпи которых были нарушены бульдозерной траншеей для устройства мусорной свалки.

В 80-е годы прошлого столетия В.П. Шилов провел археологические раскопки двенадцати курганов на этом могильнике. Все курганы, исследованные им, за исключением одного сарматского, были сооружены носителями катакомбной культуры. Для всего могильника в то время были получены радиоуглеродные даты по семи образцам из пяти курганов [3, 55; 4, 55-64]. Два кургана из раскопанных В.П. Шиловым отличались особенно большими размерами (курганы 6 и 11). Насыпи их достигали высоты 5 и 5,5 метров, диаметры - 60 и 90 метров. Другой особенностью этого могильника является высокая концентрация металлических предметов среди погребального инвентаря: ножей, шильев, крюков, тесел и долот, что дало основание автору раскопок интерпретировать данный факт, как погребения мастеров по обработке дерева [5, 160-161]. Спектральный анализ одиннадцати металлических предметов из Ергенинского могильника показал высокое содержание латуни (до 11 %); на настоящий момент данные предметы являются пока самыми ранними находками ла-

туни в восточноевропейских степях [1, 77-78; 2, 47-49].

Курганная группа расположена на южном склоне одного из отрогов Ергенинской возвышенности, вытянутых в широтном направлении. Курганы начинаются у крайних строений, на северо-восточной окраине п. Ергенинский с восточной стороны трассы Элиста-Волгоград, и регулярной цепочкой, вытянутой в северном направлении, поднимаются на гребень балки. В свое время В.П. Шилов разделил курганную группу Ергенинский на три группы – первую (южную), вторую (среднюю) и третью (северную). Курганы южной группы расположены на низких отметках склона. Первые курганы этой группы - частично срезанные восточным краем автотрассы Элиста-Волгоград, а также курганы, расположенные у крайних зданий на северо-восточной окраине поселка - находятся практически в балке. Вторая средняя группа курганов расположена на более высоком участке северного склона отрога. И только последняя, северная группа курганов расположена на самом гребне отрога. Расположение курганов на склоне и в балке довольно нетипично для всей территории Калмыкии и особенно для Ергенинской возвышенности. Обычно курганы расположены вдоль гребней возвышенности, на преобладающих высотах.

Курганы, подвергшиеся раскопкам в 2006-08 годах, относятся к средней группе и располагаются в северной части средней группы. По широте курганы находились на уровне только что построенной водонапорной башни, нахо-

дящиеся также на склоне возвышенности, с западной стороны трассы Элиста – Волгоград.

Курган 14 был крайним западным курганом второй (средней группы) и находился в 50 метрах от кургана 13. Насыпь кургана имела правильную сферическую форму. Полы кургана ровные, поверхность задернована равномерно. С восточной стороны одна треть насыпи снесена ножом бульдозера на глубину -153 от вершины кургана. В этой траншее была устроена мусорная свалка. На вершине кургана на краю бульдозерной траншеи выкопана круглая яма глубиной до 1 метра и диаметром 3 метра. С северо-западной стороны по полю кургана проложена автомобильная колея, на данный момент заросшая травой. Диаметр насыпи кургана в направлении север–юг составлял 28 метров. Высота кургана от северной полы - 69 см, а от южной - 112 см.

Курган 14. Географические координаты: Северной широты – 47° 06' 27.6; Восточной долготы - 44° 29' 29.0

Курган 14 был возведен над погребением восточноманычской культуры эпохи бронзы. Катакомбное основное погребение находилось в центре кургана. Обширная входная «приталенная» яма содержала мощный слой порошкообразного минерального вещества белого цвета, под которым находились остатки деревянной конструкции со следами разведения огня на них. В просторной камере были найдены останки ребенка 2-3 лет. Сопровождающий инвентарь состоял из остатков деревянной чаши, колец из трубчатых костей овцы и бисера. К основному погребению относится находка в насыпи глиняной воронки. Впоследствии в насыпь кургана 14, в самый ее центр, над основным погребением было впущено погребение 1, которое относится, скорее всего, к так называемым переходным от эпохи бронзы к раннему железному веку погребениям. Судя по расположению сдвинутых с места костей человека и сохранившихся *in situ* костей голени и ступни правой ноги погребенного, впускное погребение 1 было совершено в узкой, шириной до 1 метра яме, ориентированной длинной стороной по линии запад-восток. Погребенный был положен головой на запад. При сооружении этого впускного погребения и была, вероятно, выброшена наверх глиняная воронка, найденная в насыпи кургана сразу под дерновым слоем. Погребение переходного времени было также нарушено, скорее всего, уже в историческое время. В северной половине кургана были зафиксированы два детских (младенческих) погребения в деревянных гробах. По всей ви-

димости, была предпринята попытка внести погребения детей в центр кургана, но, поскольку появились кости человека, то все нарушенные кости были сложены обратно и засыпаны.

Курган 13. Географические координаты: Северной широты - 47° 06' 27.5; Восточной долготы - 44° 29' 31.4.

Насыпь кургана 13 имела правильную сферическую форму. Северная пола кургана несколько круче южной. Диаметр кургана 49 метров. Высота от северной полы – 201, с южной полы – 334. Перепад высот связан с тем, что курган был расположен на склоне. Наиболее четко прослеживались по цвету растительности и выраженному понижению часть полукольцевого рва с юго-восточной стороны, а также ров с юго-западной стороны кургана. Оба рва имели подовальную форму и примерно одинаковые размеры. В наиболее широкой части они достигают 13-15 метров, а по краям до 10 метров. На юге оба рва не смыкаются друг с другом, образуя перемычку шириной 7-10 м.

Курган 13 был насыпан в два приема и содержал 7 захоронений восточноманычской культуры и два безинвентарных: сарматское и исторического времени (рис. 2).

Находки в насыпи:

Насыпь, план 1. В центре 1 восточной траншеи, напротив 2 м Ю (0Ю 2 м, 0В 2,5 м), на глубине -197 от «0» найден фрагмент трубчатой кости животного.

Насыпь, план 2. В центре той же 1 восточной траншеи, напротив 4 м Ю (0Ю 4 м, 0В 2,5 м), на глубине -229 от «0» найден фрагмент кости животного.

Насыпь, план 3. В центре 2 восточной траншеи, напротив 3 м Ю (0Ю 3 м, 0В 8 м) на глубине -198 найден фрагмент лепной красноглиняной керамики

Насыпь, план 4. В восточной поле кургана, напротив 2,8 м. Ю (0В 12,8 м, 0Ю 2,8 м) на глубине -210 от «0» был найден каменный жернов. Жернов был положен плашмя, плоской стороной вниз. Сверху жернова найдены рассыпавшиеся фрагменты небольшого предмета из точно такого же зеленоватого цвета камня, как и сам жернов.

Описание: Жернов изготовлен из крупнозернистого песчаника. Диаметр - 32 см, диаметр отверстия - 3 см, толщина в центре 3,5 см, толщина по краям 0,7 см с одной стороны и 3,4 см с другой. Одна сторона жернова плоская. Поверхность ее неровная, с многочисленными выщерблинами. Другая сторона жернова по-вышается к центру и в разрезе образует подконическую форму. Поверхность камня сильно

выветрена и имеет зеленоватый цвет. Форма жернова неровная, в двух местах круглая форма предмета «срезана».

Насыпь, план 5. Кость животного (пястная кость крупного рогатого скота) в 1 восточной бровке с восточной стороны на отметке 12 м Ю, на глубине -276 от «0». При снятии бровки рядом с костью были обнаружены два фрагмента красноглиняной керамики.

Насыпь, план 6. Два фрагмента черноглиняной керамики и фрагмент трубчатой кости были зафиксированы в профиле 1 восточной бровки с западной стороны. Один фрагмент керамики находился на отметке 2,9 м 0С, на глубине -209 от «0». Другой фрагмент находился на отметке 4,3 м 0С, на глубине -219 от «0». Фрагмент трубчатой кости находился на отметке 0,28 м 0С, на глубине -225. При разборке бровки в этом же месте были найдены еще три мелких фрагмента керамики.

Насыпь, план 7. Напротив центрального кола в 1 Западной траншее на глубине -180 от «0» найдены пястные кости тельца и истлевшие фрагменты трубчатых костей.

Насыпь, план 8. В 1 Западной траншее напротив 1 м Ю на глубине -200 от «0» найдена трубчатая кость животного.

Насыпь, план 9. При разборке центральной бровки на отметке 2 м Ю на глубине -45 от «0» найден фрагмент черноглиняной керамики.

Насыпь, план 10. При разборке центральной бровки на отметке 2 м Ю на глубине -100 от «0» найден фрагмент дерева.

Насыпь, план 11. При разборке центральной бровки на глубине -100 от «0» найден камень песчаник округлой формы.

Насыпь, план 12. На отметке 9 м Ю центральной бровки на -290 от «0» была найдена лежащая горизонтально обожженная веточка или тонкий прут.

Насыпь, план 13. При разборке центральной бровки в 172 от «0» напротив центрального кола, чуть выше слоя белого вещества найден отпечаток доски.

Насыпь, план 14. При разборке центральной бровки напротив 030 - 0Ю на глубине -100 от «0» найдено деревянное изделие для добытия огня. Изделие имеет подпрямоугольную форму, со скошенными мягко концами, по центру имеется отверстие для вращения прута. Размеры: длина - 4,3 см, ширина - 1,8 см, толщина - 1,5 см. Диаметр отверстия - 0,6 см.

Насыпь, план 15. При разборке центральной бровки напротив центрального кола на глубине -150 от «0» найден фрагмент обожженной кости.

Насыпь, план 16. При разборке 1 Западной бровки напротив 4,5 м Ю на глубине -222 от «0» найдены верхняя часть лопатки и ребро животного.

По результатам изучения стратиграфии установлено, что курган 13 был воздвигнут в два приема. Первоначальная насыпь 1 была сооружена над основным погребением 10. В профиле 1 западной бровки с западной стороны прослеживался мощный выкид из центральной могилы. Выкид мощностью до 40 см начинался на отметке 4,2 м 0С и заканчивался на отметке 3,5 м 0Ю, т.е. длина его была 770 см. По примерным прикидкам выкид должен достигать объема около 7 куб.м. Выкид был расположен на тонкой прослойке ореховатой глины, разделявшей его от материка и был перекрыт слоем такой же комковатой глины.

В южной поле кургана на уровне отметки 7,5 м Ю в профиле Центральной бровки с восточной стороны и в траншее было прослежено пятно входной ямы и обвалившейся катакомбы погребения 1, выкопанного с уровня древнего горизонта у южной полы насыпи 1. На уровне отметки 7,46-9,46 м Ю в 1 западной бровке с западной стороны был прослежен перерыв погребенной почвы, образовавшийся в результате проседания катакомбы погребения 2. Пятно просевшей катакомбы и входной ямы погребения 2 четко фиксировалось во второй западной траншее. Погребение 2 было также выкопано с уровня древнего горизонта у южной полы насыпи 1. Поверх обоих погребений и их выкидов была произведена хорошо прослеживаемая в профилях досыпка. Досыпка прослеживается в профилях в виде мощных линз серой глины. Досыпку можно также проследить по расположению и форме линз темной глины и светлой супеси в насыпи, а также по абрису слоя аккумуляции соли, который в южной половине кургана идет на понижение и потом снова на повышение, четко обрисовывая досыпанную часть насыпи. Можно предполагать, что насыпь 1 в северной поле заканчивалась там, где в профиле заканчивается перемешанный слой насыпи, поверх которого находился только слой мощностью от 40 до 60 см однородной светлой глины, который часто называют слоем промерзания или панцирным слоем. Перемешанный слой насыпи в северной поле заканчивается на отметках 10 м С в центральной бровке с восточной стороны и в 1 западной бровке с западной стороны. Исходя из того, что на отметках 8 и 9 метров 0Ю были устроены могилы 1 и 2 у полы насыпи 1, можно предполагать, что диаметр насыпи 1 достигал примерно 18-19 метров.

Судя по отметкам, на которых заканчивался панцирный слой насыпи кургана и начинался слой темной глины, сползшей с вершины кургана, можно предполагать, что первоначальный диаметр насыпи 2 достигал в диаметре 33 метра. В северной поле панцирный слой заканчивается на отметках 13 м С, а в южной поле на отметке 20 м Ю. Для изучения стратиграфии рва с юго-восточной стороны кургана была заложена траншея шириной 1 м вдоль 1 восточной бровки. Траншея была заложена от отметки 14 м Ю и продолжена до отметки 38 м Ю. Темное гумусированное заполнение рва начиналось на отметке 21 м Ю и продолжалось до отметки 36 м Ю. Глубина рва достигала максимальной отметки -430-420 от «0» на отрезке 24-33 м Ю. Все приведенные данные подтверждают, что первоначальные границы кургана после досыпки проходили приблизительно от 13 м С до 20-21 м Ю, т.е. 33-34 м.

В таком случае можно предполагать, что каменный жернов (насыпь план 4) был положен у самого края восточной насыпи 2, по крайней мере на 2-4 метра восточнее, за пределами насыпи 1.

В отношении впускных детских погребений (номер 5, 6 и 7) в северо-восточной части кургана имеются только косвенные данные об их стратиграфическом положении. Все они располагались на самом краю реконструированной насыпи 1, почти в поле кургана. С другой стороны, если бы они были устроены в насыпь 2, то в отличие от впускного погребения 3 не были прослежены их следы в насыпи, и пятна начали проследиваться только ниже уровня материка. Кроме того, входные ямы детских погребений были настолько миниатюрных размеров, что выкапывание их было возможно только при их незначительной глубине от дневной поверхности. Эти факты склоняют к мысли, что они все-таки были устроены у северо-восточной насыпи 1. Тогда они должны занимать стратиграфическое положение после основного погребения. Второй их особенностью является то, что они располагались в непосредственной близости друг к другу. Судя по очень близкому расположению друг к другу, эти могилы были устроены в довольно короткий промежуток времени. По всей видимости, на поверхности кургана существовали какие-то отметки. Северный край камеры погребения 5 и южный край камеры и входной ямы расположенного к северу от него погребения 6 разделяет немногим больше метра. Входная яма погребения 7 прорезает входную яму погребения 6, не нарушая ту часть входной ямы, где был по-

ложен глиняный сосуд, и проходит у края входа в камеру погребения 6, не задевая его. Столь компактное расположение погребений свидетельствует об их хронологической близости и принадлежности к единому комплексу.

Стратиграфическое положение погребения 3 устанавливается довольно уверенно. Судя по прослеженной в верхнем слое профилю 2 западной бровки линзы материкового желтого песка-выкида, это погребение было впущено в насыпь 2. Для сооружения этого погребального комплекса в насыпи кургана предварительно была устроена обширная рабочая площадка. Южная стенка площадки четко прослеживалась во 2 западном профиле с западной стороны. По дну площадки прослеживались четко две крупные линзы выкида из входной шахты погребения. Глубина рабочей площадки достигала 1-1,4 м от современной поверхности насыпи, прослеженная длина площадки в направлении север-юг достигала 10 метров. Таким образом, оно является наиболее поздним погребением в кургане 13.

В заключение стоит отметить наличие в материке «жил» темно-красной глины. Они зафиксированы в шести профилях, в центральной бровке даже два раза. Все они имели протяженность около двух метров. В центральном профиле с восточной стороны прожилки темно-красной глины встречены между 1-3 м Ю и между 15,5-17 м Ю; в первом западном профиле с западной стороны - на отметках 1,2-3,8 м Ю; во втором западном профиле с восточной стороны - на отметках - 14-17 м Ю; в третьем западном профиле с западной стороны - на отметках 4,4-6,4 м Ю. В восточной части кургана они встречены только дважды; в первом восточном профиле с восточной стороны - на отметках 9,9-12,6 м и во втором восточном профиле с восточной стороны - на отметках 2-4 м Ю. Поскольку не прослеживается последовательного прохождения «жил» темно-красной глины от профиля к профилю, можно предположить, что это были пятнообразно расположенные вкрапления в материке естественного происхождения. Интересно, что все семь вкраплений темно-красной материковой глины локализируются в южной поле кургана, т.е. они характерны для почвы возвышенности на этом участке.

Насыпь 1 диаметром 18-19 м была возведена над центральным погребением 10. Вся площадь с восточной и юго-восточной сторон центрального погребения полукольцом и круглая платформа, возведенная над ямой, были засыпаны мощным слоем вещества белого

цвета. С северо-западной и западной стороны центральное погребение было также «окольцовано» мощным выкидом материкового желтого песка. Над самим погребением была сооружена платформа круглой формы диаметром 3-3,2 м, высотой от уровня древней поверхности до 0,5 м. Платформа была также засыпана веществом белого цвета (рис. 3). Впоследствии этот слой осел в засыпь ямы в виде воронки. Основное погребение 10 было совершено в яме приталенной формы, с заплечиками по всему периметру ямы. На дне ямы, под костяком погребенного, находилась мощная прослойка порошкообразной засыпи, мощностью до 20 см, которая могла образоваться в результате истлевания «подстилок» или «подушек», на которые был уложен погребенный ребенок 5-7 лет, скорченно, на левом боку, головой на восток. Погребенного ребенка сопровождал богатый и разнообразный инвентарь: бронзовый нож, бронзовое шило с деревянной рукоятью, бронзовый крюк с деревянной рукоятью, огромный реповидный сосуд, альчики, костяные подвески. За головой погребенного находилось скопление бронзовых и пастовых бус, по расположению которых можно восстановить, что это был пояс, расшитый бусинами и сложенный в мешочек или сумочку. Перед лицевыми костями у стенки ямы стояло деревянное плоское блюдо прямоугольной формы. Под костями ребенка в районе поясицы были обнаружены фрагменты пояса, расшитого тремя плотно прилегающими рядами бисера, образующего цветочный орнамент. На уровне заплечиков яма была перекрыта настилом из широких и массивных досок. Выше перекрытия в западной стене ямы была сооружена небольшая камера с захоронением ребенка 7-10 лет, положенного скорченно на левом боку, головой на север. В голове погребенного был поставлен сосуд, в ногах находился камень прямоугольной формы с продольным желобком по центру, так называемый выпрямитель древков стрел. После засыпки ямы с детскими погребениями над ней была сооружена платформа круглой формы, поверх которой была сделана мощная насыпь минерального вещества белого цвета. После сооружения насыпи 1 над центральным погребением в восточную полу кургана были внесены три детских погребения, также с разнообразным инвентарем. Погребения 1 и 2, содержавшие захоронения женщин с ребенком, были устроены одновременно в южной поле кургана, и над ними была сооружена насыпь 2, которая в значительной степени увеличила размеры кургана.

Наиболее богатым и интересным инвента-

рем отличалось самое позднее погребение, совершенное в обширной катакомбе с углубленной канавкой по периметру стен, возможно, следы конструкции некоего «балдахина» (рис. 5, 6). Во входной яме погребения 3 были обнаружены остатки четырехколесной повозки: фрагменты трех колес диаметром около 40 см и фрагменты кузова из продольных досок и плетеного короба. Отсутствие отверстия для продевания оси в колесах, неощукренные от коры участки на деревянных частях и грубая обработка краев изделий свидетельствуют о бутафорском назначении повозки.

Для консервации дерева и снятия колес были приглашены реставраторы по дереву из археологического центра «Наследие» (г. Ставрополь). Колеса были доставлены в центр для дальнейшей реставрации в лабораторных условиях.

На дне камеры, вдоль длинной глухой стены камеры, были обнаружены останки погребенной женщины 17-20 лет. Погребенная была положена на левом боку скорченно, головой на юг. Череп погребенной был расположен на левом боку. Руки были опущены вдоль туловища, кисти находились на бедренных костях. Бедренные кости были расположены под прямым углом к оси туловища, кости голени - под острым углом к бедренным костям. Ступни ног были направлены носками вниз. Около дистальных концов голени и пяточных костей погребенной были зафиксированы мелкие косточки. После снятия костей выяснилось, что косточки принадлежат неродившемуся младенцу 7 месяцев внутриутробного развития. В процессе разложения трупа плод выскользнул из тела матери и оказался в ее ногах.

В голове погребенной был поставлен крупный реповидный сосуд с орнаментальным пояском на плечиках. Орнамент в виде защипов пальцами. На верхней части сосуда имеются следы поливы. Сосуд взят во фрагментах, примерный диаметр тулова сосуда - 60 см (план 1). Между коленным суставом погребенной и входом в катакомбу были обнаружены остатки деревянного плоского блюда прямоугольной формы (план 2). Размеры: 35 x 25 см. Блюдо было поставлено длинными сторонами поперек камеры. На западном краю деревянного блюда был положен бронзовый фигурный нож (план 5). Рядом с деревянным блюдом был прослежен отпечаток круглой деревянной площадки с содержимым, оставившим тлен плотной структуры желтого цвета. От стенок площадки остался четкий отпечаток в земле. К сожалению, этот отпечаток был нечаянно разрушен до его фотографирования. Но на дне ямы остался

желтый тлен от заполнения плошки круглой в плане фомы, диаметром – 10-15 см.

На дне камеры под погребенной и вокруг скелета прослеживался тлен белого цвета с остатками плетения растительного происхождения. Видимо, погребенная была положена на циновку, края которой не выходили далеко за пределы скелета. Инвентарь, а именно сосуд и деревянное блюдо были положены непосредственно на дно камеры. Остатки циновки под ними не прослеживались.

Поверх циновки прослеживались разноцветные (красного, черного и оливкового цветов) остатки и отпечатки текстиля, которые относились, видимо, к покрывалу, накрывавшему погребенную. Остатки ткани были сконцентрированы вокруг скелета, и не шли дальше до краев циновки. Между костями ступней и дистальной части голени с их латеральной части были зафиксированы остатки текстиля красного, оливкового, коричневого почти черного цветов. Возможно, это остатки орнамента ткани. Между бедренными и костями голени наблюдался фрагмент текстиля с черным крестообразным изображением на красном фоне. Тем не менее, трудно утверждать, что это действительно был орнамент. За костями таза и поясничным отделом позвоночника прослежены мелкие фрагменты текстиля уже названных цветов. Перед скелетом, особенно в районе костей предплечья и бедренных костей, фиксировались многочисленные отпечатки и остатки текстиля оливкового и кремового цвета. Перед плечевыми костями и на лицевой части черепа были представлены остатки ткани всех названных цветов. Остатки ткани на лицевой части скелета плавно опускались на циновку на дне камеры, что лишний раз подтверждало мысль, что погребенная была действительно покрыта тканью, но не завернута в нее.

Остатки текстиля, найденные под костями скелета, могли быть остатками одежды погребенной. Особенно хорошо сохранились фрагменты под тазовыми костями и под левой лопаткой погребенной. Также хорошо сохранились фрагменты под костями предплечья левой руки. В этом месте сохранились не только фрагменты текстиля, но и двойной ряд пастового бисера.

Как уже отмечалось, остатки ткани на черепе плавно опускались вниз с черепа ко дну камеры. Таким же образом был расположен тройной ряд пастовых и бронзовых бусин, которые опускались поперек лба погребенной ко дну камеры. Левый ряд состоял из кольцевидных и круглых пастовых бусин светло-голубого

и белого цветов. Средний ряд состоял из чередования двух бочонковидных бронзовых бусин и 5 кольцевидных и круглых пастовых бусин также светло-голубого и белого цветов. В нижнем конце среднего ряда были нанизаны 8 круглых бронзовых бусин. Правый ряд состоял также из пастовых бусин; наблюдается чередование 4-5 кольцевидных бусин и круглой бусины. Начало этой трехрядной низки бус было, возможно, на правом виске, где были найдены несколько бронзовых бусин. Эта трехрядная низка бус не была нашита на налобную повязку или другой головной убор, а висела свободно вниз. Об этом свидетельствует расположение бусин по отношению одной к другой. К тому же на одном конце нанизаны бронзовые бусины для отвеса.

Бусы, которые были найдены на дне камеры в районе верхней челюсти, и несколько бусин, найденных около подбородка, могли относиться ко второй низке, висевшей симметрично первой на левом виске. Несколько бусин, найденных под черепом с левой стороны, как будто подтверждают это предположение. Найденные среди них кольцевидные сердоликовые бусы могли относиться к другому украшению или были нашиты на покрывало.

Инвентарь:

1. Шило бронзовое, четырехгранное в сечении. Длина – 2,8 см. ширина – 0,5 см. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 7).

2. Нож бронзовый фигурный. Длина – 18,2 см, максимальная ширина – 4,2 см, минимальная ширина – 3 см. Длина штыря – 4,5 см. Толщина – 0,4 см. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 2.

3. Сосуд глиняный лепной реповидной формы с орнаментов в виде пальцевых защипов на плечиках, со следами поливы. Взят во фрагментах. В реставрации. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 1.

4. Бусы сердоликовые кольцевидные 9 шт. Бусы пастовые, кольцевидные 4 шт. Найденны под подбородком. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 4.

5. Бусы пастовые 85 штук. Бусы бронзовые – 13 шт. Найденны на черепе в виде трехрядной низки. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 4.

6. Бусы пастовые кольцевидные 22 штуки, бочонковидные – 13 штук. Бусы бронзовые 23 штуки. Найденны перед нижней челюстью. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 4.

7. Бусы пастовые кольцевидные 71 штука. Бусы бронзовые – 15 штук. Под костями предплечья (кистей рук). Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 4.

8. Бусы пастовые кольцевидные 118 штук.

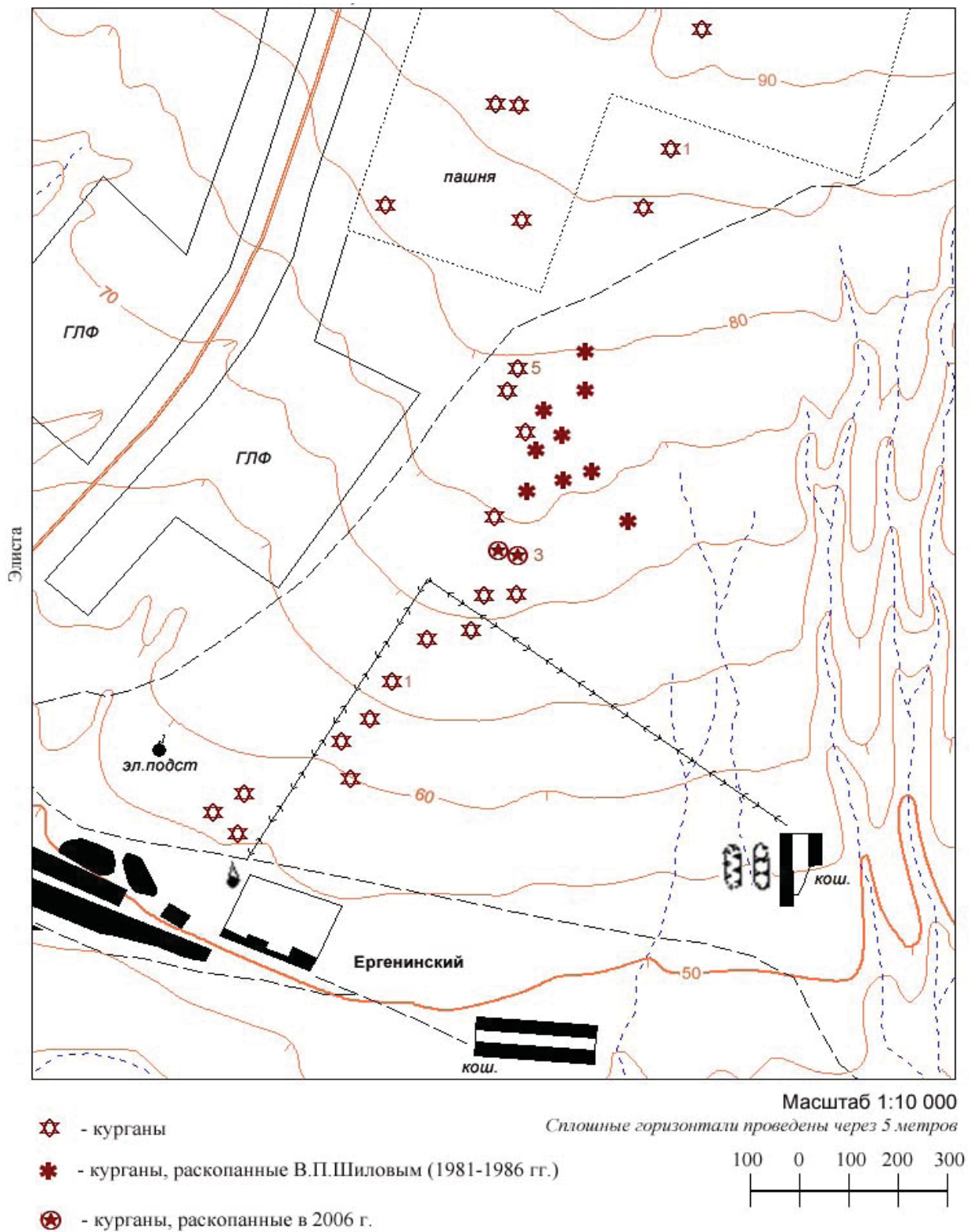
Бусы бронзовые, фигурные – 18 штук. Найдены около кисти правой руки. Шифр: Ерг-1-2007 13/3, план 4.

Сопровождающий инвентарь остальных погребений из кургана 13 состоял из набора предметов, обычных для восточноманьчской культуры: реповидные сосуды, кубки, бронзовые ножи, костяные изделия, бронзовый и пастовый бисер. Кенотаф из камеры 2 погребения 2 содержал набор инвентаря, включавший кости задней ноги овцы. Благодаря значительной глубине погребений в них зафиксированы остатки текстиля и кожаных изделий.

По образцам из впускных погребений 13 и основного погребения 14 кургана получены результаты радиоуглеродного анализа, датирующие их второй половиной 3 тысячелетия до н.э., что не противоречит общепринятым хронологическим рамкам восточноманьчской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорьков А.Н., Гак Е.И., Шишлина Н.И. Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом веке. Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. 77-78.
2. Гак Е.И. О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 2004. 47-48
3. Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. Рукопись монографии. Архив КИГИ РАН. Описание 14, 22.
4. Шишлина Н.И., Александровский А.Л. К хронологии предкавказской катакомбной культуры // Археология. 3. 1999.
5. Шилов В.П., Цуцкин Е.В. Исследования Волго-Донской экспедиции. М., 1986. 160-161.

Илл.2 Топографический план курганной группы Ергенинский-1

84

Рис. 1. Ергенинский-1. План курганной группы. Составлен В.Ц. Дюмкеевой.

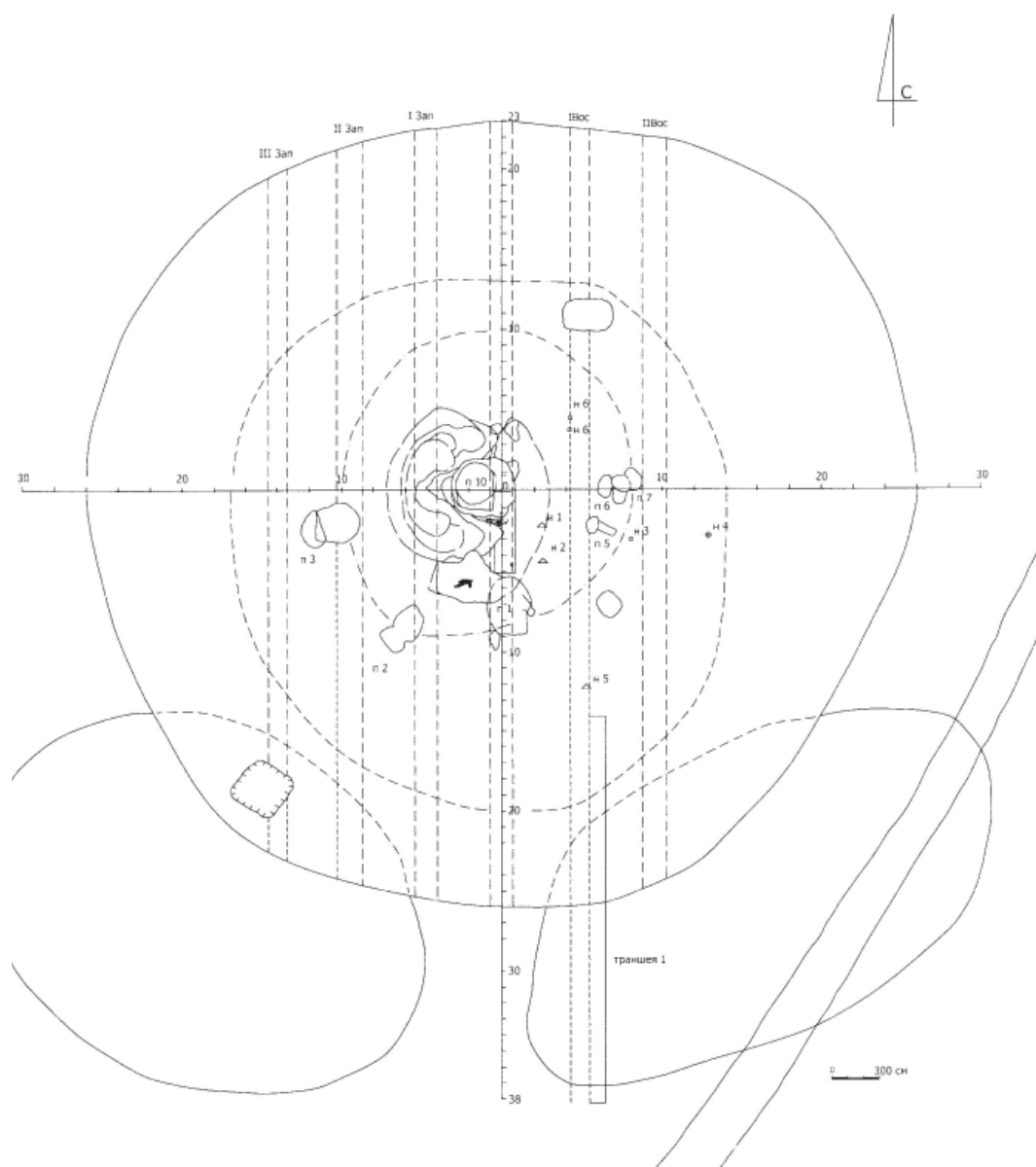

Рис. 2. Ергенинский –1. Курган 13. Общий план кургана.

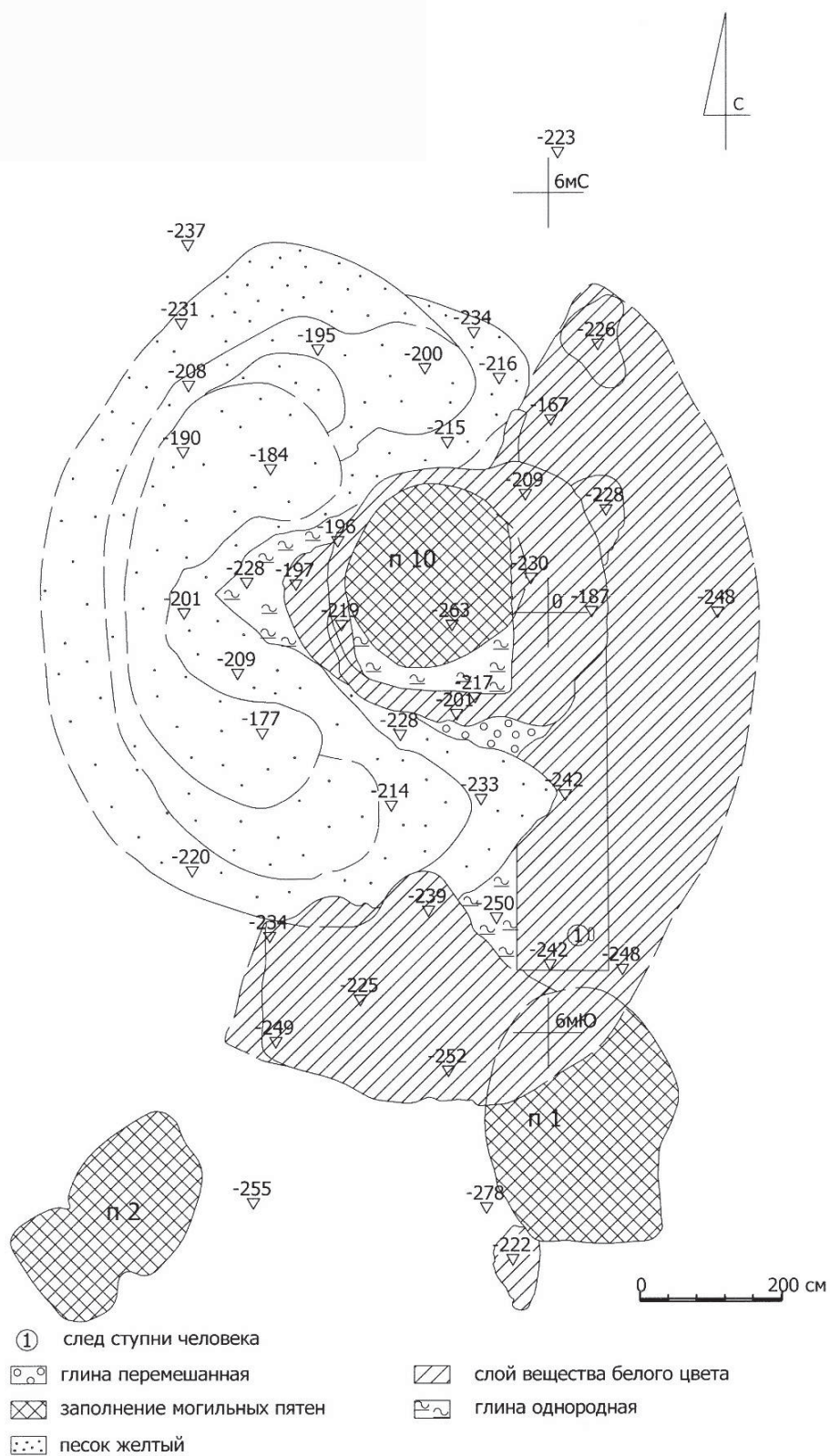

Рис. 3. Ергенинский-1. Курган 13. План центральной части кургана.

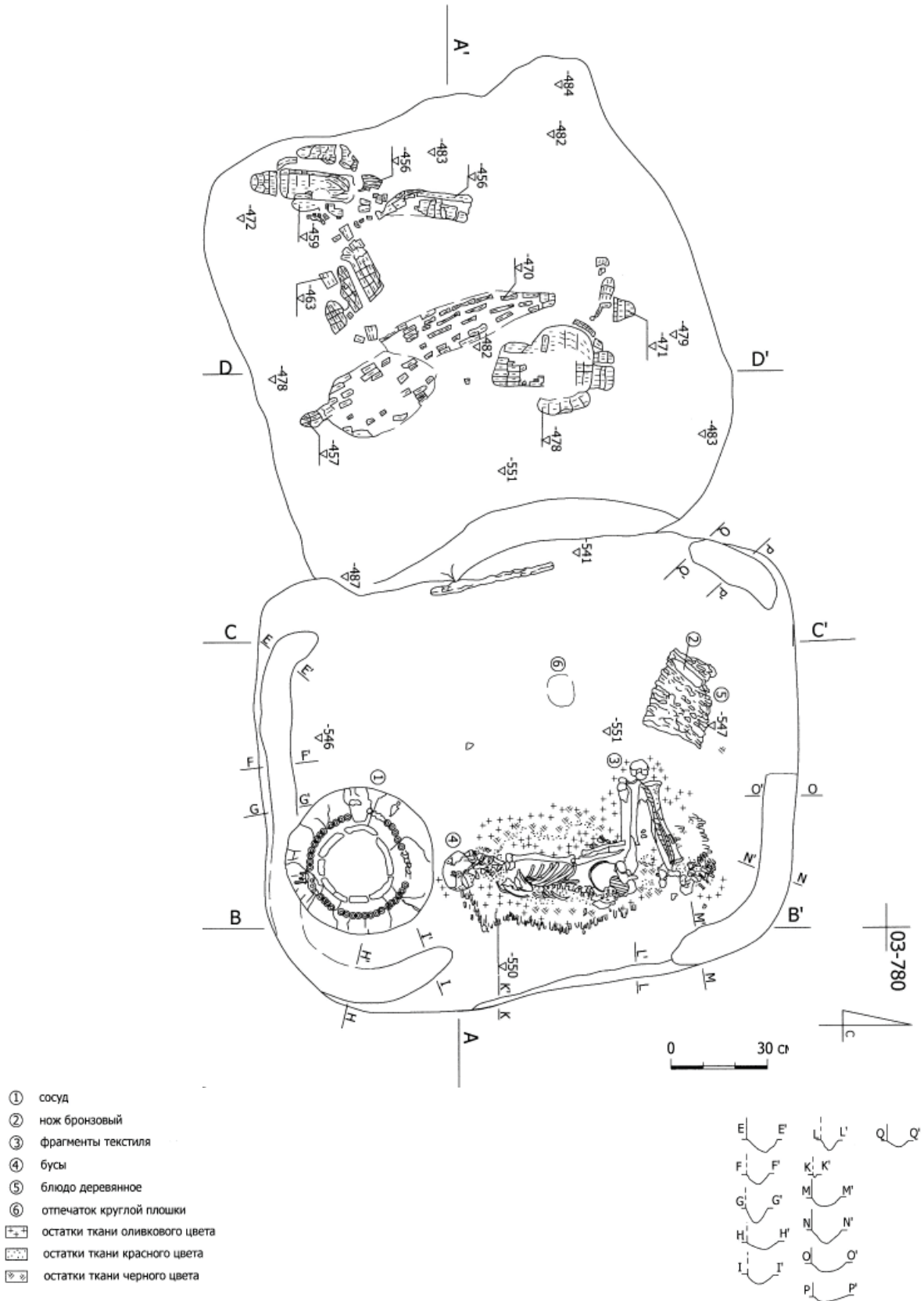

Рис. 4. Ергенинский-1. Курган 13. Погребение 3. План.

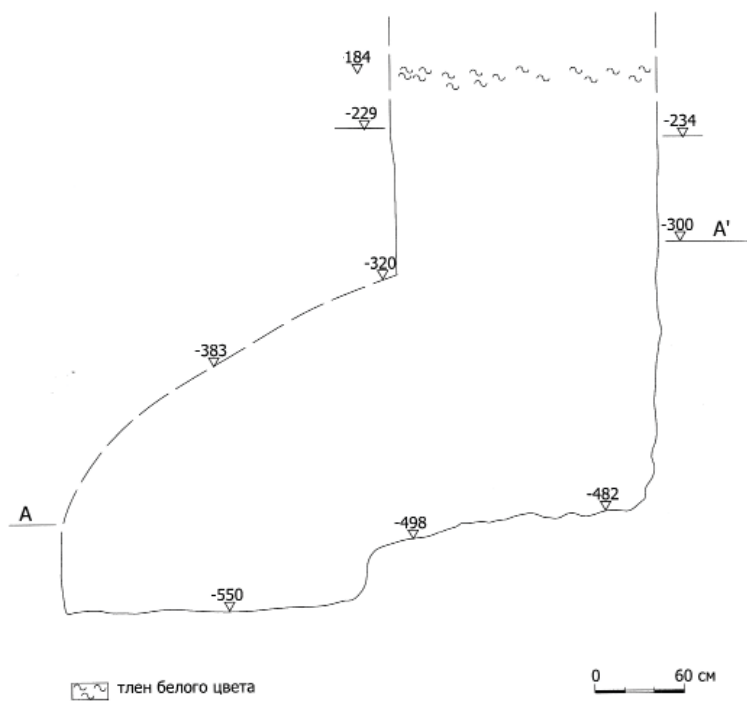

Рис. 5. Ергенинский-1. Курган 13. Погребение 3. Разрез А-А.

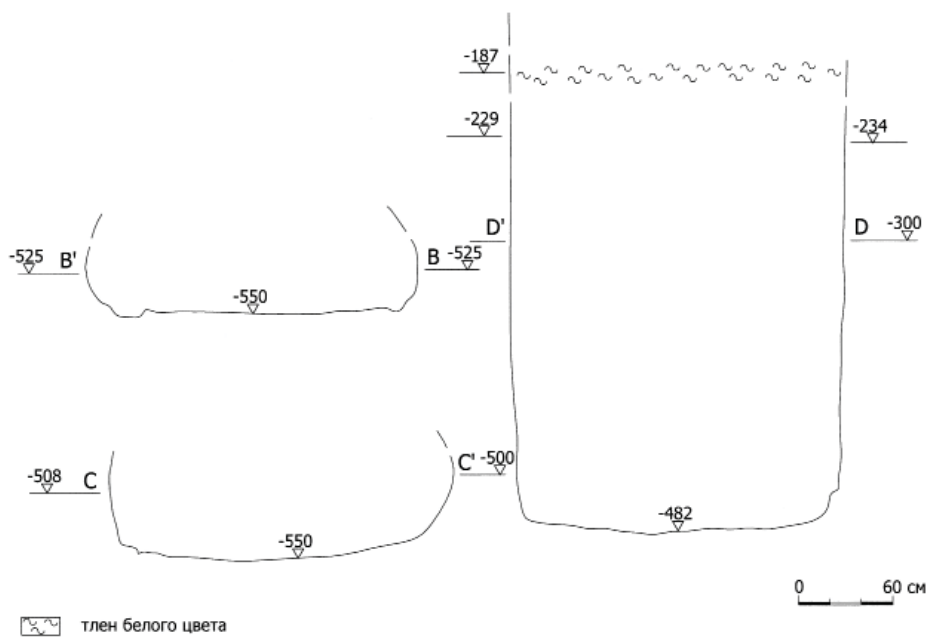

Рис. 6. Ергенинский-1. Курган 13. Погребение 3. Разрезы.

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДНО-АНТРОПОГЕННЫХ ЭКОСИСТЕМ
КУМО-МАНЫЧСКОЙ ВПАДИНЫ
(по материалам полевых экспедиций)**

Л.Н. Ташнинова, Д.А. Буваев, Н.М. Богун, А.Г. Санджиева

Представлены результаты почвенно-геоботанических, археологических и гидрохимических исследований, выполненных во время полевых экспедиций в районе Кумо-Маньчской впадины.

Ключевые слова: экосистема, мониторинг, экотонная зона, дистанционное зондирование, гидрология, ландшафтные индикаторы, древние дороги.

The paper is devoted to description of soil, geobotanical, archeological and hydrochemical researches executed during field expeditions in area Kumo-Manych.

Keywords: Ecological system, monitoring, ecoton zone, remote sounding, hydrology, landscape indicators, old roads

Изучение степей Калмыкии началось в XVIII веке. Первые исследовательские работы на Маньче были проведены экспедицией под руководством П.С. Палласа [1], установившего бифуркацию устья Калауса. Спустя почти 100 лет этот район исследовал К.М. Бэр [2, с. 52-53], доказавший наличие в Маньчской впадине двух рек: Западный и Восточный Маньч, текущих в противоположных направлениях. В 1860 году с целью хозяйственного, статистического и научного исследования Калмыцкой степи была организована Кумо-Маньчская экспедиция под руководством полковника К.И. Костенкова. Экспедицией был обследован обширный район площадью более 55 тыс. кв. км. По материалам экспедиции был опубликован фундаментальный труд «Калмыцкая степь Астраханской губернии» [3, с. 48-76]. Экспедиция Русского географического общества во главе с Н.Я. Данилевским в 1866 году была посвящена изучению Маньчской долины. В 1920–1940-х годах естественную кормовую площадь Калмоласти изучал П.П. Бегучев [4, с. 46-66; 5, с. 45-57]. Он проанализировал современное состояние растительности и перспективы рациональной организации, а также производительность кормовых угодий. В 70-90-х гг. XX столетия почвенно-геоботанические обследования хозяйств Республики проводились Калмыцким филиалом института «Южгипрозем» [6]. В 1990-х годах, в связи с изменившейся социально-экономической обстановкой в России, почвенно-геоботанические исследования практически не проводились. В последующие годы мониторинг природных экосистем Калмыкии осуществляли сотрудники исследовательской группы по экологии КИГИ РАН и лаборатории экологии степи Южного научного центра РАН, образованной в 2004 г. Основной их задачей являются комплексные исследования Калмыцкой степи. Территория Калмыкии характери-

зуется сильной пространственной изменчивостью природных условий и экологических факторов – морфоэлементов, водно-физических и агрохимических свойств почв, залегания грунтовых вод, антропогенных нагрузок, климатических условий, определяющих экологический потенциал и продуктивность природных экосистем. Основной источниковой базой данных о современном состоянии природной среды региона являются регулярные экспедиции. Сотрудниками лаборатории в 2008 г. было проведено 6 полевых выездов: 3 на озеро Маньч-Гудило, 2 в район Чограйского водохранилища, 1 на р. Кума, в Прикаспийскую низменность. В осуществлении экспедиций и предоставлении транспортного средства оказано всемерное содействие членом Президиума ЮНЦ РАН, директором КИГИ РАН Н.Г. Очировой.

В комплексных экспедиционных исследованиях принимали участие сотрудники исследовательской группы по экологии КИГИ РАН и лаборатории экологии степи ЮНЦ РАН: руководитель экспедиции к.б.н. Л.Н. Ташнинова – почвовед, физико-географ; н.с. Н.М. Богун – геоботаник; н.с. Д.А. Буваев – специалист в области космического природопользования; м.н.с. А.Г. Санджиева – инженер-эколог, специализация – гидрология, Н.Г. Буренов – водитель (рис. 1).

Основная цель экспедиционных работ – проведение комплексного мониторинга природно-антропогенных экосистем Кумо-Маньчской впадины на примере ключевых участков.

Основные задачи исследований

1. Исследование антропогенной трансформации природных экосистем.
2. Изучение биологического разнообразия степной растительности.

3. Исследование гидрохимического режима водных объектов.

4. Выявление археологических объектов с применением материалов дистанционного зондирования Земли (МДЗЗ) и изучение среды обитания древнего населения Калмыкии.

Основные объекты исследований

Основным объектом исследований является Кумо-Маньчская впадина, расположенная в южной части Республики Калмыкия на протяжении около 500 км (рис. 1). Из-за большой протяженности района исследований и особенностей в природно-географическом районировании вся территория разделена на 3 части.

1. Западная часть: экотонная зона оз. Маньч–

Гудило, включая северный и южный берега озера, его притоки, лиманы, реликтовую озерную сеть. Западной границей является Пролетарское водохранилище, восточной - водораздельная часть Западного и Восточного Маньчей, в районе озера Лысый Лиман (рис. 2).

2. Южная часть: вся система Восточного Маньча, от водораздела в районе озера Лысый Лиман на западе до системы Состинских озер на востоке. Включает также Чограйское водохранилище с притоками, каналами, озерными системами и прилегающей береговой линией (рис. 3).

3. Восточная часть: Черные земли Прикаспийской низменности, долина реки Кума до впадения ее в Каспийское море (рис. 4).

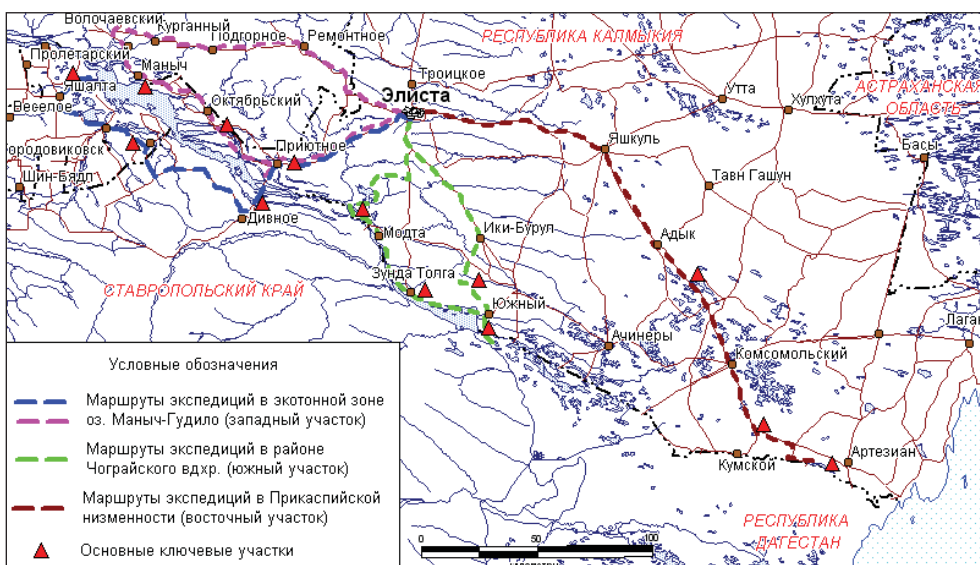

Рис. 1. Сводная схема маршрутов полевых экспедиций 2008 г. с основными ключевыми участками.

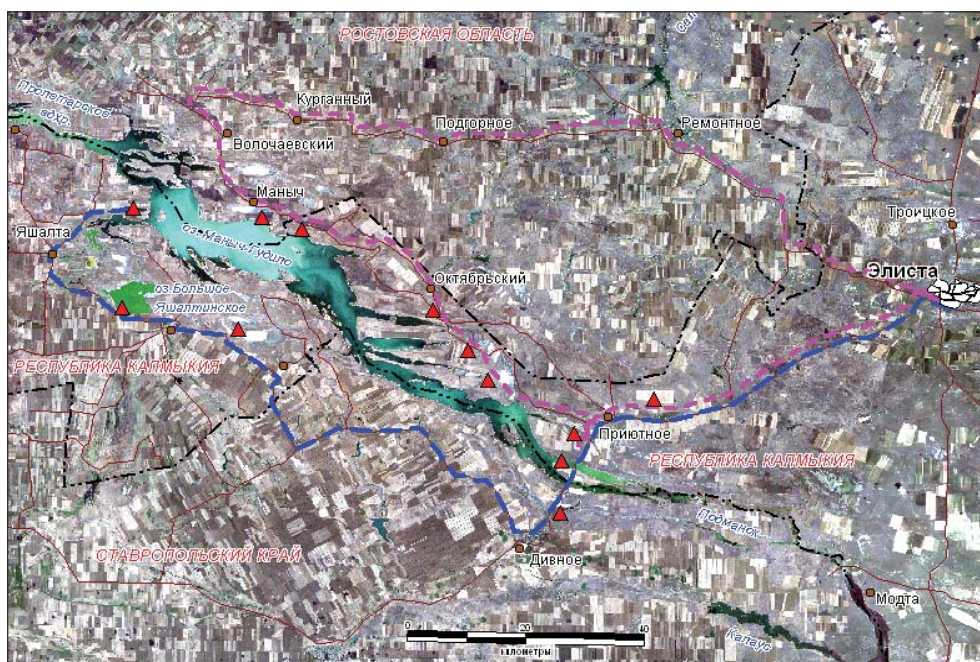

Рис. 2. Маршруты полевых экспедиций с ключевыми участками в экотонной зоне оз. Маньч – Гудило (западная часть Калмыкии). Фрагмент космоснимка Landsat-7.

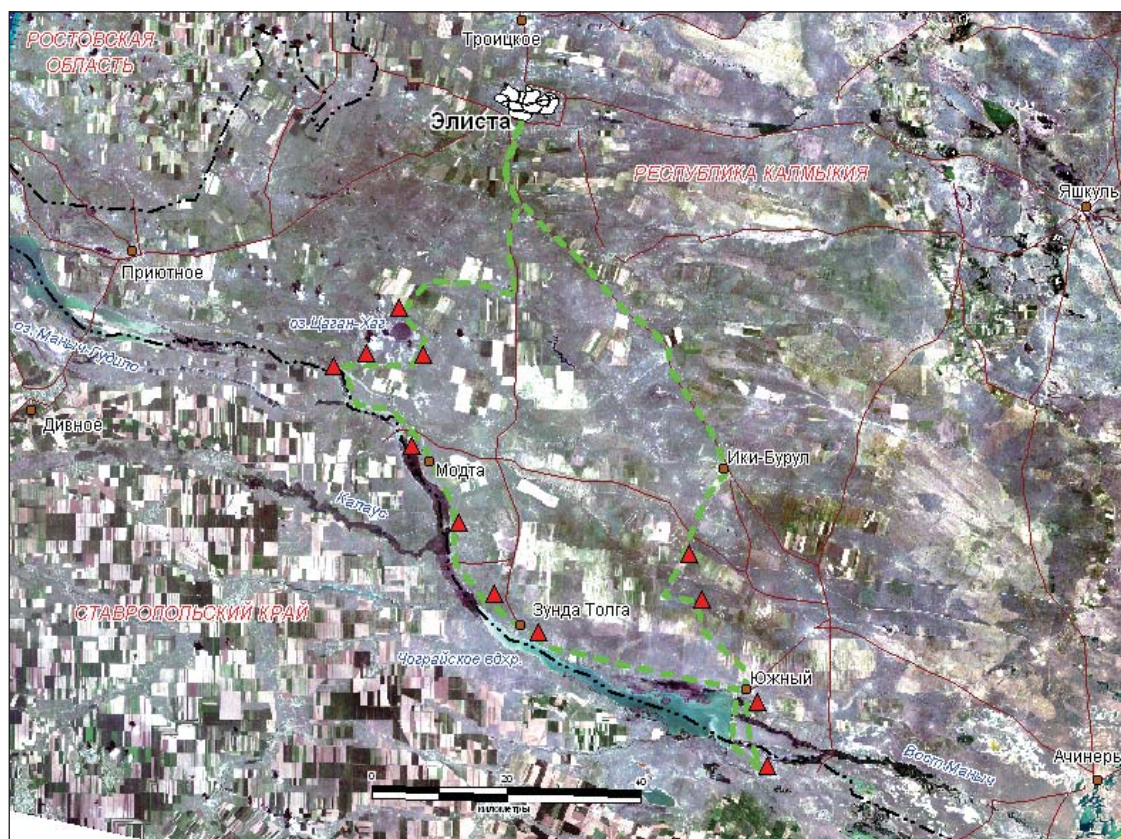

Рис. 3. Маршруты полевых экспедиций с ключевыми участками в экотонной зоне Чограйского водохранилища и южной части Ергенинской возвышенности (южная часть Калмыкии). Фрагмент космоснимка Landsat-7.

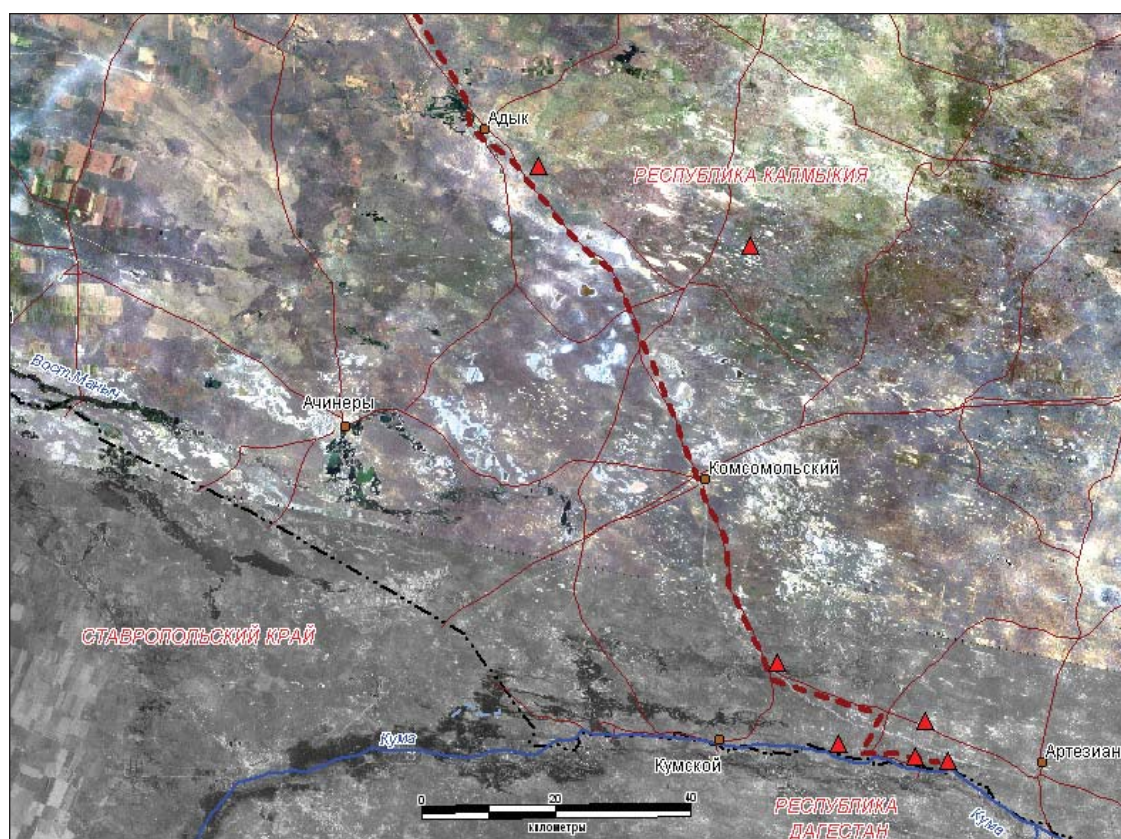

Рис. 4. Маршруты полевых экспедиций с ключевыми участками в Прикаспийской низменности (Черноземельский р-н) и в долине р. Кума (восточная часть Калмыкии).

Методика полевых исследований

Для решения поставленных задач использовался многокомпонентный комплексный подход, включающий полевые (маршрутные и ключевые) и лабораторные исследования. При исследовании пространственной структуры экосистемы использовали метод трансект и почвенно-экологических профилей.

Изучаемые показатели состояния наземных и водных экосистем (абиотические и биотические):

- видовое разнообразие;
- биомасса;
- биопродуктивность;
- популяционная динамика определенных видов (хозяйственно-ценных, индикаторных, охраняемых);
- сезонные изменения;
- почвенное разнообразие (микрорельеф, структурная морфология, солевой и гранулометрический и химический состав, антропогенная трансформация и т.д.);
- уровень и формы антропогенной деградации (опустынивание, пастбищная дигрессия, засоление, заболачивание, загрязнение, техногенные факторы и т.д. [7].

Почвенно-геоботанические методы.

- Исторический (использование фондовых материалов по изучаемому объекту);
- Сравнительно-географический (естественная специфика экосистем в биосферном режиме и состояние изучаемого объекта в едином географическом пространстве; другие сопоставления);
- Метод сопряженного изучения экосистем (использование индикационного, геофизического и геохимического методов);
- Использование материалов дистанционного зондирования Земли;

Изучение экотонных систем «вода-суша» связано с использованием закономерностей трансформации природных комплексов под влиянием условий среды, как в пространстве, так и во времени.

Теоретическое представление о водно-наземном экотоне и его структурно-функциональной организации предложено В.С. Залетаевым [8]. Он предложил модель «вода-суша» в виде нескольких структурных блоков, различающихся величиной и периодичностью увлажнения, рельефом местности, составом видов, динамикой и скоростью реакции биоккомплексов на изменение режима водного объекта, режима грунтовых вод и качества воды.

Полевые исследования проводились согласно методике биогеоэкологических ис-

следований [9]. Для проведения научно-исследовательских работ проводились следующие программные мероприятия: изучались материалы предыдущих почвенных и геоботанических обследований в хозяйствах Яшалтинского, Приютненского и Черноземельского районов Республики Калмыкия, осуществлялся подбор ключевых участков, изучались природные и антропогенные факторы, оказывающие влияние на состояние растительности региона, производилась обработка фондового и литературного материалов. Ключевые участки закладывались на различных типах почв, с различным типом увлажнения, на разном удалении от береговой линии озера Маныч-Гудило, Чограйского водохранилища и других водоемов Кумо-Манычской впадины.

Основа для оценки биоразнообразия сообществ любой территории – теоретические представления о структуре ненарушенных сообществ и о потенциальной флоре. Эти представления могут быть конкретизированы в результате исследования литературы и фондовых материалов по данному региону. Поскольку современный растительный покров в очень большой степени преобразован хозяйственной деятельностью, при выборе участков для геоботанических исследований следует постоянно помнить, что наиболее часто повторяющиеся сообщества, скорее всего, представляют собой варианты наиболее широко распространенных типов хозяйствования. Исследование только таких сообществ не может дать представления о видовом составе и структуре ненарушенных или малонарушенных растительных сообществ данного региона. Уникальные сообщества, физиономически принципиально отличающиеся от типичных, могут обладать многими или отдельными чертами слабо нарушенных сообществ. В связи с этим, в ходе исследования территории составлялись списки физиономически отличающихся типов сообществ с указанием для каждого типа, является ли он типичным, часто встречающимся или уникальным.

Анализ растительного покрова производится путем заложения серии ключевых участков. При выборе таких участков следует обращать внимание на следы хозяйственной деятельности и стараться выбрать наименее преобразованные участки. Типовое геоботаническое описание состоит из двух частей: описание – общие сведения о ключевом участке и список встреченных на площади видов с указанием обилия каждого вида в каждом из ярусов.

Гидрохимические методы.

Актуальность проведения комплексных исследований водных объектов обуславливается следующими причинами:

- ухудшением качественного состава и изменением количественных показателей водных объектов в районе исследований;
- катастрофической потерей биоресурсов региона;
- возникновением санитарно-гигиенической и социально-экономической напряженности в регионе.

Целью работ является совершенствование принципов экосистемных исследований, рационального использования и охраны водных ресурсов региона. Основные ключевые направления исследований:

- анализ исторической сукцессии водных экосистем района;
- оценка современного состояния и динамика качественного состава водных источников: подземных вод (родников и артезианских скважин), поверхностных источников (озера, водохранилища, реки);
- разработка рекомендаций по предотвращению негативных последствий хозяйственной деятельности, обоснование природоохранных и
- компенсационных мероприятий по восстановлению и оздоровлению экологического состояния объектов районов работ;
- влияние водных объектов на состояние экотонных систем.

Полевые работы проводились с использованием стандартных общепринятых гидробиологических методов в соответствии с руководствами, инструкциями и рекомендациями:

- определение на местности ключевых участков, описание состояния данного объекта;
- отбор образцов, фотофиксация и географическая привязка с помощью приборов глобального позиционирования;
- обработка образцов в лабораторных условиях, анализ количественного и качественного состава водных объектов.

Итогом исследований является характеристика современного состояния количественных и качественных показателей на водных объектах и их связь с прилегающей экосистемой.

Аэрокосмические методы.

Новые методы изучения и освоения природных ландшафтов основаны на использовании системного подхода, получившего широкое распространение с применением аэрокосмических материалов и геоинформационных техно-

логий. Суть метода основана на комплексной обработке дистанционных (аэрокосмических) и традиционных (наземных) данных на всех этапах полевых выездов на ключевые участки и выявления дешифровочных признаков, характерных для исследуемой территории. Выделяются два основных объекта изучения: ландшафтное строение участка и степень антропологической нагрузки. Основные объекты изучения, являющиеся индикаторами геодинамического и неотектонического строения территорий и акваторий:

Ландшафтное строение.

- Рельеф – один из важнейших показателей внутреннего строения. Формы рельефа подразделяются на основные (современные) и скрытые (более древние, полупогребенные). Для акваторий характерно изменение береговой линии, уровня морей, строение устьевой зоны рек.

- Геоклиматический фактор – солнечная активность, температурный показатель, засушливость, влажность, осадконакопление и т.п. Атмосферные явления: строение облачного покрова, туманности, испарение с водной поверхности – можно выделить в особый объект исследований, в целом отражающий глубинное строение и проецирующийся на территории в виде линеаментов и узловых точек пересечения полей [10]. Как правило, данные линеаменты приурочены к зонам флексурно-разрывных нарушений и граничным зонам геофизических полей [11].

- Гидрографическая сеть – как часть рельефа с одной стороны, и как показатель климатических, геофизических и тектонических процессов. Особое значение имеют источники подземных вод (родники, артезианские скважины и т.п.) как важнейшие показатели глубинного строения и подземного водотока.

- Почвенно-растительные – распределение и структура почвенного и растительного покрова как индикаторов строения рельефа и показателя биопродуктивности территории. Является основным дешифровочным признаком как геодинамического строения, так и места обитания всех живых организмов, в том числе человека.

Антропогенный фактор.

В изучении степени антропогенной нагрузки выделяются исследования современного состояния земель и следов древнего природопользования (археологические объекты). Антропогенный фактор – хозяйственная деятельность – отражается практически на всех видах индикационных признаков и, в свою очередь, является отдельным объектом иссле-

дований [12]. Сравнительный анализ древних и современных форм хозяйствования в Калмыцкой степи показывает сильную уязвимость экосистемы в результате увеличения нагрузки на пастбища, а также внедрение форм земледелия, не характерных для данного климатического региона [13]. Археологические памятники: поселения, курганы, могильники, древние сооружения, и т.п. – являются основными объектами изучения. Населенные пункты в древности и настоящее время, как правило, приурочены к местам наиболее комфортного проживания, вблизи рек и родников, в овражно-балочной системе. Древняя дорожная сеть и ее инфраструктура: колодцы, худуки, караван-сарай, переправы и волоки – полностью зависели от формы рельефа, гидрологической сети и климатического фактора. В ряде случаев направление древних дорог совпадает с направлением основных геологических разломов, являясь их индикаторами. Иногда наоборот, индикационные признаки территории помогают вскрыть место проживания и хозяйственной деятельности древнего населения.

Краткая гидрографическая характеристика района исследований

Территория исследований расположена в районе Кумо-Маньчской впадины в долине рек Восточного и Западного Маньча. В середине третичного периода Кумо-Маньчская впадина много раз заливалась морскими водами, образуя пролив, соединяющий Каспийское и Черное море. Во время регрессий, когда впадина освобождалась от воды, в ней сформировались 2 речные долины – Западного и Восточного Маньча. Западный Маньч, являющийся левобережным притоком р. Дон, относится к бассейну Азовского моря, а р. Восточный Маньч и р. Кума – к бассейну Каспия. Водораздел между этими бассейнами в пределах впадины находится в районе устья р. Калаус. Замечательная особенность этой небольшой степной реки, стекающей в Кумо-Маньчскую впадину со Ставропольской возвышенности, состоит в том, что в своем устье она разделяется на 2 рукава, дающие начало обоим Маньчам – Западному, текущему в Дон, и Восточному, направляющему свои воды в сторону Каспия. Абсолютная высота местности в районе водораздела составляет 27,4 м [14].

До начала 1970-х годов, когда в верхнем течении Восточного Маньча было сооружено Чограйское водохранилище, основной сток Калауса поступал в Восточный Маньч по право-

му рукаву. Тем не менее, объем этого стока, даже с учетом вклада правобережных притоков Восточного Маньча, был столь незначительным, что Восточный Маньч и в паводки не доносил своих вод до Каспия, аккумулируя их в Состинских озерах, находящихся в 130-150 км от побережья Каспийского моря.

На всем протяжении долины Западного Маньча имеются озеровидные расширения – лиманы. Обе долины Маньча имеют пойменную и 3 надпойменные террасы. Первая пойменная высотой 1-2 м, вторая – высотой 3-6 м, третья – высотой до 12-15 м над урезом воды. К четвертой террасе относятся расположенные к северу от озера Маньч-Гудило бугры – гряды, вытянутые в широтном направлении. Эти бугры образованы размывом древней террасы, высота которой доходит здесь до 35 м. Пойменная терраса западного Маньча заполнена в настоящее время водами озера Маньч-Гудило и Пролетарского водохранилища, а в пойме Восточного Маньча находится Чограйское водохранилище. Из надпойменных террас на протяжении обеих долин ясно выражена только вторая. Она представляет собой волнистую равнину, где невысокие пологие гряды чередуются с такими же понижениями. Первая и третья террасы в значительной степени разрушены. Рельеф района исследований представлен рядом характерных особенностей: к северу от Маньча лежит предсклоновая полого-наклонная денудационная равнина, где наблюдаются оползни, встречается плоскостной смыв: древняя долина Маньча занята озерами с террасированными берегами [14].

Маньчская ложбина представляет древний тектонический узкий прогиб, разделяющий две морфоструктурные возвышенности Русской равнины (Ергени и Ставропольское плато). В течение четвертичного времени она периодически служила проливом, по которому осуществлялась связь Каспийского и Черноморского бассейнов. В последний раз это имело место в раннехвалынское время. Ложбина частично заполнена комплексом каспийских отложений, залегающих на морских плиоценовых слоях. В разрезе ложбины преобладают засоленные песчано-глинистые пески и плотные шоколадные глины. На склонах долины отмечаются три морские террасы.

Западный район исследований (озеро Маньч-Гудило) расположен в опустыненных полынно-типчакково-ковыльных степях с участием многолетних и однолетних сочносолянковых фитоценозов. Для климата района характерны следующие показатели: сумма по-

ложительных температур выше $+10^{\circ}\text{C}$ 3400-3600°, гидротермический коэффициент – ГТК 0,5-0,7, сумма осадков 358-400 мм в год. Продолжительность безморозного периода 175-185 суток. Температура июля $+25^{\circ}$, зима умеренно мягкая, средняя январская температура -5°C , средний абсолютный минимум температуры воздуха -23°C . Максимальная температура воздуха летом достигает $+40^{\circ}\text{C}$, минимальная зимой – 35°C .

Южный район исследований (Чограйское водохранилище) расположен в зоне полупустынь, зона опустыненных полынно-злаковых степей в комплексе с полукустарничковыми пустынями. Для климата этого района характерны следующие климатические показатели: сумма положительных температур превышает $3950-4050^{\circ}\text{C}$; осадков за теплый период выпадает меньше, чем в западном районе (130-165 мм). В отличие от западного района ГТК меньше и составляет 0,3 - 0,5, средняя месячная температура января составляет здесь $-5, -6^{\circ}\text{C}$, средний из абсолютных минимумов температуры воздуха за зиму составляет -25°C , продолжительность безморозного периода такая же, как в западном районе, 175-185 суток [15].

Восточный район исследований (долина реки Кума) относится к ксерофитно-полукустарничковой пустыне, к псаммофитным вариантам злаково-эфемерово-разнотравных пустынь в сочетании с массивами закрепленных и подвижных песков. Климат района исследований характеризуется аридностью со следующими климатическими показателями: по количеству тепла сходен с предыдущим (сумма положительных температур превышает $3950-4100^{\circ}\text{C}$), но отличается несколько меньшим количеством осадков за теплый период (120-130 мм); гидротермический коэффициент $< 0,3-0,45$; сумма осадков составляет 210–220 мм в год. Лето жаркое (средняя месячная температура июля $+26,0^{\circ}\text{C}$), зима умеренно мягкая (средняя температура января -5°C ; средний из абсолютных минимумов температуры воздуха за зиму $-25 - -27^{\circ}\text{C}$ на участках с пониженным рельефом). Максимальная температура воздуха летом достигает $+40^{\circ}\text{C}$, минимальная в январе -36°C (на участках с пониженным рельефом). Безморозный период длится 180-200 суток [15].

Район находится в переходной зоне от ландшафтов северной полупустыни со светлокаштановыми, легкосуглинистыми слабокомплексными почвами к южной супесчаной и переветренной песчаной полупустыне с бурями

и неразвитыми почвами и бедной низкорослой растительностью. В межрядовых понижениях и в пойме Кумы ландшафты лугово-степные с богатыми травостоями. [16].

Основные объекты исследований 2008 г.

1. Водораздельная часть Западного и Восточного Манычей и прилегающие к ней элементарные ландшафты (координаты участка $45^{\circ}53'28,4$ » с.ш. и $44^{\circ} 02'51,3$ » в.д.). Здесь и далее координаты приведены в системе WGS-84.

2. Озеро Лысый Лиман – современный исток Западного Маныча.

3. Экотонная зона Чограйского водохранилища (Восточный Маныч) - северное побережье по всей протяженности.

4. Хребет Чолун-Хамур – водораздел между Восточным Манычем и р. Улан-Зуха – окрестности г. Шаред – высшей точки Ергенинской возвышенности.

5. Долина р. Наин-Шара ($46^{\circ} 06'06,7$ » с.ш.; $43^{\circ} 37' 43,6$ » в.д.).

6. Черные земли.

7. Восточная часть Кумо-Манычской впадины, Черные земли Прикаспийской низменности и Андраатинские пески ($45^{\circ} 01'06$ » с.ш.; $46^{\circ} 17' 34$ » в.д.), левый берег р. Кумы ($44^{\circ} 58' 06,7$ » с.ш.; $46^{\circ} 12' 44,7$ » в.д.).

На 1 объекте: выполнен почвенно-экологический профиль, взяты образцы почв, сделаны морфологические описания почв и растительной ассоциации, химический анализ почв, проведена работа по выявлению на местности древней дорожной системы, ранее дешифрованной на космических снимках.

На 2 объекте: взяты образцы воды на истоке Западного Маныча- 1 шт., на Лысом Лимане - 2 шт., 1 шт. - из артезианского колодца и выполнены их химические анализы на содержание ионов CO_3^{--} ; HCO_3^- ; Cl^- ; SO_4^{--} ; Ca^{++} ; Mg^{++} ; Na^+ ; и степени их минерализации. Выполнены 5 описаний растительных ассоциаций (на берегу оз. Лысый Лиман, у плотины). Проведена идентификация древних антропогенных объектов (дороги и грунтовые могильники) с космического снимка на местности, выявлены и зафиксированы дешифровочные признаки.

На 3 объекте: продолжен мониторинг экотонной зоны на ключевых участках Вост. Маныча. Выполнено 2 почвенно-экологических профиля рядом с плотинной Чограйского водохранилища и р. Подманок (Восточный Маныч) с описанием почв и растительности. По всему водохранилищу - р. Подманок (восточная часть), исток Черноземельского канала и край-

ней западной части - взяты образцы воды и определен их химический состав. В центральной части, на побережье Восточного Маныча, отмечено местоположение пересечения старых заросших дорог и курганных групп, ранее выявленных на космическом снимке.

На 4 объекте: в районе г. Шаред выполнено описание растительности естественных пастбищ. Почвенные данные выполнены в 2007 г. Нанесены на карту местоположение курганной группы и фрагменты древних дорог вдоль нее.

На 5 объекте: заложен почвенно-экологический профиль, взяты образцы воды. Продолжен мониторинг (с 2005 г.) за состоянием растительности и качественным составом воды. Выявлено 16 археологических объектов (курганов), объединенных в 3 курганные группы, находящихся в зоне активного техногенного воздействия.

На 6 объекте: в 50 км к югу от п. Яшкуль выполнено описание почв и растительности. В долине р. Светлый Ерик (бывш. р. Гайдук – 28 км. к югу от п. Комсомольский) выполнено описание почв и растительности, взяты образцы воды и определен их химический состав.

На 7 объекте: выполнено 5 описаний почвенно-растительного покрова. Отмечен процесс зарастания открытых песков, уменьшение площади опустынивания в сравнении с 1980-ми годами. В р. Кума и в 2-х артезианских колодцах взяты образцы воды и определен их химический состав. Отмечены дешифровочные признаки участков полупустынной местности для определения географо-генетических особенностей данной территории, т.к. генезис и эволюция почвенно-растительного покрова, строение рельефа резко отличаются от западных районов Кумо-Манычской впадины.

Объекты почвенно-геоботанических исследований

Озеро Маныч-Гудило (западный район исследований).

В экотонной зоне озера Маныч-Гудило 24 июня 2008 года на солончаке заложен экологический профиль. На расстоянии 0-5 м от кромки воды среди пятен голой земли находится сарсазановая ассоциация на солончаке, от 5 до 35 м, солеросовая с пятнами изреженных участков, от 35 до 40 м, солянковая на солончаке, от 40 до 42 м – лебедовая с люцерной. С 42 м расположен обрывистый берег озера и начинается фоновая ассоциация разнотравно-кострово-житняковая с ковылем. На северном берегу озера Маныч-Гудило, в районе НЭС «Маныч», (координаты 46° 24' 08.3" с.ш., 42° 39' 03.0" в.д.,

высота над уровнем моря 8 м) расположена ассоциация мятликовая с разнотравьем (рис. 5).

В долине балки Наин-Шара на расстоянии 0-3 м от уреза воды находится пырейная ассоциация на светло-каштановых почвах; с 3 до 5 м – белополынная ассоциация; с 5 м начинается зональная житняковая ассоциация с полынью в комплексе с ковыльной (5 %) и с пятнами осочковой ассоциации. По описанию 2005 г. на данном ключевом участке произрастали разнотравно-полынная и, в 25 метрах от воды, пырейная ассоциации.

Экотонная зона озера Большое Яшалтинское обследована в июле 2005 года и в октябре 2007 года. Ключевой участок расположен в Яшалтинском районе к югу от озера Большое Яшалтинское, в 5-10 м от уреза воды (координаты 46°17' с.ш., 42°30' в.д.). Ассоциация солянковая на солончаках. В 10 - 15 м от уреза воды ассоциация солончаково-полынная

На восточном склоне крутизной 10° к озеру Большое Яшалтинское более 90 % от общей площади контура занимает разнотравно-ковыльная ассоциация, около 5 % солодковые куртины у обрыва из солодки голой (*Glycyrrhiza glabra* L.) и менее 5 % тростниковые куртины по балкам из тростника обыкновенного (*Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud

В районе озера Большое Яшалтинское заложен экологический профиль (координаты 46° 14' 56".0 с.ш., 42° 27' 36.1" в.д.). На расстоянии 5 м от озера расположена солеросово-сарсазановая ассоциация. Высота от уровня моря 5 м. С 5 м начинается ассоциация бескильнищевая с полынью, она имеет протяженность 20 м, до подножия склона. На северном склоне 20° на 27 м расположена злаковая ассоциация. По склону на 50 м расположена типчаковая ассоциация. На вершине склона (высота над уровнем моря 28 м) ассоциация полынно-типчаковая.

В 1 км от озера Царык на фоновой зональной ассоциации сделано описание растительности и взяты образцы почвы. Ассоциация ковыльно-типчаковая с разнотравьем на каштановых почвах. Ключевой участок находится на склоне северной экспозиции 15-20°. Координаты ключевого участка 46° 12' 01.4" 42° 42' 56" Высота от уровня моря 28 м. В 2-3 м от берега озера Царык расположена злаковая ассоциация с кермеком и полынью на луговом солончаке. Координаты ключевого участка: 46° 1' 30. " 42 42' 43.9" высота от уровня моря 6 м. На берегу озера, в 5 м от обрыва, располагается лебедовая ассоциация на солончаке типичном.

На южном берегу озера Маныч-Гудило, в экотонной зоне лимана Арал-Эмке (рис. 6), напротив острова Пятисотка (рис. 7), на склоне к лиману в 5° (координаты $46^{\circ} 24' 52.1''$ с.ш., $42^{\circ} 24' 19.1''$ в.д., высота над уровнем моря 5 м) на 20 метров от кромки озера, территория без растительности (голая земля с выступами солей). С 20 до 35 метров – сарсазановая ассоциация,

а с 35 метров начинается фоновая ассоциация: житняково-типчаковая с костром. Отмечены закономерности ландшафтного строения береговой линии озера Грузского, ранее являющегося лиманом оз. Маныч-Гудило (рис. 8, 9). На северном берегу озера с 2007 г. функционирует научно-экспедиционный стационар ЮНЦ РАН «Маныч».

Рис. 5. Северный берег озера Маныч-Гудило в районе НЭС «Маныч»

Рис. 6. Южный берег озера Маныч-Гудило в районе лимана Арал-Эмке

Рис. 7. Панорама центральной части озера Маныч-Гудило с о. Пятисотка.

Рис. 8. Северный берег озера Грузского, бывшего лимана оз. Маныч-Гудило. Вид на восток. На переднем плане лощина и устьевой нанос ила на берегу озера (выделяется зеленым цветом). Снимок сделан с территории НЭС «Маныч».

Рис. 9. Панорама озера Грузского с северного берега. На переднем плане лощина. Подобные лощины, на равном расстоянии друг от друга, расположены на северном и южном берегам озера. Снимок сделан с территории НЭС «Маныч».

**Восточный Маныч
(южный район исследований).**

Озеро Лысый Лиман, образованное во время постройки плотины Чограйского водохранилища, направившей воды р. Калауса в западную часть, в настоящее время является истоком Западного Маныча (рис. 10). На берегу озера расположено сбитое однолетниковое пастбище (координаты 45° 48' 59.7" с.ш., 44° 04' 05.6" в.д.). В районе рыболовецкой артели расположено однолетниково-белопопынное пастбище. В 2 км от СПК «Первомайский». На склоне к озеру расположена злаково-разнотравная ассоциация (координаты 45° 52' 19.5" с.ш., 44° 01' 53.7" в.д.) Недалеко от плотины (координаты 45° 52' 20.2" с.ш., 44° 01' 00.5" в.д.) расположена пырейная ассоциация.

В 5 км от озера Лысый Лиман, в долине реки Улан Зуха, заложен экологический профиль (координаты 45° 53' 28.4" с.ш., 44° 02' 51.3" в.д.). В нижней части балки (высота над уровнем моря 16 м) расположена белопопынно-злаковая ассоциация. На склоне – белопопынно-злаково-разнотравная. на вершине склона – ромашниново-злаково-белопопынная (31 м от уровня моря)

В западной части Чограйского водохранилища 14 июня 2007 года заложен экологический профиль (рис. 11) (координаты участка: 45° 38' 42.6" с.ш., 44° 10' 78.3" в.д., высота над уровнем моря 17 м). Бывшее дно водохранилища заросло тростником. Затем на 8 метров тянется злаковая ассоциация с полынью и тростником на современных аллювиальных засоленных глинистых почвах. По берегу (от бывшей границы водохранилища на 5 метров) тянется злаковая растительность с тамариксом. Далее полосой вдоль бывшего берега на 7-8 метров располагается злаково-солодковая ассоциация на полугидромофных незасоленных почвах. Начиная с 12-13 метров от бывшей границы водохранилища, произрастает фоновая злаково-попынно-однолетниковая ассоциация на зональных почвах каштанового типа.

В балке Улан-Зуха (координаты 45°51' 14.6" с.ш., 44° 07' 32.3" в.д.) расположена разнотравно-злаковая с белой полынью ассоциация.

Недалеко от плотины Чограйского водохранилища заложен экологический профиль. Координаты ключевого участка: 45° 31' 140 с.ш, 44° 40' 037 в.д. В 100 м от уреза воды во флуктуационной экстра-эктонной зоне, на бывшем дне Чограйского водохранилища, сре-

ди пятен голой земли началось зарастание лебедовой ассоциацией с солянкой. В 200 м от уреза воды, на бывшей границе водохранилища, произрастает рогозовая ассоциация протяженностью 50 метров. В 250 м от кромки воды на 20 метров простирается ассоциация, состоящая из чертополоха курчавого (*Carduus crispus* L.) и тысячелистника обыкновенного (*Achillea millefolium* L.). С 270 м располагается вейниковая ассоциация. С 320 м начинается фоновая мятликово-белопопынная ассоциация.

На ключевом участке с фоновой зональной растительностью (координаты 45°31'120" с.ш., 44° 40' 022" в.д.) проводились геоботанические исследования 26 мая 2006 года и 7 мая 2008 года. В 2007 году растительность была комплексная: мятликово-белопопынная и разнотравно-попынная. Общее проективное покрытие мятликово-белопопынной ассоциации было 35 %, средняя высота 15 см. Мятлик луковичный (*Poa bulbosa* L.) занимал 10 %, мортук пшеничный (*Eremopyrum triticeum* (Gaertn) Nevski) и люцерна малая (*Medicago minima* (L.)Bartalini) – по 2 %, полынь белая (*Artemisia lerchiana* Web. et Stechm.) – 20 %, клоповник пронзеннолистный (*Lepidium perfoliatum* L.) – 1 %.

Наблюдая динамику растительности на данном ключевом участке можно сказать, что общее название ассоциации сохранилось, но состояние растительности изменилось: общее проективное покрытие повысилось с 35 % до 40 - 50 % , средняя высота увеличилась с 15 до 20 см, в травостое вместо мортука пшеничного (*Eremopyrum triticeum* (Gaertn) Nevski) появился житняк гребневидный (*Agropyron rectinatum* (Bieb.) Veaub.), более ценный в кормовом отношении злак. Происходит самовосстановление естественных кормовых угодий.

На ключевом участке, расположенном между левым берегом реки Подманок (Восточный Маныч) и Черноземельским оросительным каналом исследования проводились 27 сентября 2005 г. и 7 мая 2008 г. (рис. 12, 13, 14). Координаты ключевого участка 45°29'740'' с.ш. и 44°40'745'' в.д. Участок расположен на склоне южной экспозиции 3 - 4°. Состояние растительности на момент обследования в сентябре 2005 году было следующее: точка 1 расположена в 14 м от левого берега реки Подманок. Растительная ассоциация – сарсазановая на солончаке. Точка 2 расположена в 39 м от уреза воды. Растительная ассоциация – лебедовая на солончаке. Точка 3 расположена в 61 м от уреза воды. Расти-

тельная ассоциация солончаково-полынно-солянковая на светло-каштановых солончаковатых почвах. Точка 4 расположена в 96 м от уреза воды. Растительность комплексная: солончаково-полынная ассоциация составляет 90 % от площади контура и 10 % приходится на супротиволистно-солянковую ассоциацию. Почвы светло-каштановые солонцеватые.

В мае 2008 года состояние растительности ключевого участка отличалось следующими особенностями. В точке 1, от уреза вода на расстоянии 0–3 м находится сарсазановая ассоциация. В точке 2, 3–28 м – среди пятен голой земли встречаются куртины сарсазана. Точка 3, 28–41 м – лебедовая ассоциация. Точка 4, 41–56 м – переходная зона к фоновой растительности, представляющая собой смешанные в той или иной степени травостой из лебеды и полыней с примесью солянки супротиволистной (*Salsola brachiata* Pall.). Точка 5, с 56 м – фоновая растительность, комплексная, состоящая из полынной (85 %) и однолетней (15 %) ассоциаций. В полынной ассоциации в травостое встречаются полынь белая (*Artemisia lerchiana* Web. et Stechm.) и полынь солончаковая (*Artemisia salina* Willd.) и лебеда бородавчатая (*Atriplex verrucifera* MB.)

В однолетней ассоциации в травостое встречаются мятлик луковичный (*Poa bulbosa* L.); мортук восточный (*Eremopyrum orientale* (L.) Jaub. et Spach), полынь белая (*Artemisia lerchiana* Web. et Stechm.); лебеда бородавчатая (*Atriplex verrucifera* MB.); солянка супротиволистная (*Salsola brachiata* Pall.) бескильница расставленная (*Puccinellia distans* (Jacq.) Parl.)

При сравнении описаний растительности 2005 и 2008 года можно сказать, что смена ассоциаций по профилю не изменилась. Но фоновая растительность приблизилась ближе к урезу воды, и в ней произошло улучшение видового состава. Появились злаки: мятлик луковичный (*Poa bulbosa* L.), мортук восточный (*Eremopyrum orientale* (L.) Jaub. et Spach), бескильница расставленная (*Puccinellia distans* (Jacq.) Parl.).

В мае 2008 года были обследованы окрестности горы Шаред. В 3 км от горы (координаты участка 45° 41 10.8 с.ш., 44° 34 15.7 в.д.) расположена разнотравно-полынно-злаковая ассоциация. На вершине горы (координаты 45° 38 60.8 с.ш., 44° 34 51.7 в.д.) произрастает ассоциация разнотравно-ковыльно-типчачковая с полынью (рис. 15).

Рис. 10. Панорама центральной части озера Лысый Лиман с северного берега. В настоящее время озеро является истоком Западного Маныча.

Рис. 11. Панорама западной части Чограйского водохранилища с северного берега. В настоящее время водохранилище сильно пересохло, долина заросла тростником и степной растительностью.

Рис. 12. Панорама восточной части Чограйского водохранилища с вершины г. Шаред, самой высокой точки Ергенинской возвышенности. Видна плотина и начало Черноземельского канала. Слева – пос. Южный.

Рис. 13. Плотина Чограйского водохранилища в центральной части и начало Черноземельского канала.

Рис. 14. Плотина Чограйского водохранилища в центральной части. Вид на запад. Современный исток Восточного Маньча.

Рис. 15. Курганная группа, расположенная на г. Шаред, самой высокой точке Ергенинской возвышенности.

**Долина реки Кума
(восточный район исследований).**

В районе исследований было заложено несколько ключевых участков: на берегу реки Кума, в 50 и 500 м. от берега, в 1,5 и в 5 км. от реки и в ложбине Гайдук. На левом берегу реки Кума (координаты 44° 58' 06.7'' с.ш., 046° 12' 44.7'' в.д., высота над уровнем моря – 21 м) расположена злаково-разнотравная ассоциация на супесчаной, незасоленной почве (рис. 16). В 50 м. от реки Кума располагается костровая ассоциация на супесчаных слабо засоленных почвах. (44°57'55.3'' с.ш., 046°14'30.9'' в.д.) высота над уровнем моря – 19 м. В 500 м. от Кумы (координаты 44°58'34.9'' с.ш., 046°12'52.8'' в.д.) – пырейная ассоциация на супесчаной незасоленной почве. В 1,5 км от Кумы – полынно-ковыльная ассоциация на супесчаной почве. В районе Андрагинских песков (координаты - 44°58'42.0'' с.ш., 046°15'24.2'' в.д., высота над уровнем моря

– 19 м). В 5 км от реки Кума (в районе песков Хаксу-Эльсин, с координатами 45°01'06'' с.ш. и 046°17'34.2'' в.д., высотой над уровнем моря – 14 м) расположена злаково-полынная ассоциация на закрепленных песках на супесчаной, незасоленной почве. В долине реки Светлый Ерек (долине бывшей реки Гайдук), в 28 км, к югу от поселка Комсомольский, среди тамарикса расположена бескильницево-солянковая ассоциация.

Во время экспедиции были отмечены в районе исследований открытые пески, и среди них в местах котловин выдувания встречаются кустарники тамарикс многоветвистый (*Tamarix ramosissima* Led.) и джужгун безлистный (*Calligonum aphyllum* (Pall.) Guerke. (рис. 17)

В понижении находится солеросовая ассоциация, которая состоит только из солероса европейского (*Salicornia europaea* L.), он занимает 15 %. его высота 5 см, солерос находится в стадии вегетации.

Рис. 16. Северный берег р. Кума. Вид на восток. Закладка почвенного профиля участниками экспедиции. В настоящее время восточная часть русла реки имеет искусственное происхождение. Древняя долина расположена в 500 м севернее.

Рис. 17. Барханы и полужакрепленные пески в восточной части Калмыкии, расположенные рядом с долиной р. Кума.

Объекты археологических исследований

Район Восточного Маныча

Основным результатом полевых экспедиций является определение местоположения археологических объектов (курганов, могильников), ранее выявленных по материалам дистанционного зондирования. На всех ключевых участках проводилась фотофиксация, описание и географическое позиционирование археологических объектов.

Помимо курганов, в результате дешифрирования космических снимков высокого разрешения, была выявлена густая сеть древних дорог. Определение остатков этих дорог также входило в задачи исследований. Дорожную сеть, дешифрированную на космическом снимке, можно условно разделить на 2 группы.

Первая, наиболее плотная, расположена вдоль речной системы Западного и Восточного Маныча (Калауса). Дороги направлены параллельно речной долине, среднее расстояние от русла 3-5 км. На протяжении около 50 километров от озера Цаган-Хаг до поселка Приманьчский дороги ни разу не пересекают русло. Пересечение происходит в центральной части современного Чограйского водохранилища, что свидетельствует о наличии брода (переправы) (рис. 18). На противоположном, южном берегу водохранилища дороги радиально расходятся. В 20 километрах восточнее, около плотины, аналогичным пересечением дорог

выявлено второе место переправы.

Вторая группа дорог расположена примерно в 20-30 км от русла Калауса и проходит по гребню хребта Чолун-Хамур в направлении северо-запад. Часть дорог в обход балки Улан-Зуха уходит на запад, большая часть – на север. Выявлены их основные направления, места пересечений в овражно-балочной системе, отмечена привязка к колодцам (в т.ч. артезианским), запрудам и старым хулукам (копаням). Чаще всего дороги проходят по гребню водораздельного хребта. Курганные группы располагаются строго вдоль этих дорог и часто позволяют их индентифицировать (рис. 19). На равнинной местности выявить древние заросшие дороги чрезвычайно трудно; иногда это возможно только с возвышенности (например, с кургана, см. рис. 20).

Таким образом, археологические объекты можно определить как единую систему «некрополь – дорога – ориентир (граница участка проживания)». Назначение дорог – для гужевого транспорта и скотопрогонов. Направление дорог полностью подчинено рельефу местности и стоянкам с водоемом. Термин «древние дороги» здесь принят условно. Пока нет возможности привязывать их создание к определенной эпохе. В середине XX века, с введением новых форм земледелия и скотоводства в Калмыкии, постройки оросительных каналов и водохранилищ, развитием автомобильного и железнодорожного транспорта, нарушилась система традиционного природопользования и древняя дорожная сеть.

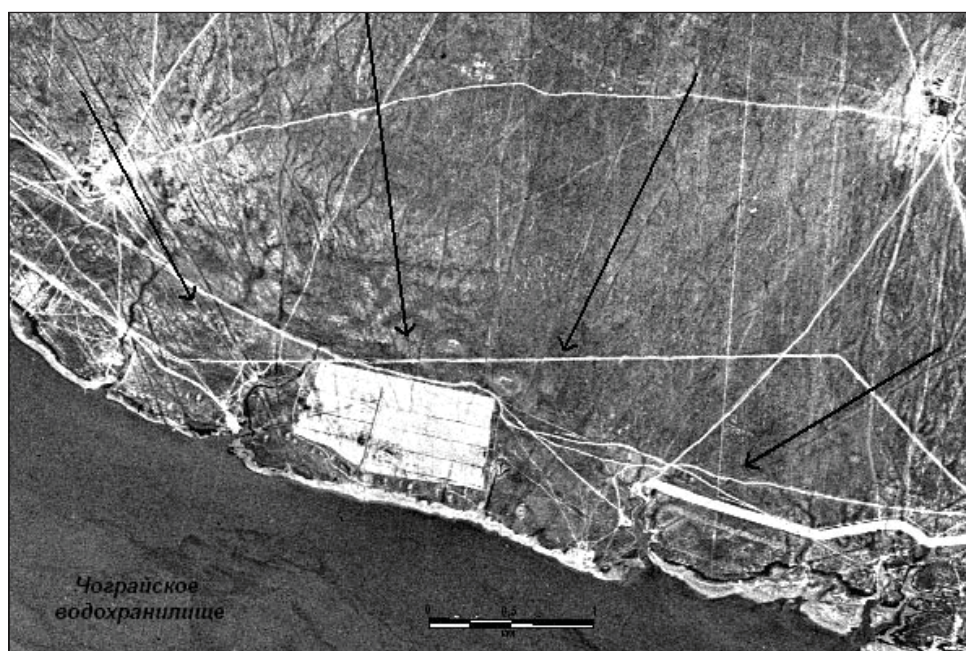

Рис. 18. Концентрация древних дорог на переправе через р. Восточный Маныч (центральная часть Чограйского водохранилища)

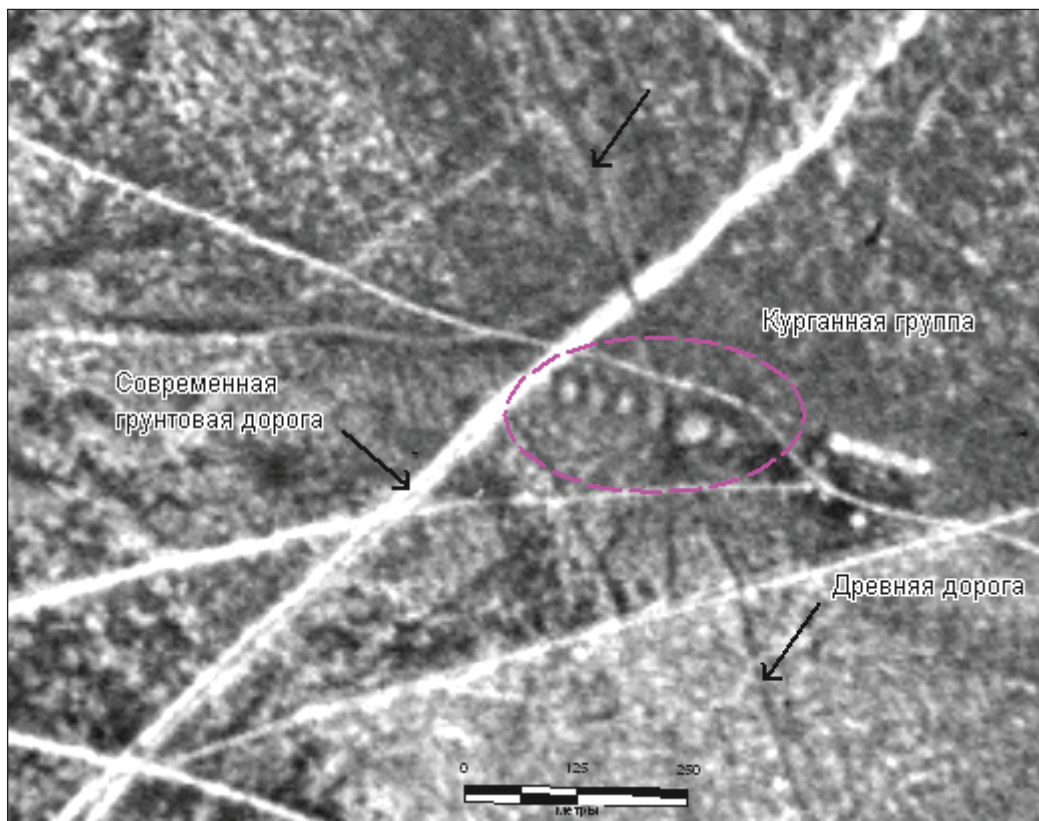

Рис. 19. Курганная группа на космическом снимке КФА-1000, 1996 г.
Общее направление дорог на северо-запад – юго-восток

Рис. 20. Эта же курганная группа. Стрелками показана древняя дорога,
выявленная ранее с космического снимка. Вид с кургана высотой 3 м.
Направление дороги на северо-запад

Район реки Кума

В восточной части Кумо-Манычской впадины (бывшей дельты Кумы в периоды трансгрессии Каспийского моря) отмечен ряд дешифровочных признаков участков полупустынной местности. В частности, определены старые русла рек Гайдук и Кума, заболоченные участки от разлива воды из артезианских колодцев, развееваемые пески (барханы). Данные признаки сопоставлены с МДЗЗ 1990-х годов, картографическим материалом по опустыниванию [17], [18] и современными космическими снимками. Отмечены изменения, накопившиеся за 10 лет. В частности, площадь опустынивания значительно сократилась. Следы древнего антропогенного воздействия в песчаной аккумулятивной равнине выявить крайне затруднительно, хотя в бывшей дельтовой зоне Кумы находились пересечения сухопутных трактов, речных артерий и морская Серебряковская пристань [19]. Изменение рельефа побережья в XX в. из-за регрессии Каспийского моря привело к отмиранию этих путей сообщения. При этом необходимо напомнить, что в настоящее время Каспий находится в очередной трансгрессивной фазе [20]. В изучении проблемы путей сообщения древности необходимо учитывать природную обстановку изучаемого периода. Засушливость или влажность климата региона напрямую влияет на состояние гидрологических объектов и уровень Каспийского моря, что, в свою очередь, сильно отражается на направлении путей сообщения. Данное обстоятельство особенно актуально при проектировании современных транспортных артерий и объектов их инфраструктуры.

Заключение

Проведение комплексных исследований в одной из крупных морфоструктур, каковой является Кумо-Манычская впадина, позволят дать оценку современного состояния наземных экосистем, провести анализ взаимосвязей, выявить тенденции изменений состояния естественных и природно-антропогенных экосистем этого региона.

1. Примером антропогенно-измененных ландшафтов служат наземные экосистемы Кумо-Манычской системы и трансграничных территорий, экотонной зоны естественных и искусственных водоемов, озерно-степных экосистем, опустыненные земли Прикаспия, техногенные объекты, орошаемые земли обводнительных и оросительных систем и т.д. В эту же категорию антропогенно-трансформированных

ландшафтов можно отнести курганы бронзового века и древние дороги.

2. Для каждого из изучаемых объектов характерен свой интегральный показатель абиотической и биотической составляющей, включающий историю формирования, геолого-геоморфологические особенности, эволюцию почвенно-растительного покрова, степень влияния водных источников. В отдельных случаях (например, искусственные водоемы, археологические объекты и др.) антропогенные ландшафты в процессе длительного взаимовлияния с фоновыми комплексами, образуют парагенетические системы. Эта пространственная интеграция проявляется в форме разнообразного взаимопроникновения и взаимовлияния техногенных и природных процессов.

3. Почвенно-экологические профили, проведенные в различных географических пунктах, четко отражают границы блоков экотонной системы: каждый блок соответствует определенному типу элементарного ландшафта с его историей формирования и особенностями современной природно-антропогенной эволюции.

4. На крайнем юго-востоке впадины, в районе Андраатинских песков, процессы эволюционного развития привели к формированию обширной аллювиальной равнины с широким развитием в их пределах аккумулятивных песчаных гряд. Химический анализ изученных на этом участке песчаных почв указывает на незасоленный профиль (плотный остаток в пределах 0,054-0,077 %), гранулометрический состав – супесчаный (физ. глина – от 13,9 до 13,1 %), содержание гумуса – от 0,20 до 0,34%.

5. Были проведены исследования водоемов и прилегающих природных систем, образцы отбирались из Чограйской группы водоемов, Манычской группы и артезианских колодцев. Выполнены химические анализы на содержание ионов CO_3^{--} ; HCO_3^- ; Cl^- ; SO_4^{--} ; Ca^{++} ; Mg^{++} ; Na^+ ; степени их минерализации. К водоемам западной группы отнесено озеро Маныч-Гудило, реки Наин-Шара, Кираста, озера Большое Яшалтинское, Царык, Грузское. Минерализация данных водоемов колеблется от 12,5 до 75,7 г/л, по степени засоленности относятся к сильносолевым водам. Преобладают ионы Cl^- ; Na^+ . По химизму относятся к сульфатно-хлоридному типу. К водоемам восточной группы отнесены р. Подманок, Чограйское вдхр., оз. Лысый Лиман, исток (плотина) Западного Маныча, р. Кума. По полученным результатам содержание солености водной массы колеблется от 1,1 до 3,1 г/л, по степени за-

соленности относится к солоноватым водам. В анионной части преобладают ионы SO_4^{--} ; Na^+ , по химизму относятся к хлоридно-сульфатному типу. Артезианская группа представлена Азово-Кубанским и Восточно-Предкавказским бассейнами. В обработанных образцах из Азово-Кубанского бассейна минерализация составила 3,6 г/л, степень засоленности – солоноватые, преобладают ионы хлора и натрия, по химизму относятся к сульфатно-хлоридному типу. В Восточно-Предкавказском бассейне соленость водной массы составила 3,2-4,1 г/л, с преобладанием ионов хлора и натрия, по химизму образцы воды относятся к сульфатно-хлоридному типу. Для этих вод характерен болотный запах, желтоватый цвет (за счет содержания йода) и присутствием газов. Поэтому без соответствующей очистки их использовать нельзя.

6. В ходе экспедиционных исследований 2008 г. было заложено 6 экологических профилей, сделано 15 описаний растительных ассоциаций, взято 3 укоса растений на химический анализ. Недалеко от плотины Чограйского водохранилища заложен экологический профиль. Это исследование интересно тем, что в марте 2007 года была сброшена вода из Чограйского водохранилища и уровень воды понизился до такой степени, что береговая линия отошла на 100 метров. Описания растительности были сделаны в 100, 200, 250, 270 и 320 м от уреза воды. Наблюдая динамику растительности на ключевом участке, можно сказать, что на мятликово-белопопынной ассоциации состояние растительности изменилось: общее проективное покрытие повысилось с 35% до 40-50 %, средняя высота увеличилась с 15 до 20 см, в травостое вместо *Eremopyrum triticeum* (Gaertn) Nevski появился *Agropyron pectinatum* (Vieb.) Beaub., более ценный в кормовом отношении злак. Происходит самовосстановление естественных кормовых угодий. На ключевом участке, расположенном между левым берегом реки Подманок (Восточный Маныч) и Черноземельским оросительным каналом, при сравнении описаний растительности с 2005 по 2008 годы можно сказать, что смена ассоциаций по профилю не изменилась. Но фоновая растительность началась ближе к урезу воды и в ней произошло улучшение видового состава. Появились злаки: *Poa bulbosa* L., *Eremopyrum orientale* (L.) Jaub. et Spach, *Puccinellia distans* (Jacq.) Parl. В целом следует отметить, что на этих ключевых участках отмечено улучшение биоразнообразия травянистого покрова в основном из-за уменьшения пастбищной нагрузки. В перспективе антропогенная нагрузка

на природные системы аридных ландшафтов может значительно увеличиться. Сложившаяся ситуация требует пересмотра системы природопользования региона в целом и аридных экосистем в частности. При этом наиболее актуальны вопросы мониторинга за состоянием природных экосистем.

7. Прикаспийский регион рассматривается как сложная система, основой которой являются процессы взаимодействия физических полей Земли, контролируемые внутренние и внешние силы коры и поверхности. Главным ландшафтообразующим фактором является геологическое строение местности и, особенно, современные геодинамические процессы. При исследовании территории за основу принята сумма геофизических полей и их аномалий, взаимодействие внутренних масс земной коры, поверхностных и околоземных (атмосферных) полей. Данный фактор, совокупно с изменением климата и повышением уровня Каспийского моря, необходимо учитывать при проектировании транспортных артерий и элементов их инфраструктуры.

8. По результатам проведенных полевых экспедиций накоплен обширный фактический материал по степени антропогенного воздействия на территории Кумо-Манычской впадины и Ергенинской возвышенности. Сопоставление полевых данных с материалами письменных и картографических источников выполнено с применением материалов дистанционного зондирования Земли, что позволило точно определить на местности антропогенные объекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1773.
2. Бэр К.М. Книга большому Чертежу или древняя карта Российского государства. Изд. второе. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1838.
3. Костенков К.И. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи. В книге «Калмыцкая степь Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Манычской экспедиции». СПб., 1868.
4. Бегучев П.П. Естественная кормовая площадь Калмыцкой области, ее современное состояние и перспективы рациональной организации // Калмыцкая степь. Астрахань. 1929. №№ 1, 2, 3.
5. Бегучев П.П. Производительность кормовых угодий // Калмыцкая степь. Астрахань. 1929. №№ 4, 5, 6.
6. Бакинова Т.И., Лачко О.А., Емельяненко Г.Г. Кормовые угодья Республики Калмыкия. Элита: Калмыцкое кн. изд-во, 1996. 117 с.

7. Матишов Г.Г., Дженюк С.Л. Концепция экосистемного мониторинга аридных зон Юга России // Современные проблемы аридных и семиаридных экосистем юга России. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН 2006. С. 17-34.
8. Залетаев В.С. Структурная организация экотонов в контексте управления // Экотопы в биосфере. М.: РАСХН 1997. С. 11 - 29.
9. Программа и методика биогеоценологических исследований М.: Наука, 1974. 404 с.
10. Флоренский П.В., Петренко А.В., Шорин-Константинов Б.П., Ведешин Л.А. Место космического изображения при комплексной обработке геолого-геофизической информации для изучения глубинного строения Нижнего Поволжья // Исследования природной среды космическими средствами. М. 1976. С. 42 – 60.
11. Гридин В.И., Гак Е.З. Физико-геологическое моделирование природных явлений. М.: Наука. 1994. 204 с.
12. Шишлина Н.И., Булатов В.Э. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 120. Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке М., 2000. С. 43 - 54.
13. Гольева А.А. Взаимодействие человека и природы в Северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Труды ГИМ. Вып. 120. Сезонно-экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке М., 2000. С. 10 - 27.
14. Лурье П.М., Панов В.Д., Саломатин А.М. Река Маныч. Гидрография и сток. СПб.: Гидрометеоздат, 2001. 158 с.
15. Агроклиматические ресурсы Калмыцкой АССР. Л.: Гидрометеоздат, 1974.- 187 с.
16. Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.: Наука, 1979. 141 с.
17. Карта «Антропогенное опустынивание» (под ред. Тальской Н.Н.) // Атлас «Природные ресурсы Калмыцкой АССР». М.: ГУГК, 1985.
18. Ташнинова Л.Н., Богун А.П., Цуцкин Е.В. Изучение природной среды Калмыкии на основе космической информации // Труды Южного научного центра РАН. Том 1: Геология. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. С. 259 – 269.
19. Борисенко И.В. Литературные и картографические источники о путях сообщения в до-революционной Калмыкии (XIX – нач. XX в.) // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987.
20. Александров В.А. Мониторинг побережья Каспия // Ставрополь. Изд-во СГУ, 2001. 234 с.

**ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАСТБИЩНЫХ ЗЕМЕЛЬ
В УСЛОВИЯХ АНТРОПОГЕННОГО ОПУСТЫНИВАНИЯ
(на материалах Калмыкии)**

Л.Н. Ташинова

Статья посвящена основным проблемам опустынивания пастбищных земель Калмыкии и главным направлениям их восстановления.

Ключевые слова: природа, ландшафт, процессы опустынивания, восстановление пастбищ.

The article is devoted to the basic problems of the desertification of the pastures of Kalmykia and to the chief directions of their restoration.

Keywords: nature, landscape, processes of desertification, restoration of pastures.

Континентальные особенности полупустынного климата на территории Калмыкии определяют хрупкую структуру природных экосистем, устойчивость которых в значительной степени зависит от внешних условий. В связи с этим, вопросы эффективного управления природными ресурсами засушливых земель имеют важное значение для экономического развития региона.

Большую часть территории Калмыкии (83,2% сельхозугодий) занимают природные кормовые угодья, являющиеся базой для животноводства. По данным опубликованных статистических материалов о республике Калмыкия, площадь всех сельхозугодий составляет 4254,6 тыс.га, кормовые угодья (сенокосы и пастбища) – 3581,0 тыс.га [1].

Основные типы пастбищных ландшафтов на территории Калмыкии:

- Прикаспийская молодая аллювиально-морская лиманная равнина с чернополынными, белополынными и типчаково-ковыльными полупустынями на солонцах и солончаках;
- Черноземельская древне-дельтовая песчаная равнина с белополынным, белополынно-эркековыми и прутняковыми пустынями на слабообразованных бурых песчаных и супесчаных открытых песках;
- Ергенинская эрозионно-возвышенная равнина с белополынно-типчаковыми и белополынными степями на комплексах светло-каштановых почв с солонцами;

- Манычская ложбина с солянковыми и полынными степями и полупустынями на солонцевато-солончаковых почвах;

- Северо-восточная периферия Ставропольской возвышенности со злаковыми полынно-разнотравными степями на черноземах

Основной социально-экономической и экологической проблемой в республике считается опустынивание как результат нерационального природопользования, осложненного напряженностью естественных факторов. Это проявляется в деструкции природных экологических систем, деградации растительности, увеличении площади открытых песков, образовании так называемых нуклеарных типов ландшафтов. Причинами опустынивания земель, на наш взгляд, являются пастбищная дигрессия, ветровая и водная эрозия, вторичное засоление и осолонцевание, истощение, загрязнение, засоление линз грунтовых вод, снижение биологического разнообразия, техногенное воздействие, забвение традиционных форм и методов хозяйствования.

На космическом снимке (рис. 1) отчетливо видны результаты деградационных процессов, выраженных в форме многочисленных «язв дефляции».

В силу своего географического положения и природных условий регион отличается жесткостью экологических режимов. Данные таблицы 1 показывают, что большая часть территории Калмыкии расположена в аридных зонах.

Таблица 1

Распределение земель Калмыкии по природным зонам (млн. га)

Степная	Сухостепная	Полупустынная	Пустынная
0,24	2,18	2,93	2,24

В числе основных составляющих антропогенного опустынивания земель пастбищная дигрессия является одной из главных. Резкое ухудшение состояния пастбищ в результате перевыпаса привело к нарушению равновесия

природных экосистем, обеднению видового и популяционного разнообразия пастбищной растительности, снижению их способности к восстановлению и эффективному функционированию.

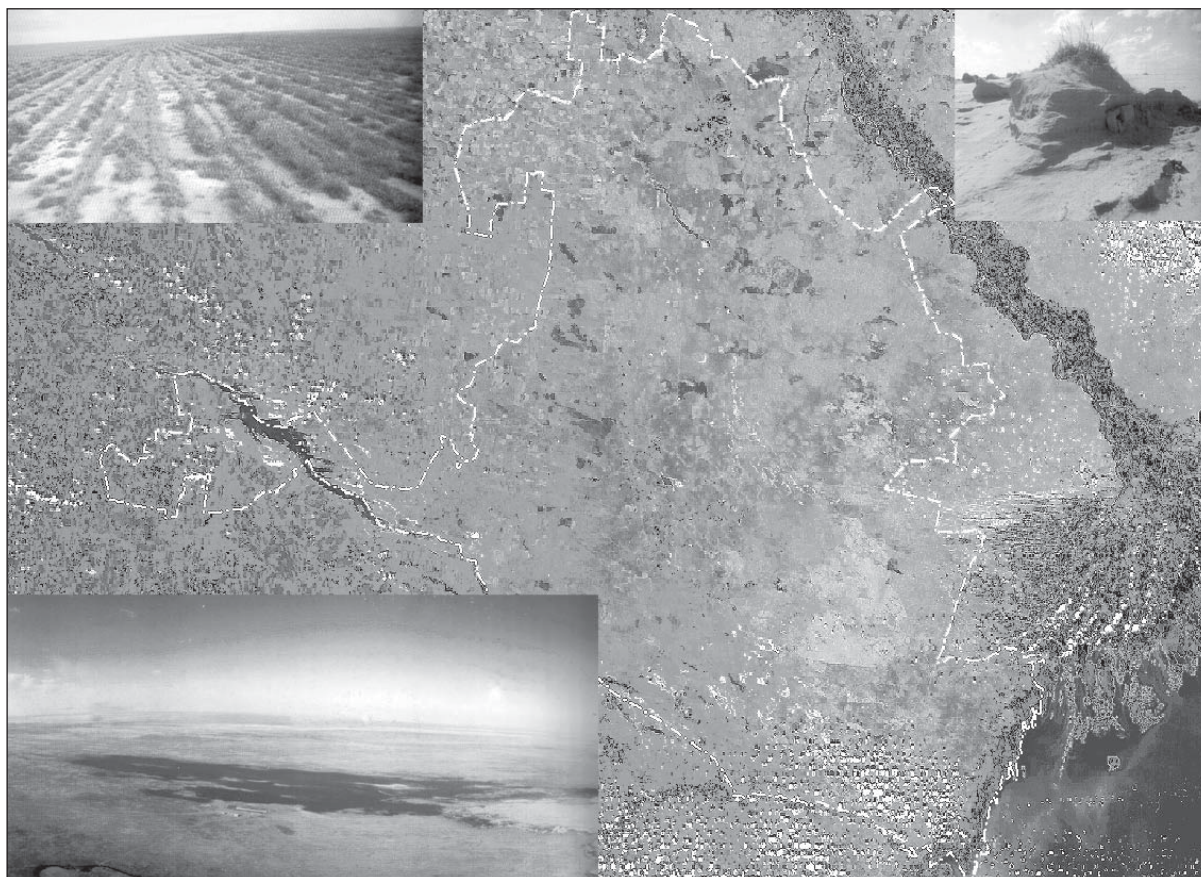

Рис. 1. Территория Калмыкии из космоса

По формам природно-антропогенного опустынивания земли Калмыкии распределены следующим образом (*табл.2*, данные Госкомзема Республики Калмыкия):

Таблица 2.

**Распределение земель Калмыкии на территории
по формам природно-антропогенного опустынивания**

Засоление	2377,2 тыс. га (53%)
Дефляция	1758,4 тыс. га (39,4%)
Эрозия	326,9 тыс. га (7,3%)

По степени опустынивания распределение земель почти равномерное (см. *табл.3*). Территория с фоновым уровнем составляет 17,3%.

Таблица 3

Степень опустынивания земель

слабая	32,1 %
средняя	34,3 %
сильная	33,6 %

Главная причина негативных агроэкологических изменений - неадекватная природно-ресурсному потенциалу земель - хозяйственная нагрузка пастбищ овцами тонкорунных пород (*табл.4*).

Таблица 4

**Динамика численности овец тонкорунных пород с 1960 г.
(без учета 15% разрешенного индивидуального скота)**

1960	1970	1975	1980	1985
1,8 млн.	2,2 млн.	2,8 млн.	3,1 млн.	3,7 млн.

Тонкорунное овцеводство развивалось во II половине прошлого века в ущерб другим отраслям сельского хозяйства. Анализ ситуации позволил выявить ключевую проблемную цепочку: рост поголовья – слабая кормовая база – запредельная нагрузка на степные экосистемы – истощение земли.

Стратегия рационального природопользования включает 3 основных блока:

1. Восстановление пострадавших земель и возвращение их в сельхозпроизводство. Мероприятия: интенсивная фитомелиорация и агролесомелиорация опустыненных территорий.

2. Принятие корректирующих мер и поддержание продуктивности земель, частично затронутых процессами деградации. Мероприятия: строгое регулирование нагрузки пастбищ, дифференцированное применение почвозащитной технологии и системы агролесоприемов, применение малых форм орошения с подачей воды по трубам, применение адаптивно-ландшафтной системы земледелия.

3. Защита земель, не затронутых деградацией. Мероприятия: поддержание продуктивности этих земель, совершенствование сети особо охраняемых территорий.

Следует заметить, что восстановительная

сукцессия растительности пастбищ возможна при минимальном нарушении почвенного покрова и в свете новой парадигмы природопользования, предлагающей переход от антропоцентрического начала к природоохранному императиву, на первый план борьбы с деградацией почв выходит сохранение их экологических функций.

В условиях опустынивания аридных территорий становится очевидной приоритетность проблемы географо-генетического разнообразия почв в естественных экосистемах. Важное место в системе мероприятий по охране почв и экосистем отводится экологическому мониторингу.

Под эгидой ООН в настоящее время проводится работа по созданию сети фондового экологического мониторинга. Наряду с фондовым мониторингом необходимо разработать сеть приграничных и трансграничных степных комплексов с учетом антропогенных факторов и необходимости экологической реставрации нарушенных ландшафтов.

ЛИТЕРАТУРА

Калмыкия в цифрах. Статистический сборник. Элиста, 2006. - 316 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАБОТА УЧЕНОГО СОВЕТА

11 сентября 2008 года состоялось расширенное заседание Ученого совета Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, посвященное 110-летию со дня рождения ученого-востоковеда, общественного деятеля, первого доктора филологических наук Калмыкии Церен-Дорджи Номинханова. На заседании Ученого Совета присутствовали ученые Института, калмыцкого государственного университета, родные Ц.-Д. Номинханова (Номинханов Д.Д., Номинханов В.Д., Номинханов О.Д., Номинханова Г.Д., Анджиева (Номинханова) Д.О., Номинханов С., земляки (Цуглинова М.Б., Чедырев Н.Б. и др.).

С докладом «О жизни и деятельности Ц.-Д. Номинханова» выступила директор КИГИ РАН, кандидат политических наук Н.Г. Очирова. В нем отмечено, что «ученый-востоковед, первый доктор филологических наук Калмыкии Церен-Дорджи Номинханов стоял у истоков становления академической науки в Республике Калмыкия, многое сделал в подготовке научных кадров, в укреплении научно-методической базы Института, внес неоценимый вклад в становление и развитие отечественного востоковедения.

Он родился в х. Пандя станицы Граббевской Сальского округа Области Войска Донского. Закончив Пандинское приходское училище, учился на народного учителя в станице Великокняжеской Области Войска Донского.

Ц.-Д. Номинханов принимал активное участие в Гражданской войне и Монгольской народной революции. Был одним из создателей Комитета науки, ныне Академии наук Монголии. В 1923 г. вернулся из Монголии и поступил на учебу в Ленинградский Восточный институт на отделении монголоведения. Во время учебы был в научной командировке в Монголии, работал в экспедиции академика Б.Я. Владимирцова и собрал большой фольклорный материал. После окончания Восточного института в 1930-1931 гг. работал в педагогическом техникуме г. Астрахани. В 1931 г. Ц.-Д. Номинханов поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института языкознания по специальности «лингвист», а в 1932 г. был переведен в Московский институт востоковедения на монгольское отделение. После аспирантуры работал преподавателем монгольского языка в Среднеазиатском университете в г. Ташкенте, занимался научной работой, составлением учебников монгольского языка для студентов университета. С 1940 г. работал в Институте языка, литературы и истории Узбек-

ского филиала АН ССР. В мае 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Монгольские административно-политические и военные термины XIII-XV вв., сохранившиеся в узбекском языке».

В связи с созданием в 1941 г. Калмыцкого НИИЯЛИ был приглашен на должность ученого секретаря Института. В годы депортации, в период с 1944 - 1949 гг., работал в Хакасском НИИЯЛИ. Продолжал заниматься изучением вопросов тюрко-монгольских языковых параллелей, составлением словарей. В 1949 г. по приглашению Казахского госуниверситета преподавал в нем древнетюркские языки. В 1956 - 1960 гг. работал в Институте языкознания АН Казахской ССР. После восстановления Калмыцкой АССР, с 1960 по 1967 гг., работал в секторе языкознания Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Исследования по тюркским и монгольским языкам».

Ц.-Д. Номинханов был востоковедом-филологом широкой специализации: этнограф, лингвист, литературовед, фольклорист. Владел русским, английским, немецким, монгольским, калмыцким, тибетским, хакасским, узбекским языками. Знал древнетюркский, старокалмыцкий и старомонгольский письменные языки.

Церен-Дорджи Номинханов являлся автором множества учебников по калмыцкому, монгольскому языкам, часть его трудов была посвящена народному творчеству монголов, калмыков, казахов, хакасов и др. народов. Значителен вклад ученого в разработку проблем истории калмыцкого языка и письменности. Важное место среди его трудов занимают работы по лексикографии (словари) и терминологии (соматические термины, термины родства, животноводства и т.д.), до сих пор не утратившие своего научного значения. Особое место в научном творчестве ученого занимала алтаистика, особенно тюрко-монгольские языковые связи. Ц.-Д. Номинханов – автор более 60 научных работ».

Своими воспоминаниями о Ц.-Д. Номинханове поделились старший научный сотрудник отдела языкознания КИГИ РАН, к.ф.н. Н.Н. Убушаев, профессор КГУ, доктор филологических наук Д.А. Сусеева, профессор КГУ, доктор педагогических наук О.Д. Мукаева, его внук, офицер запаса В.Д. Номинханов, главный библиограф КИГИ РАН П.Э. Алексеева, А.Д. Бембева и др.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В июле-августе 2008 года состоялась совместная Международная научная экспедиция в западных районах Монголии «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западно-монгольские локальные традиции». Коллектив исследовательской экспедиции был организован с привлечением ведущих специалистов по филологии и этнологии монгольских народов, а также молодых научных сотрудников Института – Очирова Нина Горяевна, руководитель экспедиции, директор КИГИ РАН, к.полит.н.; Бакаева Эльза Петровна, заместитель директора по научной работе КИГИ РАН, д.и.н., Бембеев Евгений Владимирович, ученый секретарь КИГИ РАН, к.ф.н., Омакаева Эллара Уляевна, старший научный сотрудник отдела языкознания КИГИ РАН, к.ф.н., Тепкеев Владимир Толтаевич, научный сотрудник отдела истории КИГИ РАН, к.и.н., Борлыкова Босха Халгаевна, младший научный сотрудник отдела языкознания.

В процессе подготовки программы и маршрута экспедиции, консультаций с монгольскими коллегами было принято решение среди заявленных к обследованию этнических групп главное внимание уделить исследованию языка и культуры наиболее близких калмыкам в этногенетическом отношении дербетов и торгутов Монголии, а также олетов (этнических преемников джунгар) и захчинов, как одной из наиболее многочисленных групп монгольских ойратов.

Согласно предварительному плану, маршрут экспедиции был спланирован так, чтобы коллектив имел возможность ознакомиться с культурой и бытом, научной литературой по этнографии алтайцев (ойротов), официально называвшихся в течение длительного периода ойронтами, или белыми калмыками. Дополнительные корректировки в план исследовательской работы были внесены в связи с приглашением руководства администрации г. Кобдо (Ховд) принять участие в работе фольклорного фестиваля «Наследие Алтая» (25-28 июля 2008 г.). Проведение фестиваля, в котором участвовали представители всех 5 аймаков Западной Монголии, в том числе ойраты из 23 сомонов (поселений) – в сроки, определенные для проведения полевой экспедиции, явилось несомненной удачей для нашего коллектива. В фольклорном форуме приняли участие также представители российских республик Тува и Алтай.

Скорректировав планы, члены экспедиции из г. Барнаул выехали сначала в Республику Алтай, затем через контрольный пункт Ташанта проехали на территорию Баян-Улгийского аймака

Монголии, основное население которого состоит из казахов, дербетов и халха-монголов.

Члены экспедиции приняли участие в фольклорном фестивале и в качестве научных работников, исследовав фольклор, обычаи, традиции ойратов, и в качестве представителей родственного народа, представив калмыцкое музыкальное искусство.

Участники фольклорных коллективов из сомонов, представивших свое творчество, располагались в привезенных специально и установленных в г. Кобдо (Ховд) юртах, в которых также состоялись выставки предметов материальной культуры и искусства ойратских народов. Здесь были представлены наиболее интересные образцы предметов быта кочевников, многие предметы являлись раритетными музейными экспонатами, привезенными из отдаленных селений (сомонов).

Уникальными являются фото- и видеоматериалы, предметы материальной культуры, собранные во время фольклорного фестиваля ойратов Западной Монголии. Кроме этого, членами экспедиции были сделаны аудио- и видеозаписи концертов фольклорных коллективов, представлявших разные уголки Западной Монголии и различные этнические группы западномонгольских народов, а также интервью с отдельными знатоками народной культуры и учеными. К фольклорному фестивалю был приурочен национальный праздник – Наадам, состоящий из «трех игрищ мужей». Видеозаписи скачек и национальной борьбы, предпринятые нашим коллективом, дополнили научный архив Института.

По завершении мероприятий в г. Кобдо вместе с представителем монгольской стороны – Ядамжавом (настоятель буддийского храма с. Манхан) экспедиция направилась в отдаленный сомон Булган, место компактного проживания торгутов Монголии. Материалы, собранные среди торгутов в с. Булган, представляют большой интерес для сравнительного анализа, так как данная этническая группа ойратов Монголии является этническими потомками калмыков, откочевавших в 1771 году из Калмыцкого ханства в пределы Джунгарии. Сравнительно-сопоставительный аспект изучения культуры торгутов Монголии и калмыков России позволяет выявить общее и особенное в исторической судьбе двух ветвей одного народа, реконструировать язык и элементы культуры, характерные для раннего этапа их общей истории. В сомоне Булган проводился опрос информантов по ранее выработанным вопросам, аудио-видеозаписи, а также фотосъемка.

После с. Булган экспедиция направилась в районы расселения захчинов – сомоны Дуут, Манхан. В сомоне Манхан нами был проведен опрос местного населения – захчинов, одного из относительно многочисленных ойратских народов, сделаны записи песенного фольклора, фотокопии рукописей на ойратской письменности из частных собраний. Состоялось знакомство с библиотекой местного буддийского храма «Тёгркюра», которая представляет несомненный интерес. Для калмыков захчинский храм также является культурным центром, так как он считается правопреемником знаменитого Большого монастыря Зая-пандиты Намкхай Джамцо (монг. имя Огторгуйн Далай) – ойратского просветителя, религиозного и государственного деятеля, создателя национальной письменности «Тодо бичиг».

В этом сомоне к работе экспедиции присоединились остальные представители монгольской стороны – На. Сухбаатар и Л. Хангай. В их сопровождении экспедиция направилась через г. Кобдо в Увс аймак и его административный центр – г. Улангом. В Увс аймаке компактно расселены дербеты Монголии. Как и в других сомонах, в Увс аймаке члены экспедиции записали значительный материал по материальной культуре, народному фольклору и обычаям дербетов Монголии.

Проделанная работа по фиксации современной культуры родственных калмыкам ойратских народов представляется значимой в аспекте постоянно трансформирующегося общества ойра-

тов, которые в культурном отношении все более сближаются с восточными монголами. Оставаясь до настоящего времени в своем большинстве кочевниками, ойраты сохраняют уникальный слой культуры, связанный с кочевым скотоводством, который с течением времени может исчезнуть как вследствие все более развивающейся урбанизации в Монголии, так и в связи с консолидацией с халха-монголами. Так, в лингвистическом отношении в западной Монголии доминирующие позиции занимает монгольский язык, в культуре одежды общераспространенным типом костюма с 50-х годов XX века стал запашной монгольский халат «дэли», а, к примеру, ойратский традиционный женский костюм «терлиг и цегдег» в настоящее время является сценической одеждой. Тем не менее, необходимо отметить все возрастающий интерес к возрождению этнических элементов культуры ойратов и углубляющийся процесс осознания собственной идентичности как ойратских народов, в генетическом и культурном отношении отличающихся от доминирующего этноса Монголии.

Полевая работа завершилась в Баян-Улгийском аймаке, откуда члены экспедиции направились в Республику Алтай. В г. Горно-Алтайске состоялись встречи с коллективом Института алтаистики им. С.С. Суразакова, обмен литературой, копирование редких научных изданий по языкознанию, истории и этнографии алтайцев.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С 31 августа по 3 сентября 2008 года в г. Элиста состоялась Межрегиональная научная конференция «Велимир Хлебников и калмыки в третьем тысячелетии». Организатором проведения конференции выступил Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. В подготовке и проведении конференции активное участие приняло Малодербетовское районное муниципальное образование. В работе конференции участвовали более 50 ученых, в том числе хлебниковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Ростова-на-Дону, Киева, Элисты и др. городов, также приняли участие преподаватели учебных заведений и представители творческой интеллигенции ре-

спублики. На конференции был обсужден широкий спектр проблем научного и культурологического постижения творчества Велимира Хлебникова. Взгляд на его творчество с точки зрения восточной культуры стал основной идеей научной конференции, а отношение поэта к Отчизне детства и преломление этих отношений в его творчестве были одной из главных тем научного мероприятия. Несомненно, конференция обогатила палитру исследовательских подходов к творчеству гениального поэта XX столетия. Кроме того, она стала своеобразным итогом всего того, что накоплено и сделано в Калмыкии – на родине поэта в деле изучения творческого наследия Велимира Хлебникова.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

С февраля по июль 2008 года младший научный сотрудник отдела языкознания КИГИ РАН Борлыкова Б.Х. и младший научный сотрудник отдела истории и археологии КИГИ

РАН Оконов Б.А. прошли шестимесячную научную стажировку соответственно в Институте лингвистических исследований РАН и Институте российской истории РАН.

═══════════ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ═══════════

1. **Бакаева Эльза Петровна**, доктор исторических наук, зам. директора КИГИ РАН.
2. **Балинова Наталья Владимировна**, научный сотрудник КИГИ РАН.
3. **Батырева Светлана Гарриевна**, кандидат искусствоведения, зав. Музеем традиционной культуры им. Зая-пандиты КИГИ РАН.
4. **Богун Наталья Михайловна**, научный сотрудник Южного научного центра РАН.
5. **Болдырева Виктория Михайловна**, аспирантка Калмыцкого государственного университета
6. **Буваев Дмитрий Алексеевич**, научный сотрудник Южного научного центра РАН.
7. **Гармаева Арюна Эрдынеевна**, аспирантка Бурятского государственного университета.
8. **Зумаева Дельгир Юрьевна**, младший научный сотрудник КИГИ РАН.
9. **Кукеев Дорджи Геннадьевич**, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
10. **Лиджиев Александр Борлаевич**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований.
11. **Малек Катарина**, аспирант Бохумского университета (Германия).
12. **Намруева Людмила Владимировна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН.
13. **Омакаева Эллара Уляевна**, кандидат филологических наук, зав. отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
14. **Очир-Горяева Мария Александровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН.
15. **Очирова Нюдля Четырловна**, младший научный сотрудник КИГИ РАН.
16. **Санджиева Александра Григорьевна**, младший научный сотрудник Южного научного центра РАН.
17. **Сарангэрэл**, доктор филологических наук, профессор кафедры монгольского языка и литературы Центрального университета национальностей (ЦУН) КНР.
18. **Ташнинова Людмила Николаевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН.
19. **Убушаев Николай Надбитович**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН.
20. **Уласинов Юрий Юрьевич.**, аспирант КГУ.
21. **Селеева Цаган Бадмаевна**, научный сотрудник КИГИ РАН.
22. **Шантаев Бемб Александрович**, младший научный сотрудник КИГИ РАН.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются результаты фундаментальных исследований в области гуманитарных наук.

Материалы принимаются в бумажном варианте (1 экз.) и в электронном (только на диске или по e-mail) в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала, на странице 28 строк, в строке 60 знаков, включая пробелы. При наборе использовать только стандартные гарнитур шрифтов: Times New Roman Суг./ Times Halm Win. Электронный вариант статьи должен строго соответствовать бумажному. В электронном варианте допускается расстановка только ав томатических переносов. Страницы обязательно должны быть пронумерованы. После названия статьи обязательно указываются Ф.И.О. автора(ов). Распечатка статьи должна быть за визирована «живыми» подписями всех авторов. Электронный вариант должен состоять из трех файлов: статья, реферат, сведения. Названия файлов должны состоять только из фамилии автора и «статья, реферат, сведения». Например: Иванов-статья.doc, Иванов-сведения.doc, Иванов-реферат.doc. Если в статье несколько авторов, название файлам дается по первому автору.

Рисунки предоставляются на диске отдельными файлами (в форматах jpg (без сжатия), tiff) с распечаткой и перечнем подрисовочных подписей или в редакторе Word внутри текста статьи (только если рисунки сделаны в самом Word). Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга.

Все таблицы должны быть пронумерованы, привязаны к тексту и иметь названия. Принимаются только таблицы, созданные в редакторе Word.

Литература должна быть затекстовая. Вся литература обязательно должна быть привязана к тексту. Нумерация - по мере упоминания в тексте в квадратных скобках. Оформление интернет-источников производится в соответствии с ГОСТом. В литературе при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге. При ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка. Ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи. Статьи без списка литературы не принимаются.

К материалу прилагаются: реферат на русском и английском языках (с использованием рефератных оборотов - анализируется, показано, автор приходит к выводу и т.д. - и обязательным переводом на английский названия статьи); УДК, ББК; ключевые слова; сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); научная степень; научное звание; должность (с указанием полного названия кафедры и ВУЗа); телефоны (кафедры, домашний, сотовый) с указанием кода города; почтовый адрес (домашний и вуза) с указанием почтового индекса; e-mail, паспортные данные. Все сведения и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

Сведения предоставляются не в виде анкеты, а одним предложением:

Иванов Иван Иванович - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Южного федерального университета, адрес..., тел..., e-mail... На английском языке точно также.

Ключевые слова даются в 1 строчку - отдельная строка для русских, отдельная для английских.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: 358000, Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8

Учреждение Российской академии наук

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

Тел. (84722) 3-55-06, факс: 2-37-84 .

E-mail: kigiran@elista.ru

Адрес в Интернете: www.kigiran.com

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№3, 2008

Сдано в набор 14.11.2008. Подписано в печать 26.12.08. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12.5. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8